

Александра Руда
Родовой кинжал

Родовой кинжал – 1

Книга подготовлена для библиотеки HL (Scan HL; OCR, ReadCheck - FantoMKillerR;
Conv, ReadCheck - JonVic)
«Родовой кинжал / Александра Руда»: Издательство АЛЬФА-КНИГА; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0906-8

Аннотация

Что делать, если мечты об успешной карьере и славе рассыпались с окончанием войны и ты вдруг оказалась никому не нужный магом с весьма ограниченными возможностями да притом совершенно без денег? Конечно, стать королевским посланником, в чьи обязанности входит инспекция регионов страны и проверка налоговых отчетностей. И что с того, что сопровождать тебя будут влюбленный тролль, трусливый гном, грубая воительница и эльф, утративший веру в прекрасное. Да в придачу надменный капитан королевской армии не дает ни минуты для отдыха!

Трудись, Мила, теперь это твоя работа. Придется многому научиться, чтобы преодолеть поджидающие на каждом шагу трудности. А уж они не преминут появиться на пути королевских гласов. И обычное задание может быть намного сложнее, чем кажется на первый взгляд.

Александра Руда

РОДОВОЙ КИНЖАЛ

Посвящается моему дедушке Михаилу Александровичу Чеботову

1

Устройство на работу — такой процесс, который не всякий может и пережить.

Мила Котовенко в разговоре с няней

Я сидела на длинной твердой лавке в глубине огромного, обшарпанного Зала Собраний, битком набитого народом. Рядом со мной громко сопел тролль, сбоку толкался гном, которому за спинами ничего не было видно, поэтому он то и дело привставал, отчего его коротенькая и редкая бороденка смешно топорщилась. Впереди на лавке, словно на королевском троне, восседал эльф — длинные, струящиеся золотистые волосы, расчесанные волосок к волоску, и неимоверно гордая осанка могли принадлежать только этой расе.

На сцене, перекрикивая шум, надрывался королевский герольд. Он провозглашал новый указ, согласно которому с сегодняшнего дня учреждалась новая служба королевских гласов. Я не знала, как жречество позволило королю назвать своих служащих как посланников богов, но, скорее всего, они просто махнули на его величество рукой. Королевские гласы должны были нести в отдаленные провинции волю нашего Умнейшего и Великолепнейшего величества. Это должно было свидетельствовать о том, что Вышеслав Пятый неустанно заботится о своих подданных. Но на самом деле причина была совсем в другом. Распоясавшиеся за десятилетнюю вялотекущую войну с нечистью, которой наш король был полностью увлечен, некоторые регионы королевства перестали платить большую часть налогов, завели свои порядки и стали поговаривать об автономии. Что творилось в приграничных регионах, не знал вообще никто в столице.

Собирать налоги и приструнить наиболее активных бунтовщиков с помощью армии для прохудившейся государственной казны было делом совершенно неосуществимым, поэтому король решил пойти мирным путем, заодно узнав от посланников о том, как обстоят дела по всей стране и где находятся очаги непокорности. Каждая группа гласов должна была не только инспектировать зарвавшихся местных аристократов именем его величества, но и составлять путевые заметки, призванные заново познакомить Вышеслава Пятого с собственной страной.

Как только герольд перешел к практической части приказа, то есть начал разъяснять принцип набора групп гласов и их обязанности, громко сопящий тролль не выдержал и разразился непрерывным чиханием. На него зашикали, но он не мог остановиться, разбрызгивая слюну на окружающих и не обращая внимания на протянутый мною носовой платок. Из его глаз текли слезы, он отчаянно тер нос, но приступ все не прекращался.

— Прекрати, не слышно ничего! — Кто-то из задних рядов огрел тролля по голове рукояткой топорика.

Мой сосед взревел и подскочил на ноги.

— Как я могу перестать, когда от него воняет! — Он ткнул толстым пальцем в спину эльфу.

Эльф медленно повернул голову и смерил тролля таким презрительным взглядом, что у меня кровь в жилах застыла.

Но на чихающего страдальца это не подействовало.

— Че зыришь? Надухарился, как шлюха в борделе, и воняешь теперь. А я чихаю!

Небрежным жестом отбросив на спину длинные волосы — в воздухе повеяло легким цветочным ароматом, — эльф молча прикоснулся длинными пальцами с прекрасным маникюром к кинжалу. Тролль пошарил у левого бедра, забыв, вероятно, что мечи, секиры, луки и алебарды были предусмотрительно отобраны парочкой мрачных стражников на

входе, а все оружие поменьше было оставлено только под честное слово, что применяться по назначению не будет. Громиле, за неимением оружия, пришлось сжать кулаки и приступить к моральной атаке.

— Вонючий остроухий! — завопил он совершенно не оригинально.

— Я бы ответил тебе, — надменно сказал эльф, — но боюсь, ты не поймешь. Ты слишком туп для того, чтобы понять Сына Леса.

— Туп? — Тролль побагровел и разразился длинным потоком ругательств на эльфийском.

Судя по ошарашенному лицу эльфа, такое владение речью Сынов Леса для него стало сюрпризом. Он сначала побледнел, потом позеленел, а потом, начиная с острых кончиков ушей, налился краской и выхватил кинжал.

— Проклятые шляки!¹ — пролепетал гном и нырнул под скамейку.

Я не думала, что скамейка может послужить достаточным укрытием, поэтому отодвинулась от воинственной парочки на максимально возможное расстояние, прижавшись к молодому магу в длинной серебристой мантии.

— Не бойся, — прошептал он, с готовностью обнимая меня за плечи. — Я тебя не дам в обиду.

— Правда? — Я скептически посмотрела на худенького парня. Но в моей ситуации выбирать не приходилось, какая-никакая, а защита. — Спасибо вам большое. Мне так страшно!

Когда я шла на это собрание, надеясь получить работу, то никак не думала, что это будет опасно для жизни. Никогда не хотела умереть от случайного удара разгневанного тролля, у которого аллергия на духи.

— Ха! — сказал молодой маг, приосаниваясь и расправляя плечи. — Со мной тебе нечего бояться. Сейчас я сделаю такой щит, который выдержит любой удар!

Он взмахнул рукой, и... небольшой огненный шарик сорвался с его пальцев и пропал в проплешину в курчавой шевелюре тролля, который соревновался с эльфом в метании злобных взглядов.

— Ой, — пискнул маг. — Ошибся...

— Ах ты, гаденыш! — Тролль нашел на ком сорвать раздражение и не напороться при этом на кинжал. Он замахнулся ручищей на мага.

На этот раз я уже, не раздумывая, нырнула под лавку.

— Он его убил? — боязливо спросил гном, мой бывший сосед, не уточняя, впрочем, кого он имеет в виду.

— Пытается, — ответила я.

Над нами раздавались крики и звуки драки. Кто-то пробежался по скамье туда-сюда, чье-то тело рухнуло на пол. А потом еще одно. Несколько голосов заревели: «Наших бьют!» — и звуки драки стали куда насыщеннее.

— Моя мама надеялась, что я найду себе спокойную работу, — вздохнул гном. — Персиваль.

— Простите? — удивилась я. Мне слышалось, что гном назвал свое имя, но Персиваль никак не может быть его именем. Гномы так не называют своих детей!

— Мое имя — Персиваль. Меня так мама назвала, чтобы у меня была особая судьба. Теперь я понимаю, что зря, — сказал гном и вдруг пронзительно, как щенок, заскулил.

Отреагировать на этот странный звук я не успела, потому что под лавку заглянул тролль, которого раздражал эльфийский запах. Его широкую физиономию украшала свежая царапина.

— Кто это пищит и мешает махать? — возмутился он, и не успела я глазом моргнуть, как гном Персиваль толкнул меня в спину — как раз навстречу ручище тролля.

¹ Шляки — демоны (у гномов).

Тот недолго думая схватил меня и вытащил из-под лавки. Как ни было страшно, я твердо выдержала взгляд маленьких прищуренных глазок. Несколько ударов сердца мы смотрели друг на друга под аккомпанемент раздражающего верещания из-под лавки, и вдруг тролль отвел взгляд.

— Ты эта... ща как дам, чтобы знала, — пообещал он, но не замахнулся.

Я молча ждала, не сводя взгляда с его физиономии, хотя никакого желания разглядывать низкий лоб, кустистые брови, нос картошкой, пухлые губы в обрамлении недобритой иссиня-черной щетины у меня не было. Но покажешь свой страх — проиграешь, это вложили мне в голову очень давно.

— Отпусти девушку, — раздался за моей спиной мужской голос с легкой хрипотцой.

Взглянув на обладателя этого голоса, тролль как-то сразу спал с лица, отпустил меня и даже погладил по голове своей ручищей.

— Я эта, капитан... Я ж ничего... я только так... — И я не успела пикнуть, как тролль аккуратно посадил меня на лавку и даже поправил юбку у меня на коленях. — А от эльфа воняет! А гном пищит!

— Драниш, — со вздохом сказал капитан, — я тебе что говорил?

Теперь я имела возможность взглянуть на моего спасителя. Это был высокий мускулистый молодой человек. На нем была потрепанная кожаная форма с нашивками капитана королевской армии. Голова его была обвязана бинтами.

Я взглянула ему в лицо и обмерла. Я прекрасно знала эти высокие скулы, большие глаза, нос с легкой горбинкой, идеальные губы и твердый подбородок, появившиеся на свет в результате долгой и кропотливой работы по скрещиванию отпрысков благородных Домов. Эту изящную, утонченную мужскую красоту ни с чем не спутаешь. Холодный взгляд светлых серебристо-серых глаз и кинжал с серебряной рукоятью в простых кожаных ножнах только подтвердили мое предположение.

Как же я не любила таких мужчин! Холодных. Жестких. Равнодушных к человеческим жизням. Не поддающихся эмоциям. Всегда следующих правилам. Невероятно богатых. Желанных женихов для каждой более-менее благородной девушки.

Что аристократ делает в этом грязном зале, да еще и в форме армейского капитана? Ведь владельцы короткой фамилии никак не могли быть чином ниже генерала! И на бастарда он не похож...

— Вы не пострадали, сударыня? — спросил он, чуть наклонив голову и пристально меня рассматривая.

— Нет, спасибо, — ответила я, машинально опуская глаза.

— Хорошо. — Капитан наклонился и извлек из-под скамьи гнома. Легко встряхнув его за плечи, благородный толкнул Персиваля на скамью и негромко приказал: — Молчи.

Как ни странно, это подействовало мгновенно. Впрочем, почему странно? Этих людей учат приказывать с рождения, а капитану сейчас на вид около тридцати лет. Было время достичь совершенства.

— Помни, Драниш, что я тебе сказал, — спокойно, словно заказывая чай в таверне, сказал аристократ.

— Да, капитан, — уныло подтвердил тролль.

Я огляделась вокруг. Солдаты, довольно переключаясь, по всему залу растаскивали дерущихся, от души награждая их пинками и зуботычинами. Драчуны отмахивались и огрызались, впрочем сопротивления не оказывая: всем собравшимся нужна была работа.

Королевский герольд, стоящий на сцене, чуть ли не с умилением смотрел на происходящее, сложив руки на груди. Когда порядок был окончательно восстановлен, он громко произнес:

— Королевский указ о создании службы гласов еще раз подчеркивает глубину прозорливости его величества. Ибо он распорядился создать группы посланников из представителей различных рас.

— Что? — выдохнули сотни глоток слушающих.

Солдаты напряглись, но публика оказалась понятливой и больше не рисковала целостностью носов и зубов.

— Для улучшения отношения между расами вы будете работать вместе! — Герольд обвел зал сияющей улыбкой. Он явно был счастлив, что у него уже есть работа. — Сегодня ваши будущие начальники сформируют группы на основании анкет, и завтра вы узнаете тех, с кем вам придется провести вместе полгода.

— Почему вместе? — спросил кто-то из задних рядов.

— Потому что, — терпеливо пояснил герольд, — группа гласов будет отправлена в глубь страны в отведенный вам сектор. — Он помолчал и с нескрываемым удовольствием добавил: — И вы будете работать каждый день, без выходных.

Не слушая возмущенных воплей, герольд скрылся, а солдаты принялись выталкивать нас из зала. Гном по имени Персиваль попытался незаметно прошмыгнуть мимо. Я тихо сказала ему вслед:

— Только последний трус выталкивает женщину навстречу врагу.

Гном замер. Плечи его опустились, он ничего не ответил и побрел к выходу.

— Простите, сударыня. — Меня тронул кто-то за плечо. Я обернулась и ахнула.

Это оказался молодой маг, у которого не получилось сотворить щит, правда, узнала я его не сразу. Правая сторона его лица была сплошным кровоподтеком, отчего левая сторона перекосилась. Все это выглядело ужасно.

— Я не смог защитить вас, — уныло сказал маг.

Мне стало его жаль.

— Кажется, мы были на «ты», — улыбнулась я. — Мое имя — Мила. А твое?

— Есень, — сказал он и осторожно скривил рот. Наверное, это должно было означать улыбку.

— Тебе же больно, а мы тут стоим! — воскликнула я. Меня никогда не били по лицу, поэтому я могла только представить, каково это. — Пойдем, я знаю, что нужно сделать.

Есень кивнул и покорно пошел вслед за мной.

Мы зашли в трактир неподалеку от Зала Собраний, и я попросила льда. Весна только вступила в свои права, и поэтому в погребе у трактирщика хранилось огромное количество ледяного запаса.

— Прижми лед к щеке, полегчает, — велела я, прикасаясь пальцами к виску Есени.

Немного напряглась и почувствовала, как нагрелись и начали покалывать подушечки пальцев. Молодой маг зашипел сквозь зубы.

— Ты магичка? — спросил Есень, пытаясь отвлечься от неприятных ощущений.

Я медлила с ответом, стараясь не растерять концентрацию. Целительство никогда толком мне не давалось.

— Не совсем. — Наконец-то я удостоверилась, что контакт с пациентом не разорвется, и смогла говорить. — Только что закончила краткие Магические курсы.

— А-а-а, — протянул молодой маг с оттенком презрения.

Маги, обучающиеся в университете положенные шесть лет, всегда кривились, как только видели в коридоре серебристую куртку «курсовика» — мантии нам были не положены по статусу. Я уже давно привыкла к такому отношению, поэтому не обиделась.

— Почему ты не пошла учиться в университет? — спросил Есень, продолжая морщиться — одновременно обезболивать и заживлять я не могла, а сам маг, видно, не обладал достаточным опытом, чтобы исцелить себя самому.

— Мне нужен был диплом, и как можно быстрее. — Я не видела смысла это скрывать.

— Зачем? — удивился Есень. — Ты хочешь быть сельской ведьмой, которая только и знает, как заговаривать прострелы и отгонять простейшую нежить?

— Я хотела пойти на войну с нечистью. А она закончилась на две недели раньше, чем я получила диплом. — Горечь и разочарование все-таки прорвались в голосе, и на меня с удивлением оглянулись посетители за соседним столиком.

Вся моя жизнь последние два года была направлена на то, чтобы пойти на эту

проклятую всеми дрыхлями² и чахами³ войну с соседним государством нечисти. А она внезапно закончилась. Вот так. Десять лет воевали; на этой войне обогатилось и покрыло свое имя славой или позором огромное количество народа, а как только я была готова записаться в ряды доблестной королевской армии, война закончилась, разбив все мои мечты и оставив незаживающую рану в сердце.

Вот поэтому в это далеко не прекрасное утро я оказалась на грязной лавке в Зале Собраний, оставив свою анкету вербовщику. Мне нужна была работа, и как можно быстрее.

— На войну? — Есень некрасиво открыл рот. — Ты — и на войну?

— Да, — спокойно ответила я.

— Но... такая девушка, как ты, — и на войну? Я не понимаю...

Я молча пожала плечами. Объяснять новому знакомому ничего не хотелось. Конечно, очень худая, даже тощая — в последние годы мне редко приходилось есть вдоволь, — и к тому же невысокая, я не выглядела, как воительница-степнячка, которая научилась стрелять из лука раньше, чем ходить. Да, откровенно говоря, я вообще не выглядела воительницей, даже начинающей. Но вербовщики нигде и никогда не указывали, что при приеме в войско существуют какие-то ограничения. Брали даже увечных и слепых — работа всегда найдется.

Конечно, я категорически не хотела идти в пехоту, в которую брали всех без разбора, и бесславно закончить свою жизнь в кратчайшие сроки, послужив «мясом» во время какой-нибудь военной операции, или сидеть сиднем при штабе, разбирая многочисленные бумажки, рапорты и донесения. Поэтому пришлось пойти на краткие Магические курсы, чтобы, имея диплом, получить хоть какую-то приличную должность в армии.

А война тем временем закончилась, потому что король обнаружил пустую казну, увлекся созданием новой службы посланников и не хотел больше воевать. Ошалевшая от подвалившего счастья нечисть безропотно подписала мирный договор, а армия получила передышку перед наведением порядка в стране.

— Я тоже хотел пойти на войну, — признался молодой маг. — Даже университет бросил. Хотел опыта набраться, чтобы покорить свою любимую. Она — самая лучшая студентка у нас на курсе, а я... я все время заклинания путаю. Записался в войско, собрал вещи. А потом вербовщик приказал явиться к Залу Собраний. Я неудачник. И чем я теперь поражу Цаю?

Он шмыгнул носом.

— Сочувствую, — сказала я мягко.

— А давай подойдем к капитанам, — загорелся идеей Есень, и сразу печаль ушла из его глаз, — которые формируют команды. И попросимся в одну группу!

— Не думаю, что это хорошая идея, — ответила я после некоторого раздумья. — Ты же слышал, что сказал герольд: группы будут межрасовыми.

— Не слышал, — признался маг. — У меня так в ушах звенело после удара, что я ничего не слышал. Ну и кулак у этого тролля! Так это что, значит, я буду в одной группе с эльфом?

— Ты не любишь эльфов? — Я убрала пальцы от его виска, выбросила остатки льда и критически осмотрела полученный результат. Далеко не идеально. Зато опухоль спала и багровый кровоподтек превратился в желтый.

— Я к ним равнодушен, а вот Цая — нет. — Молодой маг осторожно ощупал лицо, поводил изнутри по щеке языком и, кажется, остался вполне довольным результатом. — Представляешь, я попрошу ее прийти, когда мы будем отправляться в провинцию или приграничье, куда нас там пошлют, а она увидит в моей группе эльфа. Угадай, на кого она будет смотреть?

² Дрыхли — низшие демоны.

³ Чахи — высшие демоны.

Есень пригорюнился, катая по столу шарики из оставшихся после предыдущих посетителей крошек. Я посчитала свое присутствие лишним и тихо ушла. Молодой маг меня не остановил, полностью погруженный в свои мысли.

В крохотной съемной квартирке в мансарде доходного дома меня ждала няня. Она сидела на табуретке возле открытого окошка и вязала мне толстый свитер, что-то тихо напевая.

Няня была рядом с самого моего рождения и, сколько себя помню, всегда что-то пела. Петь она перестала год назад, когда я поступила на краткие курсы, чтобы пойти на войну. Она не отговаривала меня, просто перестала петь, и это действовало хуже слез и уговоров. Последнее время я держалась изо всех сил, обещая себе, что буду посылать ей все жалованье, пусть она купит себе платье и набор кастрюль, о которых давно мечтала.

А потом война закончилась, и няня снова начала петь. Теперь меня это раздражало. Она могла бы и не так явно выражать свою радость оттого, что все мои планы рухнули.

— Цыпленочек! — Няня обернулась и расплылась в улыбке, после которой мне всегда хотелось упасть к ней в объятия и спрятаться на объемистой груди от всех невзгод. — И как королевская служба?

Я решила не посвящать няню в то, что на собрании случилась драка, зачем лишний раз волновать старушку, и сказала, стараясь подавить волнение:

— Завтра нас будут распределять в межрасовые группы для лучшего сплочения народов королевства. — Брови няни удивленно приподнялись, но она ничего не сказала. — Интересно, кто попадется мне?

— Главное, чтобы у них был хороший характер. — Няня ласково погладила меня по щеке. — Не беспокойся заранее, цыпленочек, все равно ты ничего не изменишь. Только спать будешь хуже.

Завтра наступило быстрее, чем я думала. Вот я только-только заснула под привычное бормотание молитвы, в которой няня просила всех известных богов позаботиться об ее цыпленочке, а уже она будит меня нежными прикосновениями к плечу, а из кухонки доносится запах свежее испеченных булочек с корицей.

— У тебя все будет хорошо, — сказала няня на прощание. — Я в этом уверена. Я сегодня молилась всю ночь. И даже Эйвиллиниели, и Велунду, и Пахану тоже молилась, чтобы они присмотрели за жеребьевкой и в твою группу кто зря не попался.

— Няня... — сказала я строго, в который раз сожалея, что няня всегда присутствовала на моих уроках, внимательно слушая наемных преподавателей. Иногда мне казалось, что она знает куда больше, чем я. — Не утруждай богов других рас заботами обо мне. Ты думаешь, им мало заботы со своими подопечными?

Няня поджала губы.

— Ну не знаю, — сказала она тоном «конечно, конечно, куда там старой глупой няне до понимания мировых процессов», — тролли своего Пахана поминают только в выражениях, которые приличным людям и знать-то стыдно, не то что произносить. Думаю, Пахану будет приятно, если кто-то к нему обратится по-хорошему.

— Ты уверена, что он понимает литературную речь? — усомнилась я.

Глаза няни блеснули. Она поняла, что в этом споре победила.

— Он мог понять интонацию, — сказала он тоном знатока, к которому боги каждый день заходят на чашечку чая.

Когда я пришла на следующий день в Зал Собраний, то обнаружила, что народа там было вполонину меньше, чем вчера.

— Испугались, придурки, что их с остроухими спать заставят, — презрительно сказал тролль Драниш, который, расталкивая окружающих, сел рядом со мной и кивнул в сторону пустых лавок. — А мы не боимся, правда, подружка?

— Подружка? — изумилась я.

— Мы теперь будем вместе! — Он хлопнул меня по плечу так, что я пригнулась и ойкнула. — А че, ты против?

Я же говорила няне, что не нужно молиться Пахану!

— Группы ведь еще не сформированы, — с надеждой сказала я.

— И че? — удивился тролль. — Я же хочу быть с тобой вместе. Кто против?

— Почему, — спросила я расстроено, — ты хочешь быть со мной?

— Я же тебе понравился, — гордо сказал тролль.

— Понравился? — Я пыталась понять, какое мое действие навело его на эти мысли, но тщетно.

— Бона как ты на меня вчера смотрела! Ну когда я тебе по морде дать хотел. Я и не дал поэтому. Потому что любовь! — Тролль поднял вверх толстый указательный палец, похожий на сардельку.

Я прижала ладони ко рту, борясь одновременно со смехом и ужасом.

— Я тебя теперь никому не отдам! — грозно заявил Драниш. — Кто хочет ударить эту вот? Ну кто?

Окружающие нервно заерзали и отодвинулись от нас подальше.

— Я хочу. — С другого конца скамьи поднялся тролль. Он был крупнее Драниша, и его физиономия была украшена большим количеством шрамов.

— Только через меня! — набычился Драниш, сжимая кулаки.

Мне хотелось раствориться в воздухе, взлететь к Пресветлым Богам или даже провалиться сквозь землю, — соседство дрыхлей и чахов сейчас казалось мне предпочтительнее, чем два злобных тролля.

— Ну тебя, Драниш, связываться тоже, — миролюбиво сказал большой тролль. — Я же не знал, что она твоя.

— Моя-а, — любовно пропел Драниш. — Косточки тоненькие, как у курочки, так бы и сломал. И сама такая, как веточка... Хрусть — и нету. Но не буду! Потому что любовь.

Он снова значительно поднял толстый палец. Окружающие посмотрели на меня с нескрываемым состраданием.

— Я буду молиться за тебя, — еле слышно сказал эльф, сидевший на соседней лавке.

— Правильно, — одобрил услышавший тролль, прижимая меня к своему боку. — Молитвы, они никому не помешают.

— Отпусти, пожалуйста, — строго сказала я. — Так на людях вести себя нельзя. Ты испортишь мне репутацию.

— Ну ладно, че уж там, — почему-то смутился Драниш, но отпустил. — Как тебя зовут?

— Мила Котовенко, — сказала я, с тоской понимая, что от тролля уже не отделаешься.

Тролль кивнул, поднялся со скамьи и оглядел соседей. Все быстро отвернулись и сделали вид, что заняты. Драниш одобрительно осклабился и утопал, безжалостно наступая на ноги тех, кто не успел вовремя убратсья с его дороги.

Я сидела на скамейке в одиночестве, изо всех сил стараясь сохранять невозмутимый вид.

На сцену вышел какой-то старый воин с протезом вместо ноги, развернул длинный список и принялся выкрикивать фамилии и номера групп. Я терпеливо ждала, глядя, как будущие королевские гласы расходятся по своим группам.

В конце концов зал почти опустел. А своей фамилии я так и не дождалась.

— Простите, — окликнула я ветерана. — Про меня, кажется, забыли. Моя фамилия...

— Нет, не забыли. — На сцену вышел давешний капитан, обладатель хриповатого голоса. — Вы все поступаете в мое распоряжение. Садитесь поближе.

Он уселся на край сцены и свесил длинные ноги в потертых кожаных штанах и высоких шнурованных сапогах. Сегодня он снял повязку с головы, и длинные волосы, выгоревшие до непонятного цвета, но темные у корней, опускались до середины груди, заплетенные в тугую толстую косу, перехваченную шнурком. В зале появился Драниш и приветственно помахал мне рукой. А потом уселся перед капитаном и уставился на него с выражением немого обожания на лице.

Ничего не поделаешь, значит, мне не избежать общения с благородным, как бы мне этого ни хотелось. Я направилась к первому ряду, на котором сидели два худых парня — коротко стриженный и длинноволосый. Я села, повернулась к соседу, чтобы поздороваться, и изумленно застыла. Острые уши с удлиненными мочками. Большие миндалевидные глаза. Длинный тонкий нос на овальном лице — кажется, это был эльф. Но черные волосы, отливавшие синевой, заплетенные в десятки косичек и украшенные выбеленными человеческими косточками? Бусы из засушенных пальцев? Угрюмое выражение лица? Черная одежда? До этого момента я считала, что черноволосых эльфов не существует в природе. Да и стиль одежды у них определенно другой, и волосы никогда не заплетены целиком, струясь по спине шелковистым водопадом даже во время битвы. Станный парень. Я с трудом подавила желание отодвинуться от него подальше — решила, что это будет невежливо.

Капитан негромко хлопнул ладонями по сцене и сказал:

— Начнем. Меня зовут капитан Ярослав Волк, я буду руководителем этой группы королевских посланников.

Я чуть не застонала в голос. Из всех благородных, которые будут руководить группами, мне повезло попасть к самому холодному, надменному и жестокому типу. Все, что я когда-либо слышала о Волках, и конкретно об Ярославе, было окрашено исключительно в негативные тона.

В нашем королевстве существует строгая система образования фамилий. Только чистокровные отпрыски благородных Домов носят фамилии, состоящие из одного существительного и двухсоставные имена. К фамилиям аристократов рангом поменьше или незаконнорожденным потомкам членов благородных Домов приставляется часть -ов. Как бы нам всем было проще, если бы Ярослав был Волковым!

Фамилии мещан, заслуженных воинов и известных ремесленников оканчивались на -овенко, и я со своей фамилией уже знала, на что рассчитывать. На холодные и безразличные приказы. Хоть бы среди нас был кто-то из черни с фамилией, например, Котовский! Насколько бы мне было легче!

Я обернулась, услышав за спиной громкое сопение, и увидела вчерашнего знакомого, гнома Персиваля. Он грустно посмотрел на меня, ерзая по скамье туда-сюда, и умоляюще сложил руки. Я отвернулась.

— Представьтесь, пожалуйста. — Капитан посмотрел на меня холодным взглядом серебристо-серых глаз.

— Это моя крошка, — встрял Драниш, — Мила Котовенко. А я — Драниш Рых, кто меня не знает, а?

— Тихо, Драниш. — Ничего не выражающий взгляд капитана перешел на эльфа.

— Даезаэль Тахлаэльбрар, Лепесток Хортензэль, — представился тот голосом, выражающим мировую скорбь.

— Эльф? — уточнил Ярослав, слегка склонив голову набок.

— Да, увы. — Кажется, Даезаэль чуть не плакал.

— Ясно, — сказал капитан и перевел взгляд дальше.

— Я Тиса Волковенко. — Из-за эльфа выскочила девица, на которую я сначала не обратила внимания, посчитав ее парнем.

И было отчего. Коротко, ежиком стриженные волосы. Мускулистая фигура, обряженная в мужскую одежду, высокие грубые сапоги на шнуровке. В ней не было ничего женского. Даже грудь не выделялась, а бедра были по-мальчишески узкими. На лице девушки белело несколько тонких шрамов.

— О, — сказал эльф, оценивающе глядя на Тису. — Ты кто такое?

— Я воин! — Ее грубоватый сорванный голос разносился по залу. — И я служу капитану Волку уже много лет!

— Садись, — мягко сказал Ярослав.

— Такая любовь — унылая скука, — негромко сказал эльф с приятным, мягким

акцентом. — Но в моей группе аж две парочки. Развлечемся.

— Капитан и эта — не пара! — возмутился тролль, бросая на Тису злобный взгляд. Воительница не осталась в долгу. Если бы они оба были магами, воздух бы затрещал от искр. — И что за грязные намеки ты делаешь, а, длинноухий?

— Какие намеки? — удивился эльф. — Я просто предположил, что нам будет вместе интересно путешествовать. А уж что подумала твоя маленькая голова, мне неизвестно.

— Ща у тебя она маленькой станет, — пригрозил Драниш и сунул под нос эльфу кулачище. Тот брезгливо сморщил нос.

— Прекратить, — негромко сказал капитан. — А вы?

— Я — Персиваль фон Клоц. — Голос гнома дрожал.

— Хорошо, — сказал капитан. — Итак, у нас получается вот такая группа. Два воина — Драниш и Тиса, два мага — Мила и Даезаэль и ремесленник Персиваль.

— А вы? — спросил гном.

— Всего понемногу, — усмехнулся капитан. — Я буду руководить вашей группой, в нашем секторе на мне будут лежать обязанности собирать налоги, общаться с губернаторами и бургомистрами, осуществлять правосудие. А вы будете делать все, что я скажу.

Он спрыгнул со сцены и стремительным шагом пошел к выходу. Тиса и Драниш побежали за ним.

— Не заставляйте себя ждать, — обернулся капитан. — Я этого не люблю.

— Все еще гаже, чем я думал, — сообщил мне эльф. — А капитан у нормальных людей должен вызывать зубную боль.

— Ты же эльф, — не утерпела я. — Ты же должен восхищаться миром и его красотой!

— А я не восхищаюсь, у меня затяжная депрессия, — отрезал эльф. — И поэтому любящие родственники направили меня на эту глупую службу. Они подумали, что это мне поможет. Помогло — я уже сейчас вижу, что мир еще хуже, чем я думал.

Он погладил высушенные пальцы на груди и тяжело вздохнул.

— Мила, — робко сказал Персиваль, — не злись на меня. Меня мама знаешь как отругала за то, что я тебя в руки Дранишу толкнул! Я не хотел. Я тогда просто испугался.

— Если мама отругала, — я не смогла сдержать улыбку, — тогда я тебя прощаю.

— Да, я понял ужас своего проступка, — торжественно сказал Персиваль. — Я больше не буду.

Мы стояли на улице и рассматривали огромный крытый фургон.

— Это, — сказал капитан Волк, хлопнув по боку фургона, — наш дом на ближайшие полгода. Сектор нам назначили южный-3, и это значит...

— Подождите, — вмешался Персиваль. — Вы что, хотите сказать, что мы будем жить в этом фургоне все *вместе*?

— Да, — промурлыкала Тиса, — мы будем жить там вместе.

И она с обожанием посмотрела на невозмутимого капитана. А тролль с ухмылочкой посмотрел на меня.

— И что ж я маленьким не сдох? — совсем не по-эльфийски сказал Даезаэль.

— Да, — промолвил капитан. — Мы будем жить и путешествовать в этом фургоне до тех пор, пока не объедем весь сектор, который нам назначили. И я очень советую вам не ругаться зазря. В конце концов, мы с вами будем проводить вместе все время ближайшие полгода, поэтому очень важно, чтобы между нами сохранялся мир и взаимопонимание.

— Какие слова, — хмыкнул эльф. — Трогательные и пафосные. Я сейчас расплачусь просто.

Волк невозмутимо дождался, пока целитель закончит свою тираду, и продолжил:

— Вы должны понять, что дорога будет опасной. И я не исключаю того факта, что не все вернутся домой, хоть я и приложу все силы, чтобы защитить вас. А сейчас, после всего услышанного, у вас последний шанс отказаться от службы королевским гласом.

— Мама меня убьет, если я откажусь, — пробормотал гном.

— Какая разница, где смотреть на этот гадкий мир, — пожал плечами эльф. — С вами в

компании он будет еще хуже, и это интересно.

— Капитан, мы не бросим тебя! — в один голос прокричали тролль и стриженная девица.

— Я буду работать, — сказала я.

Мне нужны были деньги, ведь королевским посланникам жалованье выплачивали за три месяца вперед. Это жалованье заодно могло послужить компенсацией тем семьям, родные которых могли погибнуть на службе.

Остававшейся в городе няне надо было на что-то жить. Я не могла позволить, чтобы старушка испытывала в чем-то нужду.

К тому же... мне нужно было занятие, которое бы занимало меня с утра до ночи, чтобы не иметь возможности предаваться тяжелым мыслям.

Так я стала королевским гласом.

2

Любовь — это как будто у тебя внезапно вырастает хвост. Сначала тебе неудобно и ты не знаешь, куда его деть, а потом привыкаешь, и уже непонятно, как ты до этого вообще жил без хвоста.

Драниш Рых объясняет тонкости любви Ярославу Волку

Через два дня ранним утром мы с няней и двумя соседскими парнишками, нанятыми за мелкую монетку, тащили тюки и сумки к главной городской площади. В десять королевские посланники должны были разъезжаться по своим секторам. Проводить нас собрался, кажется, весь город. Множество новых, блестящих лакированными боками, огромных фургонов выстроились на площади в стройные ряды. Возле каждого суетились королевские посланники и их провожающие, сквозь гомон иногда пробивались громкие приказы капитанов и рыдания некоторых провожающих и уезжающих.

— Как мы здесь найдем твой фургон? — растерянно спросила няня.

— Не знаю. — Я растерялась не меньше.

— Эй, котя-котя! — Этот зычный бас ни с чем не перепутаешь! Я покрутила головой, разыскивая тролля, и увидела Драниша, который приплясывал на фургоне и махал мне рукой. Несмотря на холодное утро топляка, второго весеннего месяца, он был без рубашки, и первые лучи солнца играли на его мощных мускулах и густой черной поросли на широкой груди.

— Это тролль? — ахнула няня.

— Да, — ответила я. У меня не хватило духу рассказать старушке о том, с кем я буду вынуждена делить фургон, и об отношении тролля ко мне. — Давай попрощаемся здесь. Не стоит тебе идти в толпу.

Няня кивнула. Все, что можно было, мы уже сказали друг другу за последние два дня, во время упаковки вещей. Я знала, что она будет меня ждать в маленькой квартирке под крышей, каждый день готовая сварить любимую мной рисовую кашу с сушеными яблоками и испечь плюшки. Как сказать няне, сколько она для меня значит и как ценно для меня, что в этом мире есть кто-то, кто будет верен мне до конца?

Я долго смотрела няне в глаза, не зная, как выразить словами все то, что сейчас чувствовала. Почему именно при расставании так остры все чувства, даже те, которым уже много-много лет? Потому что ты понимаешь, что можешь никогда больше не увидеть самого родного для тебя человека? Невысказанные слова жгли мне горло.

— Няня... спасибо тебе, что была со мной все это время...

Старушка прижала ладонь к моему рту, заставляя замолчать, поцеловала меня в лоб и переплела свои пальцы в защитном жесте.

— Пусть все Пресветлые Боги берегут тебя, цыпленочек, — прошептала она. По морщинистым щекам потекли слезы. — Не говори больше ничего, я все знаю и без твоих

слов.

— Только не молись больше Пахану, — грубовато предупредила я, справляясь с эмоциями, чмокнула няню в щеку, и мы с носильщиками принялись пробиваться к нашему фургону.

— Привет, котя моя! Подавай вещи сюда! — весело крикнул тролль, протягивая с крыши фургона руку. Она была обезображена страшными шрамами. — Упакую, пока есть куда! А то, я вижу, гномья матушка там на себе столько тащит, что еще два фургона понадобятся.

Соседские пареньки подали троллю мои сумки, небольшие свертки с вещами первой необходимости я оставила внизу. На крыше фургона было несколько крепких и вместительных деревянных ларей, образующих букву «П» по краям крыши. Обойдя повозку, я остановилась возле ее передка, чтобы поздороваться.

Капитан просматривал какие-то бумаги, пестревшие разноцветными печатями, Тиса меня проигнорировала, а вот Даезаэль сказал:

— Какое мрачное сегодня утро!

— Наверное, — согласилась я. — У тебя много вещей?

— Философу, который осознает мир в его истинном свете, вещи не нужны, — мрачно-торжественно сообщил эльф.

— У него пять сумок, — наябедничал сверху тролль. — Капитан, гномья мать на подходе.

— Понял, — буркнул Ярослав, сложил бумаги в кожаную папку и легко спрыгнул с козлов на землю.

— Капитан Волк! — Толстенная гномиха приближалась к нашему фургону неотвратимо, как темная ночь после пасмурного вечера. — Я препоручаю вашим заботливым рукам моего единственного, моего ненаглядного сыночка. Я уверена, что вы сможете позаботиться о нем как следует.

— Польщен, — сказал капитан вежливо. — Почему у тебя столько вещей, Персиваль? Я же специально выдавал список и запрещал брать больше.

— Я и не брал, — смутился гном. — Это все мама.

— Ясно. Ровно в десять мы выезжаем. Если вы к этому моменту не разберетесь с вещами, Персиваль поедет без них.

— Ка-а-апитан! — капризно протянула гномиха. — Но мой сыночек не может ехать с тем минимальным списком, который вы ему дали! Он замерзнет! Простудится! Не сможет заснуть, если не будет спать на трех своих любимых подушечках! А вы сказали брать с собой только одну подушку. Это невозможно, капитан!

Вокруг нас уже собралась публика, которая с интересом наблюдала за представлением.

— Что, Ярик, как всегда, берешь себе самых трудных? — крикнул кто-то с крыши соседнего фургона.

Капитан Волк в ответ пожал плечами.

— Я все сказал, сударыня, — холодно сообщил он гномихе.

— Мама! — Персиваль дернул мамашу за юбку. — Не позорь меня!

— Я не позорю тебя, я забочусь о своем мальчике! — возмутилась сударыня фон Клоц. Вокруг засмеялись.

— Мама, — простонал молодой гном, заливаясь краской стыда, — уйди. Ты все портишь!

— Ты неправ, — неожиданно для себя самой вмешалась я. — Мать заботится о тебе. Цени это.

— Видали, какая моя котя? — гордо спросил с крыши Драниш. — Она будет хорошей мамкой!

Пресветлые Боги, только этого мне не хватало! Он что, уже рассматривает возможность появления на свет наших общих детей? Конечно, люди могли скрещиваться с троллями, равно как и с любыми другими расами, но полукровки в нашем королевстве были очень

редким явлением, в основном из-за осуждения окружающих. А может быть, потому, что представителя не своей расы полюбить достаточно сложно. Одно дело восхищаться красивым, утонченным эльфом со стороны, провести вместе с ним незабываемую ночь в постели, а другое — каждый день терпеть его мелочные придирки, если обстановка в доме не соответствует его представлению об эстетичности, или давиться горьким салатом из листьев противного фиолетово-бордового цвета, который Сыны Леса почему-то считали крайне полезным и употребляли его с завидной регулярностью. Куда лучше иметь в мужьях своего, родного мужика, которого можно накормить гречкой с тушеным мясом, а если откажется, еще и скалкой добавить. Тролля скалкой не ударишь...

— Тиса, — сказал капитан, — помоги Персивалю разобраться с вещами.

— Я? — ужаснулась девушка.

— Ты ведь опытный воин, вот и передавай опыт. — Легкая, едва видимая улыбка тронула губы Ярослава.

Приободренная похвалой, Тиса рьяно взялась потрошить гномьи сумки под причитания сударыни фон Клоц. Вскоре между женщинами завязалась ссора, которой могли позавидовать и базарные торговки.

— Вашему сыну не нужны десять пар шерстяных подштанников! — вопила Тиса, пока гномиха пыталась затолкнуть вышеупомянутые предметы одежды назад в сумку. — Весна уже! Лето скоро!

— Мой сын с детства отличался слабым здоровьем! — рычала сударыня фон Клоц. — Он себе все застудит в этом походе! Я внуков хочу!

— Я, значит, не боюсь застудить, а он боится!

— А мне на тебя плевать! Я должна уберечь здоровье сына. Он еще маленький!

Все окружающие побросали свою работу и с интересом наблюдали за бесплатным представлением.

— Ставки, делаем ставки! — кричал тролль с крыши. — Я на гномиху ставлю!

Тиса и сударыня фон Клоц перетягивали подштанники туда-сюда. Ткань трещала, но держалась. Вот что значит гномье качество! Для своих они куда лучше шьют, чем на экспорт.

Я посмотрела на Ярослава. Кажется, он совершенно не возражал против забавы, хотя сам не смотрел, погрузившись в изучение карты. И я решила с ним поговорить, пока рядом не крутится Тиса, а эльф отпускает желчные замечания в сторону дерущихся.

— Капитан, — робко обратилась я, стараясь не смотреть в холодные серебристо-серые глаза, — можно в фургоне отделить женскую половину? Я взяла все для этого необходимое.

— Хорошая идея, — одобрил капитан и бросил на меня ничего не выражающий взгляд. В нем царила вечная зима, и этот лед вряд ли могла растопить одна небольшая похвала.

Я достала из сумки маленький молоточек и гвозди, которые мне положила няня. Она настояла, чтобы я взяла с собой огромное количество различных хозяйственных мелочей. Откровенно говоря, у меня было намного больше вещей, чем было дозволено списком капитана, но он почему-то ничего не сказал по этому поводу. Может быть, решил, что женщине это можно? А может быть, вообще не заметил, а Драниш из добрых чувств молча все упаковал.

Тролля скользнул в фургон с грацией, которую было сложно заподозрить в его массивном теле.

— Дай я! — Он отобрал у меня инструменты. — Вербку натянуть хочешь? Где?

— Я хотела с тобой посоветоваться, — сказала я. Драниш расплылся в искренней, радостной улыбке, которая преобразила его лицо, сделав его почти красивым.

Вместе мы выбрали место для женской половины в середине фургона, оставив узкое место вдоль стенки для прохода.

— Капитан будет спать на носу, чтобы руководить процессом, — рассуждал тролль. — Тиса, ясно, рядом с ним. Гнома и эльфа отправим в хвост. Значит, ты — здесь, рядом со мной, но за шторкой. Круто! Че? Че ты так уставилась? А-а-а... Котя, давай сразу

разберемся. Ты думаешь, я простой тупой тролль-вояка? — Я честно кивнула, удивленная такой пронизательностью. Драниш ухмыльнулся: — То-то я смотрю, ты ко мне так холодна. Нет, котя, ты неправа. Ты знаешь, что означает мое имя?

Я покачала головой, пытаюсь разобраться в тех чувствах, которые у меня вызывал мой собеседник. Я никогда ранее, до нашей встречи в Зале Собраний, не находилась так близко к троллю и, честно говоря, побаивалась его, с детства вынеся убеждение, что большинство троллей — опасные, тупые и непредсказуемые существа, с которыми лучше не связываться. Меня действительно поразило то, как складно Драниш умеет говорить — и без единого нецензурного слова, которые считались неотъемлемой частью речи любого тролля.

— Мое имя означает: драка — это ништяк. Ну или драка — это здорово. Сечешь?

Конечно, я поняла, что он имеет в виду. Драниш — это двусложное имя, которое могло принадлежать только аристократу.

Представление о глупости троллей было ошибочно, это рассказал мне учитель еще во время первого занятия по расоведению, только я ему не очень-то поверила. Преподаватель одинаково хорошо относился ко всем расам, и это меня настораживало. Не может человек любить всех! Учитель говорил, что тролли просто не любят учиться. Да в принципе мало представителей разумных рас любят учиться, но им приходится. Гном без образования не имеет права открыть свое дело, а значит, завести семью. Эльфы учатся, потому что иначе нельзя, нужно держать марку самой культурной нации, даже если им самим от этой марки уже тошно. У людей учатся только те, кого родители розгами загоняют в школу. А у троллей все просто. Не хочешь учиться — не надо. Благодаря своей силе и ловкости каждый тролль легко находит себе работу. Главное, научиться считать до десяти, чтобы не обмануться при получении зарплаты.

— Ты думаешь, я че с капитаном? — спросил тролль, осторожно натягивая на веревку специально сшитую няней штору. — Да мы же росли вместе! Папаша мой решил, что так будет прикольнее, если один из его сыновей с благородными рядом будет.

— Один из сыновей? — переспросила я.

— Ну да, у меня братьев то ли десять, то ли одиннадцать, — гордо заявил тролль. — А еще штук шесть сестер. У папаши четыре жены, последняя на сносях, может, родила уже.

— Ты тоже хочешь себе столько жен? — спросила я, но тут же мысленно застонала. Как бы он не принял мои слова за нечто большее, чем простое любопытство! Я действительно читала в книгах предположения, что вожди тролльих кланов имеют многочисленных жен — каждая женщина хочет быть поближе к самому лучшему воину и самому богатому мужчине. Но достоверных сведений о внутреннем устройстве тролльского клана в многочисленных источниках не находилось, тролли редко кого пускали к себе домой, хотя сами себя везде чувствовали как в родной пещере.

— О, котя, уже ревнуешь? — хохотнул тролль. — Не, мне одной жены-занозы хватит. С бабами одни проблемы. Вон видела Тису?

— Что, злословишь за спиной, Драниш? — злобно спросила за нашими спинами девушка. После схватки с гномихой она раскраснелась и вспотела. Бросив взгляд на шторы, воительница завопила: — Что это за ерунда? Что за уродские цветочки?

— Это для уюта, — попробовала защитит я творение няни. Шторы, на мой взгляд, выглядели очень мило, напоминая полянку: на зеленом поле распускались лютики, маргаритки и колокольчики.

— Я за таким спать не буду, — отрезала Тиса, демонстративно расстилая скатанную постель за пределами женской половины.

— Да-да, слишком жизнерадостно. Это не соответствует мировому порядку вещей, — заявил Даетазэль, который насмотрелся на скандал и немного повеселел.

— Шторки как у моей прабабки, — сообщил появившийся в фургоне Персиваль. Его короткая борода стояла дыбом, руки дрожали после подъема на крышу фургона тяжелых сумок.

— У меня других нет, — растерялась я, видя такое единодушие. — Снимать?

— Да! — заявили все в один голос.

— Нет, — припечатал Драниш. — Если моя котя хочет спать за такими шторками, пусть спит.

— Мозгов у твоей коти как у курицы, — презрительно сказала Тиса.

— Я бы заткнул кое-кому рот... — угрожающе начал тролль, но негромкий голос прекратил начинающуюся ссору:

— Прекратить. В чем дело?

Ярослав оглядел занавески и едва слышно вздохнул.

— Пусть остаются, — сказал он. — Женская половина нам необходима. Как только мы приедем в первый пункт нашего сектора, каждый может купить такие занавески, какие захочет. И мы все их повесим.

— Даже если занавески будут с голыми бабами? — уточнил Драниш.

Капитан Волк улыбнулся, глаза у него чуть-чуть потеплели:

— Раз эти занавески будут отделять женскую половину, тогда, думаю, голые... кхм... изображения обнаженных женщин будут более чем уместны.

— О да-а-а, — сказал Драниш предвкушающе.

— Ты хоть представляешь, тупая орясина, сколько такая ткань будет стоить? — спросила Тиса, перетаскивая свою постель на женскую половину.

— Чтобы позирить на твою шокированную морду, я отвалю любые бабки, — пообещал тролль.

— Капитан! — Тиса отмахнулась от тролля, как от надоедливой мухи. — Почему на войне у нас не было никаких женских половин, а тут есть? Это же только создает лишние проблемы.

— Я так не считаю, — ответил Волк. — На войне военные условия, но сейчас мирное время, и нужно соблюдать приличия. И вообще, сейчас будет отправление.

Мы все ринулись на передок фургона, не желая пропустить это зрелище. С крыльца у здания городской ратуши раздалось пение труб. Бургомистр, толстенький низенький человечек, помахал беленьким платочком, желая нам доброго пути.

Народ на площади засуетился и забегал, раздались крики и приказы руководителей групп.

— Сыночек! — взвыла мамаша гнома, заламывая руки. Ее слуги оттащили сударыню фон Клоц подальше от фургона, а она все выкрикивала просьбы вовремя кушать, достаточно спать и не дружить с троллем.

Ярослав сел на длинную скамью, пересекавшую весь передок фургона. Посередине, для удобства управителя повозкой, была деревянная спинка, по краям это была просто широкая лавка, через которую можно было без труда перелезть. Перед капитаном была довольно большая приборная доска: компас, два голубых кристалла управления фургоном, прозрачный — накопителя магической энергии — и еще какие-то артефакты, назначения которых я не знала, была знакома только с простейшим типом управления такими повозками, которые показывали на курсах. По бокам болтались два масляных фонаря, которые должны были освещать дорогу в темное время суток. Капитан положил руки на два кристалла управления и на мгновение замер, сосредотачиваясь.

Такие фургоны появились несколько лет назад, их разработкой занимались лучшие умы магических университетов. Повозок, которые бы управлялись магической силой, требовали военачальники, потому что обозы не могли подобраться к армии, доблестно сражающейся в глубине королевства нечисти. Волкодлаки караулили продовольственные караваны на всех дорогах, охотясь в основном на запряженных волов и лошадей (которые при виде нечисти всегда неподвижно застывали в ужасе, чем значительно облегчали свое съедение). Впрочем, припасами нечисть тоже не брезговала — что не съедали, то портили. После того как были зафиксированы случаи любовного соглашения некоторых оголодавших полков с нечистью, когда несколько дней без военных стычек менялись на мешок крупы. Собрание Благородных раскошенилось на массовое производство таких фургонов, едущих примерно

со скоростью лошадиного галопа. То, что королевским посланникам достались новые фургоны, свидетельствовало о том, что на нас возлагались большие надежды. Просто так Благородные деньгами не сорили.

Ярослав Волк, как и любой благородный, обладал приличной магической силой, поэтому мог управлять фургоном. Правда, отпрыски Домов редко становились магами, у них и без этого хватало забот по управлению доменами. Но тем не менее ректоры всех магических заведений были владельцами коротких фамилий — младшими сыновьями Владетелей доменов, которым не повезло при дележе наследства.

Фургон под управлением Волка двинулся плавно, постепенно набирая скорость. У меня на занятии по вождению на курсах несчастная повозка дергалась и скрипела, в итоге поехав совсем не в ту сторону, куда нужно было, поэтому я оценила мастерство нашего капитана. Мы были одними из первых, кто выехал с площади, при этом никого не зацепив и ни на кого не наехав.

— Хорошо, — сказал, слегка прижмурившись, тролль. — Не будем пыль глотать.

И мы покатили по дороге, мощенной булыжником, в направлении нашего третьего южного сектора.

— Люблю кочевую жизнь, — заявил тролль, развалившись на своей постели. — Едешь. Едешь. Едешь... Скучно. А потом — бац! — засада. Напали! Пошинковали тех, как капусту, и дальше — едешь, едешь...

— Кто это «напали»? — посережевшими губами спросил гном.

— Разбойники, — мечтательно протянул Драниш. — Или нечисть. Хуже, конечно, если нежить, от них не отобьешься так просто.

— А зачем им на нас нападать? — спросил гном.

— Для прикола, — пожал плечами тролль. — Без них было бы скучно.

— Потому что долгое время была война на южных границах, — попробовала объяснить я. — Все военные силы королевства были оттянуты туда, и за территорией доменов никто толком не следил, а пограничникам и без того работы хватает. А разбойники, нежить и нечисть имеют свойство быстро размножаться, если их не уничтожить. Сейчас все леса кишат потенциальными желающими поживиться нашими вещами или нами. Поэтому мы и едем в таком составе и на таком транспорте. Чтобы быстро отбиться и сбежать. Повозка-то быстроходная!

— Сечешь, — одобрительно сказал тролль.

— Нас ведь не убьют? — спросил гном. — Правда? Я не умею драться.

— Научишься, — хмыкнул Драниш. — У нашего капитана неумех в команде не держат.

— Что ты делаешь? — вдруг завопила мне Тиса, будто я раскидывала по полу повозки ядовитых змей.

— Коврики расстилаю, — ответила я удивленно. — Чтобы пол теплым был. Чтобы мягче сидеть было.

— Какой кошмар! Ты что, у себя дома? Что ты себе позволяешь? Какие коврики?

— Хорошие коврики, — пролепетала я, отступая от разъяренной воительницы, пока не уткнулась в тролля, который приобнял меня за плечи.

— Мы в походе! — кричала Тиса, но перестала размахивать у меня перед носом кулаками. — В походе! Мы работаем! Какие коврики? Какие шторы? Ты еще скажи, что у тебя есть еще и горшки с цветами.

Под прикрытием тролля я осмелела, поэтому честно призналась:

— Пока нет, но я думала их купить и на задней площадке повесить.

Плотные полотнища, которые прикрывали фургон спереди и сзади, не допуская холод и ветер внутрь, сзади были повешены так, что образовывалась небольшая открытая площадка под крышей. Там я задумала сделать что-то типа зоны отдыха, украсив стенки цветами и вышивками. И никак не ожидала, что это вызовет такое бурное сопротивление.

— Дрыхли бы тебя взяли! — ахнула Тиса. — Ты что, придурочная?

— Но ведь это теперь наш дом, — защищалась я. — Разве дом не должен быть уютным?

Тиса молча открыла рот, закрыла, потом плюнула и принялась сворачивать коврики. Но выбросить их, как она намеревалась, ей не дал тролль. Он поймал воительницу у самого края фургона за шкурку и слегка приподнял, как нашкодившего котенка.

— А я до последнего надеялся, что ты одумаешься, — вздохнул он. — Расстилай коврики обратно!

Вместо ответа Тиса бросила коврики на пол и вмазала троллю кулаком по носу. Драниш недолго думая перехватил девушку двумя руками и вышвырнул из фургона. Я ахнула, представляя, как она упадет на дорогу.

Но уже в воздухе Тиса каким-то чудом извернулась и мягко приземлилась на ноги. Потом бросилась было бежать за нами, но взвизгнула и упала на булыжники, схватившись за левую ногу.

Тролль сделал в ее сторону неприличный жест.

Фургон медленно подъехал к обочине и остановился. Внутрь зашел капитан, за которым виднелся донельзя довольный собой гном. При взгляде на лицо Ярослава мне захотелось очутиться как можно дальше отсюда.

— Даезаэль, — велел капитан, — доставь сюда Тису.

Эльф скривился:

— Может, она сама сюда доковыляет, а уж после этого я ее исцелю?

— Даезаэль! — В голосе капитана прозвучали громовые раскаты.

— Можно и я? — пискнул гном.

Ярослав кивнул.

Эльф и гном спрыгнули на дорогу и пошли к Тисе, причем целитель постоянно оглядывался, но Персиваль тащил его вперед, стараясь как можно быстрее оказаться подальше от зоны конфликта.

Мне такое счастье не светило, поэтому я покорно стала ждать выговора. Кто я капитану? Никто, он меня впервые увидел несколько дней назад. А вот с Тисой он вместе прошел через войну. А с Дранишем вырос. И тут появилась я, и сразу начались ссоры.

— Драниш, — ледяным тоном обратился к троллю капитан, — я пошел тебе навстречу и взял с собой твою подружку. Ты обещал, что проблем не будет. А мы ведь даже из города не успели выехать. Угомони свою девицу!

Я ожидала, что тролль поведет себя точно так же, как и во время собрания, но тот распрямил плечи, отчего стал выше и так очень высокого капитана, и мрачно сказал:

— Нет, Ярик, это ты угомони свою стерву. Много она мне крови попила, но я молчал. А теперь она взъелась на Милу и не даст ей прохода. Ты же знаешь, как она реагирует на любую особу женского пола рядом с тобой. Кой чих дернул тебя потащить ее за собой? Или ты по ней соскучиться успел, пока у родителей был? Но если ты не укажешь ей место, дальше будет еще хуже. Мила всего лишь хотела положить коврики на пол. Коврики, Ярик! Это что, повод кидаться на нее с кулаками? Если бы эльф хотел положить эти коврики, она бы его тронула? Нет! И гнома тоже.

— Значит, я виноват? — почему-то устало спросил Ярослав.

— Видит Пахан, дружище, ты никогда не умел обращаться с бабами! Решай как хочешь, а я уже в своей жизни набродился и навоевался. Я хочу уюта, нам тут, в этом фургоне, жить. А если ты шарахаешься от всяческих выяснений отношений, как дрыхль от жреца, то это не наши проблемы. Ты тут руководитель или кто? Это тебе не армия, где взял и приказал. Тут понимание нужно, а ты сейчас как дурак себя ведешь.

Сказав это, тролль наклонился, подобрал коврики и, весело насвистывая, принялся их расстилать. Интересно, что теперь сделает со мной капитан? Вряд ли он очень рад тому, что при такой отповеди присутствовала новоявленная подчиненная. Я почувствовала, как у меня по спине потекли капельки холодного пота. Волк застыл ледяной глыбой.

— Капитан, простите меня. — Я подошла к Ярославу, который безучастно смотрел на

дорогу, где Персиваль и Даезаэль хлопотали вокруг Тисы. — Я...

Волк повернулся ко мне, и в его серебристо-серых глазах на миг полыхнуло такое пламя, что я с трудом подавила в себе порыв отшатнуться, но вместо этого виновато склонила голову.

— Создавай уют, — процедил сквозь зубы капитан, спрыгнул на дорогу и пошел к Тисе.

Тиса вернулась к фургону самостоятельно. Демонстративно не глядя на меня, протянула руку.

— Извини.

— Ты меня прости, — повинилась я, пожимая руку. Кожа на ней была грубой, сухой, шершавой. — Нужно было сначала спросить твое мнение, а потом что-то делать.

— Да мне все равно, — равнодушно сказала она, улеглась на свое место и укрылась одеялом с головой.

Фургон катился по пригороду, его трясло на ухабах, отчего на крыше что-то позвякивало. Я представляла в красках, как завтра от этой тряски у меня будет болеть все тело.

— Девочки, — сказал Персиваль умоляюще, переводя взгляд с меня на Тису, — вы же не будете больше ссориться?

— Пусть ссорятся, — вмешался эльф. — Тогда в фургоне будет постоянная гнетущая атмосфера. Мне нравится.

— А если я тебе уши откручу, тебе это тоже понравится? — угрожающе спросил тролль.

— Не трогай эльфа, он — целитель, — буркнула Тиса из-под одеяла.

— А что помешает целителю исполнять свои обязанности, но уже без ушей? — искренне удивился Драниш.

— Ты не понимаешь важной связи между ушами и функционированием всего эльфийского организма, — надменно сказал Даезаэль и в этот момент стал как никогда похожим на обычного эльфа.

— Не понимаю, — признался тролль. — У вас в ушах что — мозг?

— Что ты знаешь об анатомии! — еще надменнее сказал эльф.

Драниш наморщил лоб и почесал в затылке.

— Вот интересно, — тихо буркнула Тиса, высунувшись из своего шерстяного убежища, — он не сказал «нет» на предположение о мозге в ушах.

Целитель сделал вид, что ничего не услышал, но его правое ухо предательски дернулось.

— Я много чего знаю об анатомии! — сказал вдруг Драниш гордо. — Например, если выпустить живому кишки, то он умрет через несколько часов в страшных мучениях. И еще я знаю, где находится сердце, печень, почки и легкие!

— Я поражен! — иронично сказал Даезаэль.

— Ты думаешь, я тупой вояка, да, и даже не знаю такого умного слова, как «анатомия»? Нет, дружище, воины знают анатомию куда лучше целителей! Если ты не знаешь, где у разумного существа почки, то как ты по ним будешь бить? Или куда ты приставишь нож, чтобы угрожать «я вырежу твою печень и отдам собакам»? Враги ведь не дураки! Приставишь ты нож вместо печени к почкам, он только засмеется, и все, твой авторитет как убийцы упадет, как... э-э-э... это самое у любовника, когда муж с топором в спальню заходит.

— Раз ты такой знаток, то, может быть, ты и будешь у нас целителем? — надменно спросил эльф.

— Только если ты сможешь моим мечом помахать полчаса и не устанешь, — предложил тролль.

Мы все посмотрели на огромный полуторный меч, висевший в ножнах на специальном крючке на стене.

— Мы, Долгоживущие, предпочитаем луки, и это должно быть известно даже таким, как ты, — очень холодно промолвил Даезаэль.

— Эй, — возмутился тролль, тряся руками, — ты что, умеешь замораживать взглядом?

— Если бы мог, ты бы сидел глыбой льда, — горько сказал эльф и уронил голову на колени, погрузившись в мрачное настроение. Кончики его ушей жалостно поникли.

— Мне и этого хватило, — пробормотал Драниш, обирая с рук тоненький ледок. — Котя, а ты так умеешь? Ты же вроде тоже маг.

— В том-то и дело, что вроде, — ответила я, стараясь подавить недостойное чувство зависти.

— Эт хорошо, — обрадовался тролль. — А то что из тебя за жена? Вернусь как-нибудь из кабака под утро, а ты раз взглядом — и все.

— Я бы на месте твоей жены тебе не все, а кое-что конкретное бы заморозила, — любезно сказала Тиса.

— Ты кровожадная, но неразумная женщина. Если бы ты мне заморозила это что-то конкретное, то как бы мы размножились? А грелись по ночам? Дрова-то дорогие!

Воительница не нашлась с ответом или сочла, что это ниже ее достоинства — вести перепалку с троллем на такую тему, и отвернулась.

— Отдохни, котя, — посоветовал Драниш. — Капитан будет гнать повозку до первого населенного пункта в нашем секторе, а потом будет нас всех гонять так, что мало не покажется.

— Зачем гонять? — спросил гном.

— Приспосабливать вас к военной жизни, — объяснил тролль. — Потому что через пару недель нам от села до села придется день ехать, а за это время много чего может случиться. Разбойники... нежить... у-у-у!

Гном вздрогнул.

— Тебя, например, мы первым делом будем учить подтягиваться, — с удовольствием продолжал тролль.

— И как мне это пригодится в борьбе против нежити? — нервно спросил Персиваль.

— Быстрее на крышу взберешься, пока я всякую дрянь в капусту рубить буду, — объяснил Драниш. — Помню, лет пяток назад был у меня в сотне такой же сосунок. Ну и попали мы в окружение. Я ему, значит, кричу: «На дерево!» — чтоб не мешался. Он подпрыгнул раз, другой, слабачок такой, два раза подтянуться не мог! Раз, значит, подтянулся на ветку, а на другой висит, трепыхается. Ну волкодлак прыгнул — и все.

Рассказчик столь душераздирающе вздохнул, что у меня защемило сердце.

— Все? — ахнул гном.

— Да, — скорбно покачал головой тролль, — сапога как не бывало. Ну и пятки, конечно, тоже, но мне сапог было жалко. Он мне эти сапоги как раз вечером в кости продул, попросил поносить до утра. И все. А сапоги знатные были, из телячьей кожи и с пряжками, не знаю, уж с кого их этот сосунок снял. До сих пор жалко, что они пропали.

— Они бы на тебя не налезли, — вмешалась Тиса.

— Ну и что? — удивился Драниш. — Я бы их продал, у меня знакомый эльф в соседней сотне был, он их хотел купить. Я ему потом предлагал один купить, но он не повелся, жлобюра. Сказал — ноги-то две. Я и предложил ему одну отрубить. А эльф — в зубы. За что, спрашивается? А-все потому, что тот молокосос подтягиваться не умел.

Чтобы мы прониклись важностью информации, тролль поднял вверх толстый палец, похожий на сардельку.

Мы дружно кивнули, и каждый завернулся в свое одеяло. Несмотря на то что спать было непривычно твердо и фургон немилосердно трясся на ухабах, сказала бессонная на нервной почве ночь, и я довольно быстро заснула.

Людей, которые пишут книги, лично я бы отправляла на каторжные работы. Там они принесут куда больше пользы государству.

Тиса Волковенко обо всех слишком умных

Я проснулась от ужасного храпа. Честно говоря, я думала, что это храпит тролль. Однако Драниш спал беззвучно, уткнувшись носом в небольшую подушку. Если бы не мерно приподнимающиеся плечи, я бы подумала, что он вообще не живой.

Храпел Персиваль. Он спал на огромной подушке, раскинув руки. Больше никого в закрытой части фургона не было. Там, где задернутый полог неплотно прилегал к стене, пробивались лучи солнца. Я аккуратно свернула одеяло и пошла на задник фургона.

Там сидели Тиса и Даезаэль. Эльф заплетал волосы в мелкие косички, что-то бормоча под нос, а воительница сосредоточенно водила пальцем по странице в раскрытой книжке, высунув язык.

— Что ты делаешь? — дружелюбно спросила я.

— Не твое дело! — огрызнулась девушка.

— Грамматику учит, — сообщил целитель, перетягивая очередную косичку ленточкой. — Только у нее ничего не получается.

— Тебя забыла спросить! — рявкнула Тиса. — Чего лезешь не в свое дело?

— Это уже не только твое дело, — лениво ответил эльф. — Если ты собираешься учиться каждый день, то это станет всеобщим делом. Потому что слушать, как храпит наш гном и как ты уже битый час твердишь про себя одно-единственное правило написания гласных, одинаково неприятно. Впрочем, разве я ждал от этой жизни чего-то другого?

— А ты не слушай!

— Хотел бы, да не могу, — тяжело вздохнул Даезаэль. — Меня природа наградила тонким слухом.

— Может быть, я тебе помогу? — спросила я. — Я хорошо знаю грамматику.

— Хвастаешь? — нахмурилась воительница. — Конечно, не всем везет иметь папочку — богатого купца, как у тебя!

— Я вовсе не хвастаюсь. — Сев в уголок, я подставила лицо солнечным лучам, которые были еще не обжигающе-горячими, а приятно-теплыми.

— Я бы на твоём месте принял предложение, — заметил эльф. — Или, хочешь, я тебе помогу? Ваша грамматика очень легкая, особенно если сравнивать с нашей. У нас только учебников по начальному курсу не меньше пяти томов! А ты носишься с одной-единственной книжкой. Сколько ты ее уже пытаешься осилить? Год? Два?

Тиса заскрипела зубами.

— Вы оба меня раздражаете! — заявила она таким тоном, который не оставлял сомнений в том, что, будь ее воля, она прирезала бы нас с чистой совестью. — Ты — потому что тебе все в жизни благодаря богатому папочке давалось легко, а ты — потому что эльф и твоей жизни хватит на то, чтобы выучить пять томов грамматики!

— Пять томов начального курса. А вообще их восемнадцать, — педантично уточнил целитель.

Девушка фыркнула, распахнула полог и ушла в фургон.

— Ей до Ярослава — как до неба, — заметил Даезаэль.

— При чем здесь наш капитан? — полюбопытствовала я.

— Она любит его.

— Это всем понятно.

— И хочет выйти за него замуж, — продолжал эльф, расплываясь в ехидной улыбке. — Вот поэтому и корпит над грамматикой. Не удивлюсь, если у нее в вещах еще и учебник по этикету спрятан.

— Разве чистокровные аристократы женятся на простолюдинках? — удивилась я.

Целитель доплел последнюю косичку, достал из кармана зеркальце в форме черепа, полюбовался собой и охотно ответил:

— Во-первых, Ярослав Волк — второй сын в семье, и на нем не лежит долг продления рода. Во-вторых, Тиса очень целеустремленная девушка. А в-третьих, наблюдение за развитием этого конфликта хоть немного примиряет меня с гнусной действительностью. Жаль, что обсудить это как следует не с кем.

— Не знала, что эльфы такие сплетники.

— Ты вносишь в это слово негативный смысл, и зря. Сплетни привносят в жизнь необходимую изюминку. Особенно когда слух значительно лучше человеческого и можно услышать, как сейчас Тиса сидит рядом с капитаном на козлах и вздыхает, а он не обращает на нее внимания. Жаль, выражений лиц не видно. Впрочем, нам еще долго путешествовать вместе, я успею налюбоваться.

Я покачала головой:

— Тиса, судя по всему, девушка раздражительная. Смотри, как бы она тебя не побила за то, что лезешь в ее личную жизнь.

Даезаэль зевнул.

— Пусть попробует. А то скучно.

Фургон быстро мчался по мощеной дороге, подсакивая на неровностях. У меня уже болели бедра и даже спина. Много времени пройдет, прежде чем мое тело привыкнет к таким условиям путешествия! Поэтому я решила, что надо будет на открытом заднике прикрепить несколько подушек, чтобы на них было удобно сидеть и можно было легко снять в случае дождя.

Видимо, эльф не мог долго находиться в молчании, потому что он прервал мои размышления тяжелым вздохом. Я обернулась к целителю, который, переплетя пальцы, в упор уставился на меня.

— Что случилось?

— На сколько хватает резерва магической энергии здорового человека?

— Я не знаю, все зависит от одаренности и опыта мага, — растерялась я.

— Чистокровного, не очень опытного?

— А что случилось?

— Я же целитель. Мне положено знать. Ты ведь не задумывалась, что наш капитан был недавно ранен? А теперь он гонит фургон на большой скорости. Чем больше скорость, тем больше магических сил нужно вкладывать в управление. Сколько еще такое будет продолжаться? И не получим ли мы к вечеру совершенно опустошенного командира отряда в бессознательном состоянии? А ты, конечно, и не подумала об этом! Кто у нас еще маг? Ты как-никак. И тебе следующей руководить фургоном. А ты знаешь, куда нам ехать?

Я не знала и промолчала, чувствуя, как лицо заливают краска стыда, ведь мне и в голову не приходило посмотреть на происходящее с этой точки зрения. Надо же, а я думала, что Даезаэль обыкновенный сплетник с депрессивным восприятием мира! Сколько раз зарекалась судить об окружающих по первому впечатлению и снова совершила ту же ошибку.

— Наверное, капитан знает, что делает, — предположила я.

— Существование здравого смысла у людей всегда вызывало у меня некоторое сомнение, — заявил эльф. — Но мне нравится перспектива. Мы застрянем посреди дороги или заблудимся, свернув не туда. И вас съедят волкодлаки.

— Почему «вас»? А ты, значит, не будешь входить в число съеденных? — удивилась я.

— Конечно нет! — уверенно ответил Даезаэль. — У эльфов несъедобное мясо. Жесткое. Жилистое. И пропитанное магией, что не улучшает вкусовых качеств.

— А волкодлаки об этом знают?

— Знают, — уже не так уверенно сказал эльф. — Во всяком случае, я не слышал, чтобы эльфов ели.

— Может, потому, что съеденные эльфы уже никому ничего рассказать не могут? — предположила я.

— Я всегда знал, что вы, люди, эльфов не любите, — обиделся целитель.

— Наличие у эльфов здравого смысла всегда вызывало у меня сомнение, — пожалала я плечами.

Даезаэль окончательно обиделся и демонстративно отвернулся.

Под перестук колес, мерное храпение гнома, пригревшись под солнечными лучами, я задремала.

Проснувшись от шума голосов. Пока я стряхивала с себя остатки сна, фургон съехал с дороги и остановился на обочине.

— Вставай, котя, это самая долгая стоянка! — Тролль уже стоял на траве, протягивая мне руку, чтобы помочь спуститься. — Ты сама в кусты сходишь или тебя проводить?

— Сама. — Я чрезвычайно смутилась.

Мое воспитание было очень суровым. Отец придавал особое значение девичьему целомудрию, каждый вечер за ужином рассказывая мне о несчастных судьбах тех, кто пренебрег своей честью, а также хоть немного поступился общепринятыми правилами приличия.

Я уже давно не видела своего отца. За последние два года моя жизнь несколько раз круто изменилась. Однако забыть моральные принципы, усвоенные с детства, не так просто, как кажется.

— Далеко не отходи и смотри, куда садишься, — проинструктировал Драниш.

Когда я вернулась, Тиса уже разжигала маленький костерок из тоненьких веточек.

— Ты хоть готовить умеешь? — спросила она, глядя на меня исподлобья.

— Конечно! — Готовка входила в число обязательных предметов, которые я изучала. Но никак не думала, что это умение пригодится в таких условиях. — А где все остальные?

— За дровами и водой пошли. А капитан с твоим любимым совещаются.

— Он не мой любимый.

— Ты правда настолько наивна? Думаешь, что сможешь противостоять натиску тролля? — с легкой усмешкой спросила воительница. — Я бы на твоём месте уже свадебное платье шила.

— Ругаетесь? — спросил за нашими спинами эльф. — Я пропустил все интересное? Вы уже успели подраться? Нет? Будете? Нет? Ску-у-учно.

Тиса молча вырвала у Даезаэля котелок с водой и прицепила его на крюк на железном треножнике.

— Где гном с дровами пропал? — спросила она через какое-то время. — На прутиках же воду даже за день не вскипятишь!

— Так он же заблудился, — охотно сообщил целитель.

— Откуда ты знаешь? Я не слышала криков, — заволновалась я.

— Наверное, стыдливо молчит под каким-нибудь кустиком. Персик вообще впервые в жизни в лес попал, — сообщил эльф. — Он мне об этом успел рассказать.

— Дрыхли бы его взяли! — возмутилась Тиса, злобно ломая сучья ближайшего дерева. Я молча присоединилась к ней, а эльф с мрачным выражением лица стал вылавливать сухой листочек, попавший в котелок. — Мне он ничего не говорил. И вообще, как можно заблудиться, отойдя на несколько шагов. Среди деревьев, на которых едва листья стали появляться. Даезаэль! Если не хочешь нам помогать, то иди поищи Персиваля!

— Я не говорил, что не хочу вам помогать, я не могу. Мне вера не позволяет. Как я, эльф, могу обламывать ветви у живого дерева? — спросил целитель, не двигаясь с места.

— Они же сухие! — прорычала девушка. — Ты ногти себе подстригаешь? Это то же самое.

— Вовсе нет. Может быть, дерево не хочет, чтобы ему ногти подстригали?

— Тогда иди ищи этого, ты... — Воительница еле удержалась от брани, но стиснула зубы.

— Жизнь — такая гадость. Мною, Даезаэлем Тахлаэльбаром, потомственным целителем, командует какая-то человеческая девка!

Тиса перехватила поудобнее толстый сук и метнула его в эльфа. Он легко увернулся, но

назад ветку не кинул — из фургона вышли капитан и тролль.

— Драниш, — сказал Ярослав бесцветным голосом, — найди Персиваля.

Тролль послал мне воздушный поцелуй и скрылся в лесу, двигаясь абсолютно бесшумно. А капитан подсел к костру и спросил:

— Даезаэль, как же эльфы готовят пищу, если не на дровах? На угле или на магии?

— Если готовить на магии, то блюда теряют половину вкуса, — тоном знатока сказал Даезаэль. — На угле. Его нам гномы поставляют, жулики.

— Почему же жулики?

— Потому что после прихода их каравана лес вокруг пустеет. Мимо самой малюсенькой хворостинки не пройдут! Все подбирают.

— А вы совсем не собираете ветки, которые упали с деревьев? — спросила я, нарезая мелкими кусочками сало. — Как же вы по лесу потом ходите? После сильного ветра, например?

— Это естественная красота, — буркнул целитель. — И вообще, я по лесу не хожу. Я городской эльф.

— Придется начать, — противным голосом пропела Тиса. — Тут тебе не город, гномы с углем для очага приезжать не будут.

— Тиса, — сказал капитан, — веди себя спокойнее.

Воительница что-то пролепетала в ответ и с удвоенной энергией принялась ломать сучья.

— А что мы все обо мне и обо мне? — спросил эльф. — Давайте теперь о тебе, капитан. Что-то ты очень бледный. Аж землистый. Или это мода новая? Или кто-то еле на ногах держится?

Капитан помолчал, а потом неохотно признался:

— Скорей, второе. Я...

— А вот и мы! — громогласно заявил тролль, появляясь из леса. Он тащил охапку веток, а за ним, всхлипывая, брел Персиваль, робко схватившись за край сорочки Драниша.

— А-а-а, — вьедливо начала было Тиса, но взглянула на капитана и умолкла.

Подождав, когда новоприбывшие подсядут к костру, Ярослав продолжал:

— В ближайшие дни я намерен проехать как можно большее расстояние, чтобы побыстрее добраться до нашего сектора. Поэтому ехать будем круглосуточно. Управляющие повозкой маги должны не только заставлять фургон двигаться, но и вливать в кристалл накопителя силу, чтобы немаги могли потом ею воспользоваться для управления. Также днем мы будем проводить практические занятия, чтобы вы приехали на место службы максимально подготовленными. Я не знаю, что нас ждет, поэтому сначала сделаем упор на навыках выживания и физическую подготовку.

— Может быть, сначала займемся тобой, а потом — нами? — спросил целитель. — Видишь ли,дохлый капитан — это здорово, но мне для этого события нужно подготовиться. Я еще никогда не препарировал человеческие трупы, поэтому твоя скорая смерть создаст нам некоторые неудобства.

— Со мной все будет в порядке, — сообщил капитан. — Просто я еще не совсем отошел от ранения, и сегодня пришлось хорошенько выложиться. Отдохну, и все будет нормально. Я обязательно предупрежу тебя, когда соберусь умирать. Чтобы ты успел подготовиться.

— Хорошо, — серьезно кивнул эльф, проигнорировав угрожающий взгляд Тисы.

— Зачем такая спешка, капитан? — осведомился Персиваль.

— В день Первого снега в столице будут принимать отчеты объезда секторов, мы должны к этой дате успеть. Поэтому центральные области я планирую объехать как можно быстрее. Бургомистры в городах лояльные, отчеты о налогах подают вовремя, с верхушкой знати я знаком. А вот с приграничным регионом могут возникнуть сложности, на него нужно отвести побольше времени.

Все покивали с умными лицами.

— А каша скоро будет готова? — спросил тролль, принюхиваясь. — Я бы ее уже начал есть. Хорошо пахнет!

— Еще немного, — строго ответила я, погрозив голодному поварешкой.

— Пусть она на земле в горячем котелке дойдет, — прохныкал тоненьким голоском Драниш. — Когда Тиса готовила, у нее никогда так вкусно не пахло. Что ты туда положила?

— Сало и приправы, — ответила я, — все просто.

— А у некоторых не получается, — ввернул тролль.

— У некоторых даже яичницу зажарить не получается, — равнодушно произнесла Тиса.

— А зачем ее жарить? Яйца и сырыми можно съесть.

— Кашу тоже можно просто так есть, не выпендриваясь.

— Я не выпендриваюсь, я всегда так готовлю, — осторожно ответила я, пока не определившись, как себя вести с Тисой.

— Не обращай внимания на этих двоих, Мила, — вдруг сказал Волк. — Пусть они спорят. Они этим уже лет пятнадцать занимаются.

— Капитан, не вмешивайтесь, вы не даете мне вдоволь насладиться процессом ссоры! — нетерпеливо сказал Даезаэль.

— Эльф у нас какой-то не совсем эльф. — Тролль почесал сначала затылок, потом широкую грудь, засунув руку за ворот сорочки. А потом мгновенным, почти неуловимым движением повалил целителя на землю и принялся тянуть его за уши.

— Отпусти! — верещал страдалец, безуспешно пытаясь вырваться.

— Так, уши настоящие, а волосы? Может, ты какой-нибудь чах, который паричок натянул? — Драниш легко удерживал эльфа, казалось не прикладывая к этому ни малейших усилий. — Нет, ты не чах, ты слабак! Из легонького захвата вырваться не можешь.

Тяжело дыша, отпущенный Даезаэль вскочил на ноги. Его волосы растрепались, спадая некрасивыми патлами на лицо, уши покраснели и опухли. Лицо у Сына Леса было багровым.

— Потому что я целитель, идиот! — заорал он. — Я жизни спасаю, мне необязательно учиться драться! Если бы кто-то из моего Лепестка узнал, что ты сейчас со мной сделал, то они разрезали бы тебя на мелкие части, наслаждаясь твоими страданиями!

— А я думал, эльфы любят созерцать красоту, — едко ухмыльнулся тролль.

— Страдания тоже могут быть красивыми, — заметила я, еле сдерживая раздражение. — Вы котелок с водой для чая перевернули и на хлеб мусор насыпали. Драниш, теперь иди к ручью, опять набирай котелок!

— Терпеть не могу, когда я оказываюсь виноват, хотя старался для всех, — буркнул тот, но котелок взял и покорно затопал к ручью.

— Предупреждаю, что больше я возле еды подобного не потерплю! И так ни стола, ни стульев, а тут еще драки. Давайте миски! — приказала я, но, поймав заинтересованный взгляд Ярослава, смутилась:

— Простите, капитан, я не хотела командовать.

— Это даже к лучшему. — Он протянул мне обыкновенную жестяную миску, какие продаются в любом магазинчике на окраине города. — Я буду рад, если под твоим командованием мы будем нормально питаться.

— А разве вы голодали, капитан, когда я готовила? — обиженно спросила Тиса.

— Жратва — это не еда, — с умным видом сообщил тролль, появившийся из кустов. Он снял с треножника котелок с кашей и прикрепил новый. — Только вот некоторым бабам понять этого не дано.

— Ты нормально готовила, Тиса, — примирительно сказал Волк, и над поляной на некоторое время установилась тишина, пока все сосредоточенно жевали.

— За такую еду я готов на тебе жениться хоть сейчас, — промурлыкал тролль, выскребая из котелка остатки каши. — Это большой талант — готовить так, чтобы было вкусно.

Я улыбнулась. Пусть считает так. Я не буду рассказывать про то, как проводила

бесконечные часы на кухне, среди жара и духоты, от которых не спасали даже распахнутые окна и двери. «Приготовление пищи — это искусство, — любил говорить наш главный повар. — Ты обязана им овладеть в совершенстве, ибо что за хозяйка, которая сама не может накормить гостей?» Знал бы достопочтенный Валек, в каких условиях мне приходится готовить! Разделочная доска, лежащая на бревне, а нарезанный хлеб — на чистой тряпице. Вместо изящных баночек со специями — крохотная деревянная коробочка, в которой я смешала все, что может придать приятный аромат любому блюду. Жестяные миски и деревянные ложки. Наверное, он бы гордился, что ученица не подвела его даже в таких условиях.

— Помнится, был у нас один такой гном по кличке Леший. — Тролль облизал миску, потянулся и продолжил рассказ: — Он был настоящим кулинарным гением. Мог сварганить чуть ли не королевский обед из чего попало. При голодухе даже мох обдирал с деревьев и варил. И ничего, ели. Но если кто-то не доедал со своей тарелки, зверел и сразу бил морду. Иногда приходишь с разведки, единственное, что хочешь, — завалиться спать, устаешь так, что даже моргаешь с трудом. А сидишь, давишься кашей, потому что Леший тебе в руки миску сунул и стоит рядом, улыбается так заботливо. А у самого в руках — железная поварешка.

Драниш почесал в затылке.

— Ты дальше рассказывай, — хихикнула Тиса. — Как Леший тебя этой поварешкой оприходовал, что ты два дня в отключке провалялся.

— Было дело, — признался тролль, снова почесав затылок. — Я тогда случайно перевернул котелок с уже готовым обедом.

— Случайно, — фыркнула девушка. — Да ты был совершенно пьян!

— Повод был, почему же не выпить? — пожал плечами Драниш. — Перевернул я, значит, котелок, вся еда по земле растеклась. А Леший подскакивает ко мне, глаза горят, как у голодного зомби, а мне он ну просто в пупок дышит. И вдруг как подпрыгнет! И поварешкой мне по голове как треснет! Я тогда хорошо отдохнул, да... Было очень жаль, когда его не стало.

— Он погиб? — ахнул Персиваль, который слушал рассказ тролля с детским восторгом.

— Дрыхля на твою голову! Нет, конечно, кто же повара, каким бы он боевым ни был, на передовую отправит. Не, его капитан в другой части на целителя выменял. Мы чуть не плакали. Жестокий ты человек, Ярик.

— Наверное, — спокойно сказал капитан. — Просто я решил, что здоровые и живые воины мне куда больше нужны, чем сытые, но больные. Съедобную кашу у нас мог варить любой, а вот исцелять... Котелки моем по очереди, а свои миски — самостоятельно.

Я, не дожидаясь приказа, подхватила оба котелка и пошла в сторону ручья.

Ледяная вода обжигала руки. Я немного потеряла внутри котелка пригоршней песка и закрыла глаза, выдыхая тепло на руки. Замерзшие пальцы нещадно кололи, щипала царапина на правой кисти. Холодный вечерний ветер обдувал лицо. Это предприятие будет тяжелее, чем я думала.

— Жалеешь? — тихо спросили у меня за спиной.

От удивления я подскочила и обернулась. Позади меня стоял тролль, подошедший совершенно беззвучно. Во рту у него торчала прошлогодняя сухая былинка, которую он гонял языком туда-сюда.

— О чем?

— О том, что ввязалась во все это. — Драниш подошел ко мне, схватил за запястья и прополоскал руки в ручье. А потом накрыл мои ладошки своими и горячо подышал. По рукам пробежали горячие мурашки, я поежилась. — Что заставило тебя поступить на службу королевских гласов? Я не видел в том зале ни одной девушки такой, как ты.

— Какой? — поинтересовалась я.

— Ты даже не профессиональная магичка, не говоря уже о принадлежности к воинам.

Ты домашняя девочка, которой нужно сидеть дома и вышивать подушечки бисером. А твое хорошее воспитание! Разве с таким воспитанием лезут в фургон к четырем мужикам?

Я, ничего не отвечая, выдернула руки и повернулась к котелку.

— Я сам помою. — Тролль сноровисто принялся тереть бок посуды. — Ты можешь вернуться назад домой и ждать меня? Тебе не придется платить неустойку, я решу все проблемы. А ты мне свитер свяжи на зиму, идет? К первому снегу мы вернемся, и я на тебе женюсь.

— Нет, — глухо сказала я. — Я больше не буду никого ждать.

Драниш внимательно посмотрел на меня. Былинка во рту замерла. Я молча ждала, что он скажет. Будет ли он спрашивать, кого я ждала? Будет ли настаивать на том, чтобы я все-таки вернулась домой? Или решит поделиться опытом походной жизни? Но тролль снова удивил меня.

— Понятно, — только и сказал он. Былинка снова стала ездить по губам туда-сюда, а большие ладони принялись ловко тереть бока котелка.

— Воркуете, голубки? — Тиса ходила по лесу далеко не так бесшумно, как превосходящий ее размерами и массой тролль. — Прям картинка получается. Только ты, Драниш, на героя девичьих мечтаний не похож. Очень уж страшный.

— Герои грез тоже разными бывают, — сказала я.

— Ты просто не знаешь, о чем говоришь, — фыркнула Тиса. Она мыла в ручье свою и капитанскую миску. — Ты думаешь, Драниш такой хороший? Да если бы у меня была дочка, я бы ее удавила, только бы она этому троллю не досталась! Уж поверь, его я знаю как облупленного.

— Ща я кого-то удавлю, — предупредил Драниш. Меня удивила злоба, прозвучавшая в его голосе. Обычно он пикировался с воительницей легко и иронично. Девушка вздрогнула и отодвинулась подальше.

— Ну и что? — Я положила руку на плечо тролля. — У кого из нас недостатков нет?

Я гладила плечо черноволосого громилы до тех пор, пока он не расслабился. Мне был знаком такой тип характера, обладатель которого, не успокоившись вовремя, переходил в состояние неконтролируемой ярости. Поэтому пришлось погладить Драниша, даже несмотря на то, что он может воспринять мою заботу как поощрение его дальнейших ухаживаний. Но я считала, что на сегодня ссор в нашем маленьком коллективе достаточно.

— Зато теперь котелок чистый, — улыбнулась я, когда тролль поднял на меня свои слегка сощуренные черные глаза.

— Это точно! — фыркнул он, рассматривая блестящий бок, который до этого остервенело тер. Я с облегчением вздохнула — оказывается, все это время боялась вдохнуть как следует. — Эх, котя, как же я тебя люблю!

Драниш легко подхватил меня одной рукой и понес к фургону, ступая все так же бесшумно, несмотря на дополнительный вес.

— Я сегодня ночью буду управлять фургоном, так что, если не сможешь уснуть под храп, приходи. Места на козлах много, а вдвоем теплее будет.

Капитан с эльфом уже прибрали место стоянки — даже на месте кострища зеленела свежая травка, которую Даезаэль ласково гладил рукой. Когда все собрались и фургон тронулся с места, Ярослав завернулся в свое одеяло и мгновенно заснул. Тиса села рядом, угрожающе показав нам кулак. Мы намек поняли и ушли на заднюю площадку.

Быстро темнело и ощутимо холодало. Повесив щелчком пальцев перед собой зеленый огонек, эльф заново переплетал косы, полностью погрузившись в это занятие. Гном кутался в необъятную шубу. Я села между ними, засунув ладони в рукава толстеного свитера, связанного няней. О чем говорить, я не знала, но молчание меня не тяготило, я вспоминала и обдумывала день и решала, как лучше всего будет себя вести завтра.

— Я же сегодня заблудился, — нарушил тишину Персиваль. — А вы даже не спрашиваете, как я себя сейчас чувствую. Я пережил такой стресс! Мне было так страшно! Такое ощущение, что все кругом шепчет, деревья колыхнутся...

— Как можно было заблудиться в двух шагах от стоянки? — фыркнул эльф. — Почему ты не кричал?

— У меня голос пропал, — признался гном. — Я боялся, что крикну, и волкодлак прибежит и сразу же сожрет.

— Да, вполне может быть. Волкодлаки жирных любят, — подтвердил Даезаэль.

— Я не жирный! — обиделся Персиваль. — Я красивый.

— Особенно с точки зрения мясника, — согласился целитель. — Тобой, если твою тушу разделать, можно целую семью прокормить. И не один месяц.

— Мила! — обиделся до слез гном. — Поведай этому ушастому свою женскую точку зрения! Я ведь красивый?

— Думаю, насчет нескольких месяцев ты переборщил, — сказала я эльфу. — Если целая семья будет им питаться, то такого количества мяса на месяц хватит, не больше. Но сомнительно как-то, разумных существ уже давно никто не ест.

— Это смотря где, — возразил эльф.

Гном совсем обиделся и ушел спать. Через какое-то время из фургона донесся его мощный храп.

— Я бы за такой храп в тесном помещении казнил бы не раздумывая, — кисло сказал эльф. — Но, наверное, так и должно быть. Ведь жизнь — такая гадость. И днем и ночью, что куда хуже.

Он доплел последнюю косу и, прикрыв глаза, стал мурлыкать заунывную мелодию.

Я вернулась в фургон. Под потолком горела свеча в фонаре, дающая тусклый свет. Тиса спала, прижавшись лбом к плечу капитана. Персиваль вздрагивал во сне, и можно было только посочувствовать его соседу Даезаэлю. Наверняка гном сильно ворочается, а спать рядом с таким очень неудобно. Я взяла свое одеяло и прошла к козлам.

Троль молча помог мне перебраться через лавку. При свете накопителя его глаза фосфоресцировали.

— Ты хорошо видишь в темноте? — спросила я.

— Почти как днем, — кивнул он. — Раньше тролли были подземным народом, жили в горах. Пока нас оттуда гномы не поперли.

— Как это получилось? — спросила я. Этот раздел истории меня всегда интересовал. — Ведь вы как минимум втрое крупнее любого гнома!

Драниш поскреб свою грудь через куртку, поленившись ее расстегивать. Звук получился отвратительный.

— Отец говорил, что гномьи старейшины ужасные зануды. Иногда легче им уступить, чем из месяца в месяц слушать одно и то же. Но официальная версия народа троллей звучит так: мы очень добрый народ, поэтому уступили гномам подземные владения. И мы очень умный народ, потому что получили возможность жить в заброшенных шахтах, не копая пещеры для жилища самим.

Отсмеявшись, я спросила:

— Интересно, а что гласит официальная гномья версия?

— О, наверное, это томов десять задокументированных переговоров, в очередной раз свидетельствующих о превосходстве гномьей расы над остальными.

— Персиваль на нас обиделся из-за того, что мы пошутили над его весом. По-детски как-то получилось, — поделилась я. — Но он так остро на все реагирует, что так и тянет пошутить. Знаю, что это недостойное поведение.

— Ничего в этом поведении страшного нет, — усмехнулся Драниш. — Будем окунать нашего неженку в суровую реальность с головой. Кстати, за капитаном не заржавеет. С завтрашнего дня он вас начнет гонять так, что скоро наш гном будет стройнее эльфа.

— Гонять? Это то, о чем он говорил за ужином?

— Угу. Наш Ярик верит, что всегда нужно быть готовым к худшему. Поэтому он старается всех своих солдат обучить по максимуму. Зато в нашей тысяче было меньше всего потерь, а это главное. Спи, котя, завтра будет тяжелый день. Располагайся на коленях, как

тебе удобно. Я теплый и относительно мягкий.

Я ничего не ответила, только поплотнее запахнулась в одеяло.

— Бросай свою стеснительность, — посоветовал тролль. — В походных условиях этому не место. Вот вернемся домой, я буду за тобой ухаживать по всем вашим глупым человеческим правилам. А здесь все по-другому. Ну или, как вариант, — иди слушай, как гном храпит.

Лечь на колени к троллю я все же решилась, примостившись сбоку. От Драниша исходили тепло и спокойствие. Фургон равномерно трясся по дороге. Незаметно для себя я уснула.

4

Физкультуру придумали садисты. Нормальной разумной личности никогда не придет в голову с утра истязать себя упражнениями. И вечером тоже не придет. Потому что вместо этого можно поесть.

Гном Персиваль фон Клоц в разговоре с самим собой

— Вставай, котя, уже утро! — бодро сказал Драниш мне в самое ухо.

Я открыла глаза и с удивлением обнаружила, что сплю, не то что положив голову на колени тролля, а вообще полусидя в его объятиях, наполовину спрятанная под курткой, уткнув голову ему под мышку. Странно, но от подмышки не пахло характерным для человеческих мужчин резким запахом пота. От Драниша пахло едва уловимым, приятно-горьковатым запахом, напоминающим полынь.

— Ты так дрожала ночью, — извиняясь, сказал тролль, — что я не удержался и решил тебя согреть. Не смотри на меня так, ничего предосудительного не было. А теперь разомнись, сейчас капитан встанет, лучше быть в форме.

— В форме? — Я попробовала потянуться и поняла, что имел в виду Драниш.

От сна в неудобной позе и на жесткой лавке все тело затекло и болело. Каждое движение давалось с трудом. Каждый самый маленький поворот головы пронзал шею кинжально-острой болью. А как болели бока, бедра и прочие мягкие части тела, которые были непривычны ко сну на жестком ложе и в неудобной позе!

— Попей водички. — Тролль кивнул на болтающийся на крюку чайник. — Я бы размял тебе мышцы, но не могу отвлечься от управления.

— Понимаю, но все равно спасибо.

После глотка холодной воды я немного взбодрилась и даже смогла сама размять себе шею и плечи.

Внезапно легкий и холодный утренний туман пронзил тонкий переливчатый серебряный звук.

— Подъем! — раздался голос капитана.

Я поспешила в фургон.

Ярослав, свежий, бодрый и причесанный, раздвигал полог, впуская в теплую духоту холодный воздух. Тиса уже скатывала одеяла, а Дазеазель сидел на своей постели, очумело тряс головой. А вот Персиваль крепко спал, всхрапывая на каждой кочке.

— Просыпайся, ты! Эй, Персиваль! — позвала Тиса.

Гном никак не отреагировал, и даже чувствительный пинок под ребра, отвешенный воительницей, заставил его только перевернуться на другой бок.

Фургон тем временем потихоньку сбавлял скорость, пока совсем не остановился.

— Стоянка! Все свободны, — объявил капитан. — Через десять минут жду вас всех здесь.

— Расчесаться не забудь, — бросила Тиса, проходя мимо меня. — Позоришь нас своим видом.

Я торопливо принялась расплетать косу, спрыгнув на землю. Очутиться на ровной,

некачающейся поверхности оказалось для тела настолько удивительным, что первые несколько шагов я сделала очень неуверенно, но, возвращаясь к фургону, уже полностью освоилась, и даже успела несколько раз потянуться, чтобы вернуть телу гибкость.

Пока я заплетала косу, капитан пытался разбудить Персиваля. Максимум, чего ему удалось добиться, — невнятного бормотания «сейчас, мамочка, еще чуть-чуть».

— Дохлый номер, — высказал свою точку зрения тролль. — Помнишь, Ярик, у нас в сотне был Семка? Такой же тип.

Волк мрачно кивнул. Они с троллем дружно схватили Персиваля за руки и ноги и вытащили наружу.

— Тяжелый, чаха на него нет! Я начинаю восхищаться гномьей матушкой. Это же надо — такого сыночка каждое утро будить, — пропыхтел Драниш, удерживая Персиваля в горизонтальном положении, пока Тиса бегала на козлы за чайником.

Утреннее закаливание гнома проводил сам капитан. Делал он это без видимого удовольствия, как обыденное и неприятное действие.

Едва первые холодные ручейки стекли со лба по лицу на бороду и живот гнома, Персиваль открыл изумленные глаза.

— Это же не молоко! — пролепетал он. — А где горячее молоко на завтрак?

— Завтрака пока не будет, — любезно сообщил капитан.

— Как не будет? — удивился эльф, выныривая из мрачной задумчивости.

— Пока не будет, — уточнил капитан. — Перед завтраком у нас будет небольшая пробежка.

Тиса с откровенным удовольствием любовалась на наши удивленные лица.

— На пробежку и завтрак у нас... скажем, полтора часа. Добежали до харчевни «Под дубом», где будет ждать нас фургон, поели, отдохнули — и поехали дальше. Чем дольше вы добираетесь до харчевни, тем меньше времени у вас будет на еду и отдых. Не успеете вовремя — о завтраке можете забыть.

— Можно начинать? — спросил тролль, появляясь из фургона с песочными часами.

— погоди. — Капитан подошел ко мне и приказал: — Мила, надень штаны.

— Штаны? — растерялась я. — Зачем?

— Приказы капитана не обсуждаются, а выполняются, — заметила Тиса.

— Мы сейчас будем бегать, — терпеливо объяснил Ярослав. — Разве ты можешь бегать в юбке?

— Могу. — Я не могла представить себя в штанах. Я их никогда не надевала, всю жизнь чувствуя себя абсолютно комфортно в длинной юбке, как и все знакомые мне женщины.

В штанах ходили только девушки-воины и — изредка — магички, настолько прославленные, что им было плевать на внешний вид и мнение окружающих.

— Я верю, — сказал капитан. — Но ты не сможешь пробежать в юбке требуемое мне расстояние. И только зря потратишь силы.

— Капитан, но у меня нет штанов! — призналась я.

— Что, совсем нет? — удивилась Тиса.

— Совсем. Только теплые вязаные гамаши, но это же практически нижнее белье.

Ярослав вздохнул.

— Тиса, одолжи ей одну пару своих штанов.

Девушка скривилась, но полезла в фургон. Ее штаны были мне длинны и тесны в бедрах. Ходить в них было очень неудобно — при каждом шаге они впивались в тело.

— Да, в этом ты далеко не убежишь. — Воительница криво ухмыльнулась, безотчетным движением проводя руками по своим узким мальчишечьим бедрам. — Надевай, что там у тебя есть.

С большим трудом я стянула с себя ее штаны и достала из сумки гамаши. В них, даже под взглядом девушки, я чувствовала себя раздетой.

— Сойдет. — Воительница потянула меня к выходу.

Я уперлась, вырвала руку из ее захвата и сжалась в комок на одеялах.

— Я не могу.

— Почему?

— Я... понимаешь, я как голая... Я не могу перед мужчинами появиться в таком виде! Не могу!

— Глупости. Пойдем, я сказала.

— Нет!

— О, чахи б вас всех взяли! Почему в наш отряд набрали исключительно идиотов? — вспылила Тиса и закричала: — Капитан! Мила не хочет выходить!

Я сжалась в комок, завернувшись в одеяло. Сейчас придет Ярослав и прикажет выходить и бежать в том, что есть. По дороге. По которой, несмотря на ранний час, уже ездят повозки и идут стремящиеся в город люди. Лучше умереть, чем вот так позориться.

Прервал мои грустные размышления легкий стук в притолоку.

— Можно войти? — спросил капитан, остановившись перед незримой чертой, отделяющей женскую половину.

Я кивнула.

Вопреки моим ожиданиям, Волк ничего не приказал, а просто молча сел рядом. Дождавшись, когда я, удивленная долгим молчанием, решусь посмотреть на него, он спросил:

— Мила, в твоей анкете было написано, что ты хотела отправиться на войну, поэтому закончила ускоренные Магические курсы. Это так?

Я молча кивнула и отвернулась, боясь посмотреть капитану в глаза. Я ужасно не любила, когда из-за меня возникали проблемы, но ничего не могла поделать — выйти в гамашах на всеобщее обозрение оказалось выше моих сил.

— А ты думала о том, в какой обстановке проходит война? — спросил капитан. В голосе его не было ни грамма тепла, он разбирался со мной как опытный и хладнокровный руководитель, которому подчиненные устраивали проблемы и похлеще. — Там далеко не везде есть возможность носить юбки.

— Я поэтому и заканчивала курсы, чтобы быть сотенным магом. Маги ведь ходят в длинной мантии.

— Иногда маги ходят без мантии. И даже бегают. Тогда, когда нужно спасти свою или чужую жизнь. Вообще, война — это не то место, где нужны какие-то церемонии или правила приличия. Там только одна цель — выжить.

— Честно говоря, собираясь на войну, я мало думала о тамошних реалиях, — призналась я, собравшись с духом. — Мне нужно было обязательно туда попасть, понимаете? Я была связана обещанием и шла к своей цели. И вопрос юбки тогда меня заботил в последнюю очередь, точнее, я даже не думала о том, что придется ходить без нее. А сейчас я не могу пойти против своего воспитания и выйти на люди в этом... Все-таки война, на которой участникам многое прощалось, уже закончилась. Вы считаете меня глупой?

— Нет, — сказал капитан, и я отважилась поднять на него глаза. Он смотрел на меня без насмешки, серебристо-серые глаза были равнодушны. Помолчав, он добавил: — Я, как начальник, должен найти выход, который бы устраивал всех. Я не могу отказаться от занятий физической подготовкой — просто потому, что это может однажды спасти тебе жизнь. Давай поступим так. У тебя есть тонкая летняя юбка? Желательно без всяких рюшечек и кружев?

Я кивнула:

— Только она наверху.

— Хорошо, одевайся. Сейчас я... нет, пожалуй, лучше Драниш посадит тебя на крышу, и ты найдешь свою юбку. И спустишься к нам.

Обеспокоенный происходящим Драниш, который, не вмешиваясь в беседу, стоял, прислонившись к стенке фургона возле выхода, легко посадил меня на крышу. Все вещи я

упаковывала по специальной системе, не раз выручавшей меня в переездах, и поэтому быстро найти юбку не составило труда. Капитан задумчиво оглядел этот предмет гардероба, выхватил из ножен длинный кинжал и в два взмаха обкорнал подол вдвое. Теперь юбка едва прикрывала мне колени.

— Все, — довольно сказал он. — Надевай поверх гамаш.

Я поняла, что дальнейшее сопротивление бесполезно.

Капитан и так сделал все что мог, с пониманием отнесясь к моей проблеме. Было бы гораздо хуже, если бы он решил ее радикально, как в случае с побудкой гнома.

— Маршрут пробежки простой: дорога идет прямо и проходит мимо харчевни «Под дубом». Вот туда нам и нужно. Бежать можете в произвольном темпе, но помните о времени, — сообщил Волк.

— Теперь можно начинать? — спросил Драниш, старательно не глядя в мою сторону. Однако торчащие из-под обрезанного подола колени так и притягивали его взгляд, отчего я смущалась еще больше.

Капитан кивнул. Троль перевернул песочные часы, сел на козлы, и фургон медленно тронулся. Ярослав и Тиса сразу задали равномерный темп бега, который мы даже какое-то время могли поддерживать.

Бежать в таком виде, без привычной длинной и тяжелой юбки, было очень легко. Но в какой-то момент я поняла, что еще чуть-чуть — и сердце просто вырвется из груди. Два воина бежали как ни в чем не бывало, и я почувствовала прилив зависти. А ведь я хотела на войну! Тренировалась каждое утро! Какой же глупой я была. Достаточно посмотреть, как перекачиваются под рубашками мускулы Тисы и Ярослава, как легко дыхание проходит через губы, чтобы понять, что мне с ними никогда не сравниться. И для своей сотни или тысячи такой маг-недоучка, как я, будет не помощью, а обузой. Прав был капитан — нельзя пренебрегать физической подготовкой.

Я обернулась и увидела, что осталась на дороге одна. Неужели Персиваль и Даезаэль отстали раньше? Вот это да! Я села на обочине передохнуть. Вскоре появился эльф. Он неторопливо подошел и уселся рядом. От Даезаэля так и несло магией.

— Что, подбадривал себя? — спросила я, тайно гордясь собой. Мне магическая подпитка сил была не нужна.

Сын Леса кисло кивнул.

— Я целитель, а не бегун, — сказал он еще более мрачно, чем обычно. — Это издевательство над нами!

— Вовсе нет, — покачала я головой. — Мы ведь попадем в приграничный регион. А там много кого водится, и все они недружелюбно настроены. Точнее, дружелюбно, но как к свежему мясу. Капитан хочет, чтобы мы выжили. Или ты не хочешь жить?

— Хочу, почему же нет. Знаешь, мертвому очень тяжело созерцать несовершенство этого мира.

— Верю, — улыбнулась я. — В могиле холодно, темно и мрачно.

— Это у вас, людей, там холодно, темно и мрачно.

— А у вас что же, там светильники горят? — удивилась я.

— У нас вообще нет могил, — сказал Даезаэль. — Умерший, действительно умерший эльф в течение суток превращается в траву и цветы. Это остаточная магия нашего тела. А в вашу могилу я бы с удовольствием отправился. Там хорошо-о-о.

— Однажды мой учитель сказал: место смерти эльфа — большая клумба. Тогда я не поняла, что он имеет в виду, а вредный старикашка отказался объяснять. Теперь стало понятно, что он имел в виду и почему не объяснил сразу — тогда бы юная девочка, видевшая эльфов только на картинках, ему просто бы не поверила. Это уже чуть позже я неоднократно встречалась с Сыновьями Леса, но обсуждать с ними вопросы смерти до сих пор не было возможности.

— Погоди, — не дала я эльфу возможности погрузиться в холодные, темные и мрачные мечты. — Что значит «действительно умерший эльф»? Бывают не совсем умершие? Зомби-

эльфы? Зеленые ходячие трупы с острыми ушами? Или уши отпадают от недостатка кровообращения?

— Дались вам всем мои уши! — недовольно сказал эльф. — У зомби-людей уши есть? Ведь они тоже могут отпасть, но никого это не волнует!

— Не знаю, — призналась я. — Я зомби видела только на картинке, когда на курсах проходили «Введение в некромантию». Просто, понимаешь, уши — это такой вот признак эльфийский отличный. И я подумала, что зомби-эльф без ушей и не эльф даже.

— Зомби в любом случае уже не эльф, — желчно ответил Даетаэль. — Но, так и быть, я тебе отвечу. Никогда эльф не становился ходячим мертвецом! Я же тебе говорил, у нас магия тела иная, чем у людей. А оживший мертвец предполагает прежде всего наличие плоти. Что ты будешь поднимать после эльфа? Траву? Цветы? Убийца трава-зомби! Это даже не смешно.

— Но бывает же засушенная трава, чем это не зомби? — слабо возразила я.

— Если рассматривать так глубоко, то засушенная трава — это скорее скелет. — Занудству в голосе целителя мог позавидовать любой профессор.

— А все эльфы, умирая, становятся цветами? — осторожно спросила я. — Колючками случайно никто не становится?

— Становятся, — машинально ответил Сын Леса, задумчиво поправляя множество своих косичек. — И чертополохом, и лопухами... э-э-э... а почему ты спрашиваешь?

— Да так, — сказала я. На душе у меня полегчало.

Мы посидели на обочине еще немного. В кустах пели птицы. Легкий утренний туман постепенно развеивался, отчего все вокруг приобретало яркие краски. По дороге на телегах или верхом проезжал разнообразный народ, с удивлением таращившийся на нашу парочку.

— Интересно, — сказала я задумчиво, — а куда подевался Персиваль?

— Думаю, валяется где-то, — безразлично ответил эльф. — Пойдем уже, есть хочется.

— Мы не можем уйти без гнома, — вздохнула я. — А вдруг ему плохо? И он не сможет добраться до харчевни сам? Представляешь, какие издевательства учинит над ним капитан в этом случае?

— А мне какое дело?

— Мы должны помочь Персивалю, — решительно заявила я, вставая. — Пойдем обратно, будем его искать.

— Ты думаешь, что говоришь? — возмутился эльф. — Назад — это значит, что нам придется пройти еще больше! Я не собираюсь тратить свои силы и время, отведенное на завтрак, ради беспомощного гнома. Кто он мне?

— Мы в одном отряде, — удивилась я равнодушию целителя к судьбе Персиваля. — Разве не так? Нам вместе жить и работать еще минимум полгода, а ты хочешь бросить своего друга в самом начале?

— Он мне не друг, — заявил целитель.

— Все равно. Мы не можем его бросить.

— Не мы, а ты не можешь его бросить.

— Да, я не могу его бросить. Каким бы он ни был, он с нами в команде. Он наш, понимаешь? А своих бросать неправильно.

Эльф закатил глаза и остался сидеть на обочине. А я отправилась назад, искать гнома.

Правда, шла я в одиночестве недолго. Очень скоро со мной поравнялся Даетаэль. Лицо его было еще более унылым, чем всегда, поэтому я воздержалась от комментариев. Мы шли молча и целеустремленно, и на нас — о чудо! — перестали обращать внимание. Во всяком случае, мне затылок перестали жечь любопытные взгляды.

— Эй ты, в ободранной юбке! — Я вздрогнула от оклика. — Это не твой, часом?

Мужик, сидевший на облучке телеги, указал кнутовищем на тело, лежавшее на охапках хвороста.

— Персиваль! — узнала я. — Что с ним? Он жив?

— Жив, только валялся на дороге, мешал проехать. Сказал, отдать его эльфу и девушке

в обрезанной юбке. Эльфа я не нашел, а вот тебя признал. Забирай. Мне лишний груз не нужен. И это... За проезд заплатить бы надо.

— Можете отрезать себе сала от этого жирдяя, — предложил целитель. — Больше у нас с собой ничего нет.

Мужик, испугавшись, замахал руками:

— Что ты, что ты! Живого резать? Нет денег — так бы и сказали, что ж я, волкодлак какой! — Он прищурился, пристально рассматривая Даезаэля. — А ты кто таков будешь? Странный какой-то... надо бы страже у города доложить.

— Я — эльф, — злобно сказал целитель, пока я помогала кряхтящему гному принять на телеге хотя бы сидячее положение.

— Да? — искренне удивился мужик. — А я и не признал. Эльфы, они же вроде по-другому выглядят. Светлые, одухотворенные. Волосы такие... такие... не косички, в общем. А ты... не такой совсем. Какой же ты после этого эльф?

— Темный, — злобно сказал целитель. — Не светлый, не одухотворенный, и волосы у меня в косичках. Я гнусный темный эльф, который обожает на завтрак есть свежие человеческие почки, закусывая их мозгами!

От Даезаэля исходила такая волна ненависти, что я отшатнулась. Лошадь мужика нервно заржала, а сам крестьянин бросил поводья, столкнул гнома с телеги и так хлестнул несчастное животное по спине кнутом, что телега со скрипом и треском помчалась по дороге, теряя на ухабах хворост.

Я не рискнула заговорить с эльфом, поэтому подошла к Персивалю. Он лежал в дорожной пыли с закрытыми глазами и тяжело дышал.

— Персиваль, — позвала я, — вставай. Нам нужно идти.

— Я не могу, — прохрипел гном. — Оставьте меня здесь умирать!

— И оставим. Можем еще и добить, чтобы не мучился, — сообщил целитель. Голос его вернулся в обычную степень мрачности, поэтому я решила спросить:

— А разве существуют темные эльфы?

— Конечно, нет. Эльф — это по определению одухотворенное, светлое и высшее существо.

— А ты? — просипел гном, безуспешно пытаясь подняться и нервно косясь на Даезаэля. Видно, он верил, что тот может его добить, чисто из целительского сострадания.

— И я тоже. Просто моя светлость и одухотворенность недоступна пониманию таких ограниченных личностей, как... как некоторые. И тебе лучше не языком трепать, а попросить кого-то нас подвезти. А то мы не успеем к завтраку.

— Ехать будет нечестно, — сказала я. — Капитан приказал нам этот отрезок дороги пробежать. Давайте его хоть пройдем.

— Проедем, — простонал Персиваль. — У меня есть с собой несколько монет. Доедем до поворота перед харчевней и немного пройдем.

— Я так не могу. Ведь капитан заботится о нашей будущей безопасности! Как мы сможем сбежать в случае чего, если не будем тренироваться? — горячо сказала я. — Пойдем, я уверена, что уже немного осталось.

— Я еду, — сказал эльф.

— А она нас заложит капитану, и что он тогда придумает — страшно представить. Если ехать, то только всем, — обиженно надул губы Персиваль.

— Не суди по себе, я совсем не собиралась ябедничать, — укоризненно сказала я. — Хотите ехать — поезжайте. А я пойду.

— Как ты дожила до своих лет с такими представлениями о жизни? — уныло спросил Даезаэль, толкая носком сапога гнома, чтобы тот резвее шевелился.

— Нормально дожила, — резче, чем хотелось, ответила я. — Но своей честью я не намерена поступаться. Я знала, что на этой работе будет тяжело, и готова преодолевать трудности, а не бежать от них.

— Пафос, пафос, пафос, — издевательски развел руками эльф. — Только разве

поможет нам этот пафос поднять эту тушу с дороги? Да еще так, чтобы она при этом шла?

— Я не она, — прохныкал гном.

— Какой из тебя мужчина? А туша — это она. — Даезаэль сплюнул. — Вставай.

— Может быть, ты ему поможешь? — попросила я. — Ведь есть у целителей приемы, которые помогают переносить тяжелораненых?

— Он не тяжелораненый, и я не намерен тратить на него свою магию. Она мне самому пригодится. Хотя... — Эльф развел руки, промурлыкал мелодичную песенку, и Персиваль резко подняло с дороги и поставило на ноги. Целитель с видимым удовольствием дал страдальцу пинка. — Пошел!

— Я никогда не ходил дальше, чем в мастерскую, — хныкал гном, плетясь впереди нас. Иногда Даезаэль подталкивал его в спину, и это немного ускоряло наше передвижение. — Почему вы так со мной? Ты же целитель! Ты должен быть милосердным.

— Маме своей жаловаться будешь, — спокойно отвечивал эльф. — Или капитану. А мне не надо. Я жалобы мимо ушей пропускаю, это у меня профессиональное.

— Как мимо таких ушей можно хоть что-то пропустить? — с новыми силами возопил гном. — Они же у тебя как лопухи!

— Ты — дурак и неуч, — констатировал Даезаэль. — Лопухи имеют совершенно другую форму. Учись оскорблять тонко, гора сала.

— Я не гора сала, я просто упитанный!

— Ребята, — вмешалась я, — учтите, чем больше сил вы будете тратить на ругань, тем меньше у вас их останется на путь.

— Вот поэтому ты так долго молчала! — напустился Персиваль уже на меня. — Ты знала этот секрет и молчала! Молчала специально, чтобы оставить себе больше сил!

Я пожала плечами, не опускаясь до перепалки.

Так мы и шли, точнее, еле-еле плелись, и дорога казалась бесконечной. Абсолютно все проезжающие и проходящие мимо обгоняли нас, даже матери с маленькими детьми шли быстрее. Гном ковылял, смешно расставляя ноги, а Даезаэль иногда останавливался и срывал клейкие листочки с кустов или вырывал молодую травяную поросль. Тщательно отряхнув зелень от пыли, эльф с унылым выражением лица отправлял добычу в рот.

— Что ты делаешь? — спросила я.

— Ем. Видишь ли, я уже распрощался с мыслью о том, что нам достанется завтрак. Хорошо, если мы придем до того, как капитан решит, что ждал нас достаточно, и отправится в путь. Ни догонять фургон, ни платить неустойку за дезертирство с королевской службы я не намерен. А молодая зелень — это витамины. Хоть и горчит немного.

— Это только эльфы могут питаться такой дрянью, — прохныкал гном. — А я хочу горячую яичницу на сале. И молока с медом!

— Хоти, — милостиво разрешил целитель.

— Ну все, — сказал Персиваль, падая. — Я больше и шага не сделаю. Все, я теперь точно умираю.

— Не умираешь. — Даезаэль облюбовал веточку какого-то куста и принялся грызть ее с задумчивым видом.

— Я натер штанами между ног! — заорал гном. — Это хуже, чем смерть!

— Я уже предлагал добить тебя, чтобы не мучился, — предложил милосердный целитель.

— Ты же целитель! Как ты можешь убивать!

— Ну если ситуация требует, то могу. Или вот она тебя добьет, ей можно. — Даезаэль указал на меня свежесорванной веточкой и засунул ее в рот.

— Снимай штаны. — Я поняла, что другого выхода нет. — Попробую тебя подлечить. Раз наш штатный целитель не хочет...

— Мне лечить у гномов между ногами не позволяет вера, — лицемерно вздохнул Даезаэль. — Но я с удовольствием на это посмотрю.

— Извращенец, — припечатал гном.

— Вовсе нет! Просто это будет мерзкое зрелище, которое еще раз докажет мне, что ничего хорошего в этой жизни нет.

— Персиваль, раздевайся. С такими ранами ты не сможешь идти дальше! Давай я тебя подлечу, и, возможно, мы даже успеем к концу завтрака, — уговаривала я, видя, что он колеблется. — Не смущайся и не воспринимай меня сейчас как девушку, я целитель... или, во всяком случае, человек, имеющий начальную целительскую подготовку.

Густо-густо залившись краской стыда, зажмурив глаза, гном неохотно стянул с себя штаны. Зрелище вовсе было не мерзким — обычные кривоватые волосатые мужские ноги, — хотя и малоэстетичным.

— Тебе придется купить себе новые штаны, помягче, — сказала я, заканчивая исцеление. Оно выдалось тяжелым, я не могла, по привычке, приложить руки к пострадавшему месту — боялась, что гном этого просто не выдержит, и все пойдет насмарку. Лечение на расстоянии давалось мне крайне трудно, но, когда я краем глаза заметила, что наблюдавший за процессом эльф одобрительно кивает, это придало мне уверенности и сил.

— Эти штаны хороши для работы, — объяснил Персиваль прерывающимся голосом. — Я же не думал, что буду бегать! Поэтому других с собой и не брал, у меня все штаны одинаковые.

Все еще бордовый от смущения, гном принялся одеваться.

— А чего ты такой красный? — спросил пронизательный эльф. — Подумаешь, разделся. Или ты еще нецелованный? Да? Аха-ха-ха!

Я впервые видела, чтобы Сын Леса проявлял столь позитивную эмоцию, даже несмотря на то, что смех его звучал откровенно издевательски, поэтому просто им любовалась. Сейчас Даезаэль был похож на обыкновенного эльфа: зубы белели в ослепительной улыбке, глаза будто излучали свет, а смех звучал переливами серебряных колокольчиков.

— Ну и что! — закричал гном, и его бороденка воинственно встопорщилась. — Мама говорила, что себя нужно беречь для той, единственной! А Мила видела меня без штанов, когда между нами нет не то что уз брака, но даже хоть каких-то отношений! Мое целомудрие поругано! Что я теперь скажу своей единственной?!

— Когда ты найдешь ее, я уверена, что она поймет, — попробовала я успокоить Персиваля, но тот был безутешен:

— Моя личная жизнь закончена!

— Не успев начаться, — любезно уточнил Даезаэль.

— Я же всего-навсего тебя исцеляла! Тем более ты был в нижнем белье. И я не касалась твоих интимных мест, — пыталась я спасти положение.

— А-ха-ха-ха! О-хо-хо-хо! — Целитель то прибавлял, то убавлял издевки в своем голосе, отчего это звучало неимоверно раздражающе.

— И я никому никогда об этом не расскажу, — обещала я. — Тем более твоей маме или твоей единственной, если я буду ее знать.

— Я подумую об этом, — всхлипнул гном.

— Пойдем уже, — попросила я. — Нас ведь ждут.

— Я не могу подняться, — после нескольких попыток встать честно признался гном. — У меня ноги дрожат. Не могу, и все.

Он лег лицом в пыль и затих.

— Вставай, Персиваль. — Я попыталась поднять его тяжелое тело, но куда мне тягаться силой с троллем! — Мы все устали, но ведь немного осталось. Даезаэль! Сделай же что-нибудь!

— Убери слезу из голоса, — равнодушно посоветовал сидящий на обочине эльф. — Я тоже устал. И у меня нет лишних магических сил, чтобы ими вот так разбрасываться.

— Ладно, если мы немного отдохнем, никому вреда не будет, — решила я.

Удивительное дело, но чем дольше мы отдыхали, тем меньше желания было вставать и идти дальше.

— Давайте я вам спою песню, — предложил эльф, обглодавший все ветки с ближайшего куста.

Мы с гномом подозрительно переглянулись. С чего это вдруг наш вечно мрачный напарник решил порадовать нас песней?

— Весна вокруг, вы посмотрите, как чудесно, — совершенно по-эльфийски сказал Даезаэль. — Я спою вам старинную песенку. Потому что не почтить песней такую прекрасную весну просто преступление.

Мы согласно кивнули. Кто знает, возможно, радостная эльфийская песня нас взбодрит и придаст сил. Однажды я слышала, как поет настоящий эльф-менестрель. Это было незабываемым впечатлением. Моя душа как будто возносилась к небесам и парила там в волнах счастья.

Даезаэль закрыл глаза, подставил свое лицо лучам солнца и запел. Наверное, он прославлял весну. Но мы этого понять не могли, потому что песня была невероятно, просто потрясающе унылой. Каждый куплет, произносимый рыдающим голосом, заканчивался таким припевом, словно голодная хромая дворняжка подвывала на луну.

Через три куплета гном не выдержал.

— Я думал, что эльфы любят весну, — сказал он, вклиниваясь между рыданиями, стонами и подвываниями. — Но я ошибался. *Так* любить весну еще надо уметь.

Исцеленный эльфийской песней про весну Персиваль бодро подскочил и шустро зашагал по дороге.

— Враскорячку он шел намного смешнее, — заметил Даезаэль, прекращая петь. — Жаль, что он не дождался окончания песни. Там такой припев хороший, хочешь, я его специально для тебя исполню?

— Не нужно! — Я внезапно тоже почувствовала волшебную силу эльфийской песни. Откуда и силы взялись! Я чувствовала, что способна не то что дойти, а добежать до харчевни, лишь бы только не слышать тоскливого напева, прославляющего весну.

Эльф скоро догнал меня, с остервенением разгрызая очередную веточку.

— Я знал, что вы не оцените эту прекрасную песню!

— Что ты! Мы ее оценили, очень даже, — заверил гном. — А ты бы не мог кратко рассказать, о чем там шла речь?

— О весне. О том, что пригревает солнышко, снег тает. И всюду становятся видны кучи мусора, которые накидали всякие гады, которым нужно повывдирать руки и выколоть глаза, чтобы они больше никогда не видели того, как прелестно устилает землю нежная молодая трава...

— И это написали эльфы? — потрясенно спросила я, никогда не подозревавшая, что Сыны Леса настолько кровожадны.

— Это очень старинная песня, поэтому я ее немного переработал. Приблизил, так сказать, к современным реалиям.

— А-а-а, — с облегчением протянул гном. — Понятно. Хороший все-таки народ эльфы.

— Конечно, — согласился Даезаэль. — А что, были какие-то сомнения?

— Нет-нет-нет! — горячо заверили мы с гномом.

«Уррр», — громко заурчало в животе Персиваля. Я вздохнула. Очень хотелось есть, и я боялась, что мой живот издаст такие же звуки, а ведь мне столько раз твердили на уроках, что хорошо воспитанная девушка не может себе этого позволить. Странно. Я иду пешком в обрезанной юбке по пыльной дороге в компании эльфа и гнома, где-то в повозке, которую я делю со всеми, непростительно поправ приличия, ждет меня влюбленный тролль, а я волнуюсь о том, что у меня может заурчать в животе!

— А мне мама на второй завтрак подавала молочный суп с домашней лапшой и сахаром. Это так вкусно! — причмокивая, сказал гном.

— Я не знаю, о чем ты, — высокомерно ответил Даезаэль. — Эльфы не едят лапши. Это пища низших существ.

— А откуда же ты тогда знаешь, что это пища низших существ? — спросил гном, хитро

прищурившись.

— Все, что не едят эльфы, — пища низших существ. — Целитель сказал это как само собой разумеющееся.

— Вот поэтому вас бьют все, кому не лень, — уколол Персиваль.

Однако Даезазль на шпильку отреагировал спокойно.

— Это еще раз доказывает, что они — низшие существа. Ибо высшим созданиям некогда бить кого-то. Высшее существо занято самосовершенствованием.

— Мы дошли, — прервала я их пикировку, увидев открывшееся за поворотом строение под огромным деревом.

— Харчевня «Под дубом»! — возликовал гном. — Завтрак!

И он побежал так, будто в него влили новые силы. Мы с эльфом переглянулись и припустили за ним.

Прислонившись к воротам, ведущим во двор харчевни, нас ждал тролль. Запустив руку глубоко в отворот рубашки, он, прижмурив глаза от удовольствия, чесал волосатую грудь. Скрежет когтей по волосатой коже заглушал даже звуки постоянного двора.

— Ага, явились наконец, — сказал он. — А мы уже позавтракали.

— И ничего нам не осталось? — простонал Персиваль.

— Ага. Капитан уже фургон приготовил к отправлению. Шевелиться быстрее надо было.

— И у нас совсем не будет завтрака? — все еще не веря в происходящее, спросил гном.

— Не раскисай, у нас будет обед! — подбодрил его тролль, почесав под мышкой. И вдруг оглушительно свистнул.

Я зажмурилась, а эльф упал на колени, с болезненной гримасой закрыв уши ладонями. Только Персиваль, кажется, ничего не заметил. Он оплакивал завтрак, сквозь слезы глядя на харчевню.

Из ворот показалась повозка. На козлах сидел капитан, холодный и спокойный, как обычно.

— Залезай к Ярославу, котя, — сказал весело тролль, поднимая меня на руки. — Сегодня фургон будешь вести ты...

5

Если хочешь, чтобы с тобой никогда ничего не случилось, — запишись в четырех стенах и не высовывай носа наружу. И тогда на тебя упадет крыша.

Целитель Даезазль Тахлаэльбрар милосердно утешает пациента, сломавшего во время гололеда обе ноги

Я села на длинную лавку рядом с Волком, стараясь не касаться его даже краешком юбки.

— Выпей чаю, — велел он, протягивая мне кружку с дымящейся жидкостью.

Пока я, обжигаясь, торопливо пила сладкое-сладкое питье, фургон резво покотился по дороге, обгоняя крестьянские телеги. Ярослав молчал до тех пор, пока я не повесила пустую кружку на крючок рядом с чайником.

— Ты знакома с основами управления повозкой?

— Да, — кивнула я. — Обе руки кладутся на кристаллы Управления; нужно мысленно приказывать фургону двигаться, поворачивать или тормозить, отдавая для этого магическую энергию.

— Верно. Формулировки приказов фургону ты должна подобрать сама, здесь нет общих рекомендаций, ведь каждый человек мыслит по-своему. Чуть позже, когда ты полностью овладеешь всеми тонкостями движения повозки, ты должна будешь отдавать больше энергии, чем требуется для управления, чтобы заполнить накопитель магии. Фургоном будут управлять по очереди все. — Капитан плавно притормозил фургон на

пустом участке дороги. — Что ж, пробуй.

Я положила руки на два голубых кристалла, сразу почувствовав, как магия кольнула ладони, выдохнула и мысленно приказала: «Вперед!»

Повозка так быстро рванула вперед, что меня откинуло назад и я больно ударилась об жесткую спинку сиденья. Внутри фургона кто-то вскрикнул, что-то зазвенело. Перед глазами мелькали ямы и выбоины дороги, повозка тряслась и подпрыгивала.

— Не так быстро, — спокойно заметил Ярослав.

«Стоп! Стоп, не...»

Жалобно заскрипели колеса. Фургон остановился, меня силой инерции кинуло вперед. Если бы капитан не успел меня поймать, обхватив поперек груди, то щеголять бы мне с разбитым лицом и сломанным об доску управления носом!

— Плавно, плавно. — В голосе аристократа не было ни насмешки, ни порицания. Такие, как он, с детства учатся управлять бестолковыми слугами и не реагировать на промашки окружающих.

Я попробовала применить другую формулировку. «Медленно поехали», — мысленно попросила я. Повозка нехотя покатила по дороге.

— Хорошо. Теперь быстрее, — сказал Волк.

«Быстрее. — Резкий рывок, капитан снова удерживает меня за плечи. — Немного медленнее, чуть быстрее».

— Не забывай смотреть на дорогу, — негромко произнес Ярослав. — Так, немного притормаживаем и поворачиваем.

«Торм... ой, не успеваю! Направо, направо».

Жалобно заскрипев колесами по дороге, фургон резко повернул, сильно накренившись в сторону, но, слава всем богам, не перевернулся.

Перед моими глазами появилась неспешно едущая карета.

— Обгоняй! — Руки Ярослава зависли над моими, готовые в любой момент перехватить управление.

«Налево! Не так сильно! Еще левее! Теперь направо! Не так быстро!»

— Останавливайся.

— Ярик! — завопил за нашими спинами тролль, пока я пыталась плавно остановиться. Драниш появился на передке фургона, тяжело дыша. — Вы что, прибить нас вздумали? Забыли, что не мебель везете?

— Нет... — пролепетала я. — Я помнила о вас, я просто старалась...

— Что там происходит? — перебил капитан мои оправдания. — Чей скулеж?

— Гном нос сломал, — хмуро ответил тролль. — А эльфу не до него.

Я молча перелезла через сиденье и отправилась исцелять беднягу Персиваля.

Внутри фургона царил страшный беспорядок. Вещи, оружие, одеяла и сумки слетели со своих мест и перемешались. Крайне сердитая Тиса тащила из кучи свое одеяло, пиная ногами чужие. Глянув на меня, она что-то процедила сквозь зубы, но я благоразумно решила не прислушиваться. Даезаэль с крайне сосредоточенным лицом копался в своей целительской сумке, откуда шел резкий запах. А гном сидел, прислонившись к стене, и тихо скулил на одной ноте. Его рубашка была в пятнах крови, он обеими руками зажимал нос; глаза были широко открыты, и в них плескался такой страх, что мне стало не по себе.

— Персиваль, — сказала я ласково, опускаясь на колени, — можно я взгляну, что у тебя там?

— Нет! — прогундосил гном. — Я хочу, чтобы беда лечил целитель!

— Да сейчас, — отозвался эльф. — У меня тут порошки стоимостью с десять таких фургонов перемешались, а я буду отвлекаться на каких-то там...

— Я умею исцелять, — попробовала я утешить страдальца. — Через несколько минут тебе станет легче.

Он помотал головой, отчего мне на лицо попали брызги крови.

— Персиваль, — сказала я строго и спокойно, — сейчас же опусти руки и дай мне тебя

исцелить. Ну?

Гном изумленно отвел руки — ладони были полны крови, — а я прижала кончики пальцев к его носу. Почувствовав знакомое покалывание, я начала останавливать кровотечение.

— Хрящи на место поставь, — посоветовал за моей спиной эльф, который конечно же не мог остаться в стороне и не влезть с советами и критикой.

— Я не умею, — призналась я, глядя на огромный опухший нос.

— И чему вас только учили? — буркнул целитель.

Он наклонился надо мной и хлопнул в ладоши перед гномом. Тот обмяк, его глаза закатились.

— Теперь он не будет нам мешать. — В тоне Даезазля не было и капли сочувствия. Он положил мои ладони на несчастный гномий нос, а сверху прижал своими. — Расслабься, я покажу тебе, как надо.

— Ты бы, Ярик, в следующий раз предупредил, что ли, — сказал тролль, пиная к своему месту неопознанный клубок из вещей. Внутри кучи что-то грохотало и звенело.

— Зачем? — возразил капитан. — Нужно учиться пребыванию в фургоне в любой ситуации. Сегодняшнее вождение Милы показало наши слабые места. Например, сумку со снадобьями нужно было закрепить. И посмотри — это крепление для меча никуда не годится. Еще один резкий поворот, и он вывалится вместе со стеной.

— Это стена никуда не годится, — буркнул тролль.

— Это у некоторых меч очень тяжелый. — Тиса, вероятно, решила, что она и так слишком долго молчала.

— Ща как дам, — пообещал тролль, а воительница презрительно фыркнула.

Через несколько минут нос Персиваля выглядел как прежде, и только засыхающая кровь напоминала о недавней травме. Даезазль хлопнул в ладоши, заставляя гнома очнуться, и отправился на свое место, постаравшись передать походкой всю степень презрения, которую он к нам испытывает.

— Все? — Персиваль поднял руку к носу, но не решился притронуться, пока я не кивнула.

Потрогав нос, лицо, рассмотрев рубашку и бороду в крови, отпрыск семьи фон Клоц закрыл лицо руками и зарыдал, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Что с тобой? Тебе больно?

— Не-э-эт! Мне плохо! Плохо! И зачем я ввязался в это путешествие! Я ненавижу этот фургон! Я хочу домой! — рыдал Персиваль.

Я растерянно обернулась, не зная, что делать. Даезазль не обратил на рыдания никакого внимания, копаясь в своих порошках. Лицо капитана, стоявшего у входа на передок фургона, как обычно, ничего не выражало. Тролль удивленно поднял бровь, а вот Тиса, кажется, серьезно заинтересовалась происходящим. Она подошла к гному и ткнула его пальцем в плечо.

— Эй, ты что, плачешь? — Я с надеждой смотрела на девушку. Она много лет служила в войсках, может быть, знает, как утешать новобранцев, которых оторвали от привычной обстановки. — Плачешь? Плачешь по-настоящему? Да? А-ха-ха-ха-ха! Он плачет! Нюня-разнюня! К мамочке хочешь? Ах ты, нежный розовый Персик! Ты Думаешь, тут кому-то тебя жалко? Бу-у-у!

— Тиса! — укоризненно сказала я. — Зачем ты так? Ему же плохо сейчас.

— Ну и что? Мне какое до этого дело?

— Значит, не трогай его.

— А ты чего раскомандовалась? — Тиса наклонилась надо мной и взяла жесткими, шершавыми пальцами за мой подбородок, заставляя поднять голову. — А?

Я спокойно посмотрела в ее тускло-зеленые глаза.

— Обижать тех, кто слабее, — подло. Жаль, что именно мне приходится тебе это объяснять.

Тиса молча сжала руку в кулак, который стремительно направился к моему лицу. Я не отвела взгляда и не пробовала защититься. Пусть выпустит пар, может быть, тогда с ней будет легче общаться. Наверное, мне сейчас будет очень больно...

Однако удара не последовало, потому что Драниш без церемоний схватил ее за шкуру и швырнул об стену фургона. Эльф, демонстрируя невероятную реакцию, успел уклониться и прикрыть своим телом многострадальную целительскую сумку.

Гном, не обращая внимания на потасовку, продолжал оплакивать себя-несчастливого, бока, которые болят от спанья на жестком полу, желудок, который ноет от отсутствия завтрака, и еще что-то совсем уж невнятное.

Тиса поднялась с пола, потерла спину и искренне пожелала троллю:

— Чтоб тебя чахи и дрыхли в преисподнюю утащили!

— Только после вас, девушка! — Драниш согнулся в изящном поклоне, который бы сделал честь любому аристократу. Только после этого поклона я до конца поверила, что он — принц троллей.

Тиса сплюнула на пол и ушла на задник фургона, яростно задернув за собой полог.

— Мила, — промолвил капитан, внимательно разглядывая свои ногти, — заканчивай поскорее, я жду тебя снаружи.

— Даезаэль! — Я поняла, что самой мне Персиваля не успокоить. — Ты же целитель! Помоги мне!

— А что, у него что-то болит? — нелюбезно отозвался эльф, даже не думая подниматься со своих одеял.

— Душа у него болит.

— Хорошо, купирuem за ненадобностью. — Целитель с видом страдальца присел около гнома. — Не плачь, Персиваль. Жизнь тяжела, но, к счастью, коротка. Скоро ты умрешь, и все твои страдания будут в прошлом. Так что сцепи зубы и потерпи еще совсем чуть-чуть.

От такого утешения Персивалю не полегчало, наоборот, он завыл с удвоенным энтузиазмом.

— Я сделал все, что мог, — развел руками Даезаэль. — Меня бы это утешило.

Я одарила его мрачным взглядом.

— Тш-ш-ш, — сказал вдруг эльф, — так и замри. Сейчас, сейчас...

Он быстро отыскал небольшое зеркальце и, поглядывая то на меня, то в зеркало, принялся копировать мое выражение лица, бормоча: «Какая злость, какая экспрессия!»

— Не получается. Мордой не вышел, — прокомментировал тролль, внимательно наблюдавший за кривляньями у зеркала. — Огня в глазах не хватает.

— Ничего, — успокоил его Даезаэль. — Я потренируюсь. Люблю мрачные выражения лица, и это — просто сокровище в моей коллекции.

Я отвлеклась от эльфа с его заморочками, обхватила лицо гнома ладонями и заставила его посмотреть на меня.

— Персиваль, послушай меня. Скоро все наладится. Ты привыкнешь, и все будет хорошо. Сначала все тяжело и непривычно, а иногда и больно. Но ты сильный, я знаю. И у тебя все получится. Через неделю ты будешь вспоминать об этом дне и улыбаться. Я знаю, что у тебя все получится. Я в тебя верю.

— Правда? — всхлипывая, спросил Персиваль.

— Правда. Я же вижу, какой ты на самом деле молодец. Это все временные трудности. Все пройдет, и у тебя все получится. Все получится, честное слово. А сейчас тебе просто нужно немного отдохнуть, я специально для тебя постараюсь вести фургон как можно аккуратнее. Что бы ты хотел на обед?

— Можно суп с клецками? — На меня смотрели большие, по-детски чистые глаза, в уголках которых еще виднелись слезы.

— Конечно, — кивнула я, хотя слабо представляла, как делать клецки в походных условиях.

Когда я шла к скамье управления, то увидела, как мне беззвучно аплодирует тролль.

Поймав мой взгляд, он послал мне воздушный поцелуй, который согрел мне душу и придал сил для общения с капитаном.

Волк заряжал накопитель, бездумно глядя на то, как ветер колышет ветки деревьев с нежно-зелеными крохотными листочками.

— Капитан, — сказала я, садясь рядом, — вы неправы.

— Хорошее заявление. Ты критикуешь мой стиль управления? — Ярослав посмотрел на меня, слегка склонив голову набок.

— У вас нет никакого стиля управления. — Я без трепета встретила его оценивающий взгляд. — Вы же руководитель. Вы должны были вмешаться.

— Зачем? Я знал, что Драниш не позволит Тисе тебя обидеть.

— Я не это имею в виду. Почему вы не утешили Персиваля?

— Я не собираюсь утирать сопли великовозрастным младенцам. Мила, наша работа — тяжелая и опасная, и выживут только сильные. Поэтому гному нужно стать сильным, вот мой стиль управления.

— Сильным можно стать по-разному. Иногда для того, чтобы кто-то стал сильным, его необходимо поддержать и научить плавать на мелководье, вместо того чтобы бросать сразу в глубину.

На лице капитана промелькнуло раздражение.

— Давай сделаем так. Если мы благополучно закончим нашу миссию, то в следующем году я предлагаю тебе набрать свою собственную команду и там уже помогать подчиненным адаптироваться так, как считаешь нужным. А пока я попрошу воздержаться от критики моих методов управления. А также не брать на себя лишних функций.

— Мы не на войне, Ярослав, — сказала я, специально называя его по имени. — И в повседневной жизни я буду поступать так, как требует того моя совесть. Когда мы исполняем служебные обязанности — пожалуйста, приказывайте. Когда вы проводите учебный курс — пожалуйста, приказывайте. Когда возникнет опасность для жизни команды — ваше право делать все, что считаете нужным. Но не более того. Сейчас, когда мы едем, когда нам не грозит никакая опасность, мы все равны, и я имею право на свое мнение, а также на высказывание оно.

Волк помолчал, а потом ровным тоном сказал:

— Вижу, ты хорошо изучила договор о найме.

— Да, — согласилась я. — Я всегда тщательно изучаю любую бумагу, которую подписываю.

— Поехали, — скомандовал капитан и всю дорогу молчал.

Я как могла старалась управлять средством передвижения аккуратно, помня об обещании, данном Персивалю. Контроль над мыслями — вот что главное в вождении. Если я думала только о дороге, ямах, ухабах, путниках и телегах, не отвлекаясь больше ни на что, то фургон двигался плавно и быстро, почти как под управлением капитана.

— Эй, Ярик! — От голоса тролля я вздрогнула, и фургон вильнул вправо. Ветви придорожных деревьев заскребли по багажу и боковой стенке. — Мы вообще обедать сегодня будем?

— Да, — бросил капитан. — Мила, притормози немного, сейчас найдем подходящее место. Так... так... вот, здесь направо поверни, вон видишь — полянка. Хорошо, останавливайся.

Капитан спрыгнул на землю и постучал по стенке фургона:

— Выходите, пора обедать. Вы знаете, что делать. — Не дожидаясь ответа, Волк удалился в глубь леса, резкими движениями откидывая с пути ветки.

Я взглянула на тролля. Он, слегка прищурившись, смотрел вслед Ярославу, и губы его кривились в ухмылке. Потом он резко мотнул головой, словно отгоняя назойливую мысль, присел рядом и обнял меня за плечи.

— Ну что, не съел тебя наш капитан?

Я покачала головой и слабо улыбнулась. Противостояние с Волком далось мне очень

тяжело, и сейчас, когда фургон остановился, я чувствовала себя опустошенной. У меня было такое ощущение, что капитан своими холодными серебристо-серыми глазами вытягивает из моего тела жизненную энергию. Больше всего хотелось лечь в уголке, свернувшись в клубочек, но я не могла себе этого позволить. Ярослав не должен был знать, что спокойно выдерживать его взгляд мне удастся только ценой огромных усилий. Конечно, за его плечами воспитание благородного и командование в армии, но все же мне не хотелось ему безоговорочно подчиняться. Да и вообще, капитан как человек мне совершенно не нравился. Жесткий сухарь, который абсолютно равнодушен ко всем окружающим. Типичный благородный.

— Я так рад, что ты с нами, — прошептал Драниш, утыкаясь носом мне в шею. — Я впервые вижу человека, который бы так смело противостоял Ярику.

— Ты...

— Видел, как вы спорили из-за методов управления. Знаешь, когда мы воевали, солдаты под началом Ярослава гибли реже всех. Но и сбегали в другие полки чаще всего. Потому что он не умеет прощать. Ни самоволки, ни загулы, ни девочек, равно как и ошибки на поле боя.

Он засмеялся, щекоча дыханием мне кожу.

— Интересно было за вами наблюдать.

— Он ужасный человек, — вздохнула я. — А тебе все шуточки.

— Так это и есть самое интересное! Если бы было все просто, было бы скучно. Вот выдержишь Ярика полгода, тебе тогда и племя троллей будет нипочем.

— Зачем мне племя троллей?

— Ну как же! Мы же поженимся. Значит, ты будешь править вместе со мной, когда мне надоест эта кочевая жизнь.

— А как же твои братья и сестры? Они ведь тоже захотят править. Что ты сделаешь с ними? — подозрительно спросила я.

— Мне нравится направление твоих мыслей, — широко осклабился потенциальный муж. — Но, во-первых, далеко не все захотят править, некоторым будет тупо лень, потому что для этого надо учиться. Во-вторых, я просто спрошу, кто из наших захочет за мной пойти, большинство останется с папашей, но часть уйдет, а потом и другие какие-нибудь набегут. Королевство, конечно, не обещаю, но тысячей-другой править будем. Будет кому мух отгонять.

— Каких мух?

— Ну представь, лежишь ты летом в тенечке, на лежанке, пьешь пиво и закусываешь фруктами какими-нибудь. Руки липкие, морда липкая... Мухи, ясное дело, налетают. А ты так лениво пальцами — щелк! — и появляется чужачок с опахалом из полыни, она лучше всего насекомых отгоняет. А ты лежишь и наслаждаешься жизнью. Вот ради этого и стоит быть вождем... Правда, если будем плохо править, нас побьют.

— Побьют вождя племени? — удивилась я. — Зачем?

— Для вразумления. Чтобы лучше правил. Пару зубов выбьют, нос сломают. Ну носы ты уже научилась исцелять, так что это не проблема. Моего папашу четыре раза били, он меня поэтому учиться отправил, пожалел. Я в детстве хиленьким был, он подумал, что меня верноподданные и убить могут ненароком.

— Драниш! — закричала Тиса. — Хватит там болтать уже. Сам так жрать за четверых будешь, нам что, еще и работать за тебя?

— Иди отдохни немного, — наклонился ко мне тролль. — Я тебя позову, когда вода закипит. Хочется супа с клецками! Я его уже несколько лет не ел, с тех пор как Лешего капитан на целителя поменял.

Я благодарно ему кивнула и ушла в фургон.

Судя по раскиданным там и сям вещам, никто и не подумал убрать внутри. Мне беспорядок претил, поэтому я наклонилась и принялась наводить красоту. Разложила по местам и свернула одеяла. Поправила в пазах на стене оружие, развесила на крючки сумки.

Аккуратными стопками сложила у изголовий одежду. Взяв в руки черный свитер из тончайшего и теплого-теплого эльфийского кашемира, на миг прижала его к щеке. Свитер пах Дазеаэлем — едва уловимой для обоняния смесью сладкого цветочного аромата и горьковатой отдушки лекарственных снадобий. Нежное-нежное прикосновение ткани к коже было таким приятным, что я не сумела подавить горький вздох, прикрыв глаза. Мои теплые свитера были связаны из серой, грубой шерстяной нити, которую няня покупала на рынке. Одежда хорошо грела, но не менее хорошо кололась, отчего вся кожа невыносимо зудела. Поэтому под свитер нужно было надевать рубашку из плотного полотна. Как бы я хотела еще хоть раз... просто почувствовать, как это — когда твое тело ласкает дорогая нежная ткань, не затрудняющая движений...

Жесткий, колющий взгляд, который я почувствовала, вырвал меня из мыслей и заставил испуганно обернуться. У входа в жилую часть фургона, небрежно прислонившись к притолоке и сложив руки на груди, стоял капитан. Я подавила желание отбросить свитер движением застигнутого врасплох неопытного воришки, вместо этого аккуратно положила вещь около остальных, принадлежащих целителю. После чего медленно встала, смело поглядев в серебристо-серые глаза Ярослава.

Как ни странно, ни его взгляд, ни его лицо уже ничего не выражали. Если бы у меня до сих пор не зудело между лопатками от того, как он на меня смотрел всего несколько мгновений назад, я бы подумала, что мне это показалось.

— Вода закипела, — едва шевеля губами, сказал Волк. — И не смей больше никогда прикасаться к моим вещам.

— Убирайтесь тогда сами, — холодно ответила я. — Но беспорядка здесь я не допущу.

— Прекрасно, — процедил он, продолжая смотреть на меня асе тем же безразлично-холодным взглядом.

Не дождется того, что я отведу взгляд, проклятый благородный! Ему до умения моего отца играть в злобные гляделки еще далеко, он, говорят, умудрился самого короля как-то пересмотреть.

— Стоп, стоп, стоп, — заявил тролль, бесшумно появляясь за спиной у Волка. — От вас двоих уже искры летят. Смотри, Ярик, запугаешь мою котю, она и сбежит. Что я тогда делать буду?

— Не сбежит, — процедил Ярослав, а я согласно кивнула.

— Такое взаимопонимание, что аж страшно, — картинно поежился Драниш. — Котя, ты идешь суп варить? Там гном такой голодный, что, глядишь, начнет хлебать пустой кипяток прямо из котелка. Пожалей беднягу, а с Яриком вы еще друг на друга насмотритесь.

У костра в миске аккуратной кучкой были уже сложены почищенные и порезанные овощи, мне осталось только перемешать яйца и муку с водой для клецек.

Чтобы мне не мешали голодные взгляды, тролль увел мужчин «сполоснуться в ручье». Судя по пороссячьему визгу, доносившемуся издалека, споласкивали там только гнома.

Тиса лежала на животе около костра и сражалась с грамматикой, досадливо цыкая каждый раз, когда сравнивала свои ответы с книжными.

— Суп готов! — наконец громко объявила я.

— Прекрасно, — ответил мне чей-то хриплый голос.

Я вздрогнула и обернулась. Из кустов медленно выходили вооруженные мужчины, одетые в одежду явно с чужого плеча. Кто это? Разбойники? Дезертиры? Бывшие наемники? В любом случае ничего хорошего от них не приходилось ждать. Я покосилась на Тису, она-то должна знать, что делать в таких случаях!

Девушка, глядя исподлобья, напряглась, медленно опуская книжку.

— Эй, ты, детка! — хохотнул один из разбойников. — Давай без фокусов. У нас три арбалета, и два нацелены на тебя. Думаешь, я не узнал в тебе воина?

— Что вы хотите? — осторожно спросила я.

— Ваш фургон, — сказал мужик, чья черная борода была заплетена в две косички и украшена блестящими бусинами. — И вещички на крыше мы, пожалуй, тоже прихватим.

— Зачем вам фургон? Он же может управляться только магом, — спросила Тиса. В ее глазах не было ни страха, ни волнения, они холодно перебежали с противника на противника, оценивая их.

— Конечно, детка, мы знаем это, — ответил чернобородый. — У нас он даже есть. И вот незадача — нам придется вас убить. Зачем оставлять свидетелей?

— Нет! Убейте сначала меня! — завопил кто-то за моей спиной. Раздался щелчок разряженного арбалета, и болт вонзился в землю рядом с моей юбкой, глубоко увязнув в дерне.

— Что это? — ошеломленно спросил один из разбойников. Я обернулась.

На молодой травке стоял на коленях Даезаэль, схватившись за полу кафтана одного из бандитов. Тот пытался отмахнуться от настырного эльфа разряженным арбалетом. Нападающие выглядели настолько озадаченными этой сценой, что никто из них даже не шевельнулся, только рты пооткрывали.

— Убейте меня! — вопил Даезаэль, тряся свою жертву, как молодое деревце. Многочисленные косички с косточками со стуком ерзали по спине, ожерелье из высушенных пальцев болталось на худой шее туда-сюда. — Мне жизнь немила!

— Это мы быстро, — наконец оправился от удивления чернобородый, взмахивая своим мечом. — Хррр...

Его колени подогнулись, он начал оседать, из перерезанного горла фонтаном била кровь. Тиса, ловко перекинув свой длинный кинжал в левую руку, подхватила разбойничий меч и мгновенно пригнулась. Чпок! Чпок! В тело разбойника вонзились два болта. Даезаэль тенью метнулся в кусты и исчез в них — не шелохнулась ни одна веточка.

Я приняла на железную ручку черпака удар бандитского меча, с трудом удержав его двумя руками, присела, так что воздух в ушах свистнул, уходя от другого, и со всей силы ударила черпаком по колену противника.

Пока он с воем хватался за пострадавший сустав, нырнула вбок, прокатилась по траве, резко вскочила — аж заныли мышцы, обернулась и ударила его по голове. Парень хрюкнул и повалился вниз. Эх, не зря я все-таки не сэкономила на поварском инвентаре! Спасая мою жизнь, он уже полностью окупил свою цену.

Выхватив свой кинжал, с которым никогда не расставалась, я обернулась, чтобы оценить обстановку и решить, куда бежать. Но этого не понадобилось — капитан и тролль уже приканчивали последнего бандита, а Тиса, тяжело дыша, утирала кровь из глубокого пореза на щеке.

— Цела, котя? — крикнул мне Драниш.

Я кивнула, не в силах ничего сказать.

— Отвернись, — велел тролль. — Разлей пока суп по мискам.

Я повернулась к котелку, который, к счастью, не пострадал, стараясь не прислушиваться к происходящему за спиной.

— Хороший денек. — Тролль чуть позже присел рядом со мной. — Пара минут — и три трупа. Пришлось их в кусты волочить, чтобы интерьер на полянке не портили.

— Три трупа? — переспросила я.

— О, прости, котя! Тебя это сильно шокировало?

Я неопределенно пожала плечами, сама еще не до конца разобравшись в собственных чувствах.

— Два — Тисы, один — мой. А еще троих мы повязали, пусть пока отдохнут. Поедим, а там будет видно, что с ними делать. А вот Ярик сегодня не отличился, он у нас умеет избавляться от врагов так, чтобы после себя грязи не оставлять. А ты ловко управилась со своим! Где ты такому научилась?

Я оглядела нашу компанию. Даезаэль, что-то бурча, уже намазывает на щеку Тисы какую-то зеленую мазь, зеленый Персиваль сидит на небольшом бревнышке, стараясь смотреть строго в костер, а капитан изучает отобранное у бандитов оружие.

— Я же на войну собиралась, Драниш, — наконец ответила я. — Поэтому научилась

элементарным навыкам самообороны.

— Молодец, — сказал Волк, не поднимая взгляда от меча чернобородого.

— Он тебя похвалил! — обрадовался тролль. — Видишь, как все хорошо. Давайте кушать уже!

— Как вы можете есть сразу после такого? — выдавил Персиваль.

— А что? — удивился Драниш. — Как говорится, война войной, а обед — по расписанию. Подумаешь, нескольких уродов порешили! Не они же нас, так что это нужно отметить. А что у нас на второе? О, как пахнет! Перловка с сушеным мясом! Нямка!

Суп с клецками, щедро налитый в миску, недолго стоял рядом с гномом. Несколько минут — и ароматный парок, а потом и полная ложка несколько примирил хлюпающего носом, взъерошенного, мокрого и жалкого после вынужденного купания гнома с действительностью. Подождав, когда на лице Персиваля расплывется блаженная улыбка, эльф сурово сказал:

— Полмиски, не больше.

— Почему? — С лица несчастного быстро сползла улыбка, лицо стало донельзя растерянным.

— Живот болеть будет, вот почему, — отрезал Даезаэль без капли сочувствия. — Ты же с утра не завтракал. А я тебя исцелять не собираюсь, запас милосердия на сегодня исчерпан.

— И как тебя в целители-то взяли! — с отвращением сказал, гном. — Тебе только палачом работать!

— Меня хотели выгнать, — охотно сообщил Даезаэль. — Но я же талант! А талант нужно беречь, холить и взращивать. Так что теперь я даже не талант, а талантище!

— Скромняжище, — уточнил тролль.

— Не без этого, — согласился эльф. — Но не хвастаются только те, кому нечем.

— Такие, как Тиса, — понимающе кивнул тролль.

— Я тебе колючку в штаны засуну, — пообещала воительница, не отрываясь от еды.

— Ты уже три года грозишься, — махнул рукой тролль.

— Да жалко же тебя, дурака.

— Вы так чудесно дополняете друг друга, — заметил Даезаэль. — Ты, Драниш, лучше женись на Тисе, чем на Миле. Она тебе заскучать не даст.

Парочка уставилась на эльфа с одинаковым выражением ужаса на лицах.

— Что ты несешь! — в унисон заорали они.

— Вот видите. — Целитель неторопливо прожевал и указал на Тису вилкой: — Она же как огонь. Тебе с ней интереснее будет, чем с Милой. Она, — вилка нацелилась на меня, — сильно правильная.

— А может, мне уже надоел огонь? — почему-то хмуро сказал тролль. — Я, может быть, хочу, чтобы мой дом был тихой заводью. Чтобы дома было тихо, чисто прибрано, обед вкусный, а не недоваренная картошка с песком.

— Такое только раз было! — запротестовала Тиса. — Нашел что вспомнить! И то ты эту картошку жрал в три горла!

— Но я при этом кривился, — парировал тролль. — Это только по молодости огонь ищешь. Потом понимаешь, что жена должна быть тылом, а не авангардом.

— А сколько тебе лет? — любопытствовал гном.

— Как раз столько, чтобы задуматься о создании крепкой семьи. Правда, котя?

— Тебе виднее, — пробормотала я.

После еды я подхватила котелки и пошла их мыть. Тролль было направился вслед за мной, но его окликнул капитан, рядом с которым стояла понурившаяся Тиса. Видно, предстоял разбор полетов, и девушку ждала выволочка за то, что не смогла вовремя заметить злодеев.

После всплеска эмоций во время стычки тело требовало действий, и я энергично драила котлы в ледяной воде, почти не чувствуя пальцев.

Рядом эльф заботливо очищал от остатков каши свою миску — тонкостенную, расписную, издающую легкий мелодичный звук при прикосновении ложки.

— Я ее из родительского дома утащил, — сказал он мне, бережно очищая песком узор. — Мама ее специально берегла для внуков, потому что миска небьющаяся и красивая. Каждый день с нее пыль вытирала. Ну ничего, как на пустое место в серванте посмотрит, будет меня теперь регулярно вспоминать, а то понадеялась, что избавилась от неудобного отпрыска!

Даезазль довольно хмыкнул и ополоснул тарелку в чистой воде.

— Разве она не может себе купить еще одну? — осторожно поинтересовалась я, дыша на замерзшие пальцы.

Целитель молча взял мои ладони в свои, миг — и тепло тысячами горячих колючек растеклось по рукам.

— Может. — Он прополоскал в ручье обычную глиняную кружку, какие продаются по два медячка на любом рынке. — Но ведь это уже будет *не та* тарелка, верно? А *ту* унес любимый сыночек.

— Извини, если лезу не в свое дело, но ты «неудобный» или «любимый»?

— А разве одно другому мешает? Они меня любят, но я их раздражаю. Родители — это такие существа, которым можно угодить только в том случае, если твое изображение мило улыбается с портрета над камином.

С этой сентенцией я вынуждена была согласиться. Эльф поднялся, собираясь уходить, и я тихо сказала:

— Спасибо, Даезазль.

— О чем ты? А, об этом? — Эльф энергично потряс пальцами. — Не стоит. Если ты отморожишь пальцы, кто будет нам готовить ужин? О Тисиных талантах я уже наслышан.

Троль с капиталом о чем-то рассуждали, склонившись над картой и не обращая внимания на окружающих. Я отнесла котелки на место, налила в чайник, висящий возле фонаря на передке фургона, чистой воды. Тиса уже залила огонь и сейчас профессионально уничтожала все следы нашего пребывания.

Разбойников капитан решил оставить связанными на полянке, предупредив, что доложит об их шайке первому попавшемуся представителю власти.

Из фургона донесся немелодичный храп: набив желудок, наконец-то смог заснуть гном. Я достала из сумки маленькую баночку с питательным кремом, намазала руки и села на скамью ждать капитана, под чьим руководством я должна была управлять фургоном до вечера.

Ярослав появился довольно скоро, сел рядом, не удостоив меня взгляда, и приказал:

— Поехали. Только на этот раз не забывай наполнять накопитель энергией.

6

Моется только тот, кому лень ждать, когда грязь сама отвалится.

Жизненная философия опытного путешественника

Несколько последующих дней прошли довольно однообразно. Каждое утро капитан гонял нас на пробежку. Волк решил, что нам следует ехать по самой оживленной дороге, никогда не углубляясь далеко в лес. Стоянки мы делали на уже обжитых другими путешественниками полянках, несмотря на то что Даезазль все время крутил носом от гор мусора, который оставляли после себя предыдущие отдохавшие.

— Ярослав! — как-то воззвал он к эстетическому чувству капитана. — Давай я найду в глубине леса чистую полянку и не загаженный ручеек, а? Я не могу умываться, когда рядом валяются остатки чьего-то протухшего обеда!

— Нет, — коротко ответил Волк.

— Ну почему-у-у?

— Потому что Ярик боится разбойников и нечисти, — охотно объяснил Драниш.

— Что? — взвилась Тиса. — Следи за своим языком!

— Ладно, ладно... После войны тут много кого расплодилось, а это не наш сектор. Зачем нам выполнять чужую работу по зачистке территории? Пусть другая группа королевских посланников сама сталкивается с неприятностями, пишет отчеты, вызывает армейское подразделение, опять пишет отчеты, что уже все в порядке... Оно нам надо? У нас приграничный сектор, там своих проблем будет куча.

С тех пор Даезаэль сам расчищал себе небольшой пятачок, выращивал на нем свежую травку и сидел там в гордом одиночестве, поглядывая на остальных презрительным взглядом. Ну точь-в-точь петух на плетне в деревне!

После ежеутренней пробежки — или, как в случае с гномом, проползки — те, кто не управлял фургоном, подтягивались под руководством тролля.

— Вы должны взлетать на крышу фургона! Взлетать, а не висеть на перекладине, как сопли! — рычал он.

Руки невероятно болели, но заставить себя подтянуться больше двух раз я не могла. Но так как жизненный опыт тролля настаивал на том, что нужно уметь подтягиваться больше, то приходилось стараться изо всех сил, болтаясь на перекладине, как свежестираный носок. Впрочем, здесь я была не одинока. Рядом со мной висели Даезаэль и Персиваль. Тису уже давно такие проблемы не волновали, она сражалась с грамматикой, причем лицо у нее было такое же мрачное, сосредоточенно-обреченное, как и у Персиваля, прикладывающего огромные усилия для того, чтобы подтянуться хотя бы раз.

Отжимания, пробежки, приседания, подтягивания... Ноющая боль в мышцах стала моим постоянным спутником. Если бы не Драниш, с блеском в глазах делающий мне массаж (хоть он постоянно намекал на то, что стоило бы рубашку снять для большей эффективности проводимых процедур, но я не сдавалась), было бы совсем плохо. Но гному массаж не помогал, хотя мы с эльфом поочередно на нем упражнялись — я старательно, а Даезаэль просто выколачивал на спине страдальца все дневные неприятности, называя это новым словом в массажном искусстве. Возражать ему никто не осмеливался, потому что эльф так ловко плевался ядом, попадая по самым больным местам, что даже капитан иногда морщился.

Персиваль тихо скулил по ночам, уткнувшись в подушку. Скуление было тихим и спать, в отличие от храпа, совершенно не мешало, хотя на нервы действовало преизрядно.

Ну а мне в очередной раз пришлось столкнуться с капитаном. Чаще всего мы задень не обменивались с благородным и парой слов, что полностью устраивало и Тису, старающуюся завладеть каждой свободной минутой Волка, и Драниша, который постоянно развлекал меня своими байками или просто подбадривал, когда опускались руки. Но однажды утром перед пробежкой я поняла, что мне просто необходимо кое-что обсудить с руководителем, и долго собиралась с духом.

— Ярослав, — сказала я, присев рядом с ним, — я считаю, что после завтрака не стоит уезжать с постоялого двора. Нам нужно выкупаться и постирать вещи.

— Зачем обязательно это делать на постоялом дворе? — равнодушно спросил Волк. — Я ежедневно купаюсь в ручьях. Что мешает это сделать тебе?

— Холодная вода, — терпеливо объяснила я.

— Так вы что, все это время не мылись? — Он окинул меня презрительным взглядом.

— Нет, я обтиралась мокрым полотенцем. Я не рискую лезть в ручей.

— Тисе это не мешает.

— Я рада за нее. Капитан, хотите я попрошу Даезаэля объяснить вам, чем чревато несоблюдение личной гигиены в нашем коллективе?

— Ты считаешь, что я этого не знаю?

— Тогда почему вы себя так ведете?

Ярослав сложил руки на груди и склонил голову набок, рассматривая меня с таким

вниманием, как будто перед ним был таракан, который внезапно начал цитировать Свод законов.

— Я веду себя так, как считаю нужным. Как и ты, впрочем.

Я скопировала его позу и вопросительно взглянула в серебристо-серые глаза.

— Где ты училась? — спросил вдруг Ярослав.

— Дома, — удивилась я такому интересу. — У меня были хорошие учителя.

— Заметно. Ну что, ты и дальше будешь стоять или все-таки пробежишься? Нет пробежки — нет завтрака.

Пришлось уступить поле боя и отправиться догонять остальных.

— Ты знаешь, котя, — сказал на бегу Драниш, подстраиваясь под мой темп, — а капитан задумал сегодня нам баньку устроить. Покупаемся! Красота!

Я от неожиданности споткнулась, и тролль поддержал меня, не то лететь бы мне носом в пыльную брусчатку.

— Это тебя так возбудила возможность попариться вместе со мной? — шутливо спросил он. — Я с удовольствием пройду мочалкой по твоей... хм... спине.

— Когда он тебе это сказал?

— Кто? О чем?

— Капитан, о купании.

— Да еще вечером мы разговаривали, и он сказал: надо бы на следующем постоялом дворе постираться и вымыться как следует, а то скоро в Хвостовск приедем. Уже началась территория нашего сектора, надо прилично выглядеть. Э, да вы опять из-за чего-то сцепились! Что на этот раз?

— Купание! — процедила я сквозь зубы. — Он что, специально издевается надо мной? Что, нельзя было сказать сразу, что сегодня будем купаться и стирать?

— Ярик не умеет специально издеваться, — ухмыльнулся тролль. — Он этому не обучен. Он просто вредничает, не нравишься ты ему. Баба должна: «а» — сидеть тихо и «бэ» — не отвечивать. А ты постоянно гавкаешь.

— И что, быть как Тиса? Сидеть у его ног и преданно в глаза заглядывать?

— Не, не, что ты. Ему, конечно, понравится, но мне — нет. Женщина должна быть такой, чтобы кулаком по столу — бах! Ногой — топ! Усы подкрутила, зубами щелкнула — и все в панике разбежались.

— Мм... Драниш, у меня нет усов.

— М-да, незадача. У моей мамани были, выглядело очень внушительно. Ну да ладно, если понадобится, попросим эльфа тебе их нарастить.

— Нет, спасибо, я себе и такая нравлюсь. Кстати, ты прости, не умею я по столу кулаком стучать.

— Ногами топать умеешь? Ну половина дела сделана. А кулаком еще научишься стучать, чую, доведет тебя Ярик. Главное, ты по нему не стучи, а то тогда вообще обидится. Еще помрет от огорчения, что его сиятельство посмели оскорбить прикосновением. Кстати, чего мы стоим? Все уже давно убежали вперед, даже Персик ухромал. Эх!

Тролль подхватил меня на руки и побежал вперед. Я обняла его за шею руками и молча слушала, как мерно стучит его сердце. В кольцо его рук было невероятно удобно, тепло и уютно. Я позволила себе немного расслабиться, закрыв глаза. Как же хорошо!

— Драниш, — мягко сказала я чуть позже, мысленно дав себе подзатыльник за неуместное расслабление, — пожалуйста,пусти меня.

— Зачем? — спросил тролль. Пробежав приличное расстояние, он даже ни капли не запыхался.

— Это нечестно. Остальные бегут, а я на тебе еду. Драниш, пожалуйста...

Он пожал плечами, остановился и бережно опустил меня на дорогу. Шумно выдохнул и неторопливо пошел рядом.

— Я так и не понял, почему ты возмущаешься. Вон Персик едет на телеге, я ее недавно обогнал, и его совесть не мучает. А ты не хочешь дать мне возможность потренироваться! Я

так давно с утяжелителем не бегал, пожалуй, потеряю форму.

— Бери гнома и беги, — предложила я. — Тренировка будет что надо.

Тролль коротко хохотнул.

— Да если с ним бегать, то пупок развяжется. Оно мне надо? Тем более тебя так приятно к себе прижимать! Хочу еще!

— Нет, — я уклонилась от его рук, — ведь мы же бегаем для чего-то. Вот и побежали.

— Вовсе не для чего-то, — рассуждал тролль на бегу. Я молчала, экономя дыхание. — Бегать крайне полезно для жизни и здоровья. Например, идешь утром по рынку. А там — булочник. И у него на прилавке свежие крендельки. С имбирем или орехами. Пахнут! Ты их — цоп, сколько в лапе поместилось, и бежишь. Он тебе вслед матерно кричит, кто-то даже погонится в попытке поймать вора, да только все же толстые, куда им. А ты отбежишь в укромное место и сидишь, грызешь. Мм! — Он закатил глаза, предаваясь то ли воспоминаниям, то ли мечтам. — И для здоровья полезно. И пробежался, и поел свеженького.

Бежать рядом с Дранишем, который травил байки или просто многозначительно улыбался, поглядывая на мои ноги, оказалось намного легче, чем в компании гнома и эльфа. Шаг за шагом, то быстрее, то медленнее, мы добрались до большого постоянного двора, где нас уже ждал фургон.

— Ну как? — спросил тролль, улыбаясь своей непередаваемой улыбкой, обнажавшей все сорок белых и крепких зубов.

Слабонервных прохожих эта улыбка невероятно пугала — то ли из-за острых длинных клыков, растущих в два ряда, то ли из-за размера жевательных зубов, способных без труда разгрызть крупную кость. Но, честно признаться, мне улыбка нравилась. Обращенная ко мне, она была невероятно доброй, а я скучала без няни, улыбавшейся мне так же — светло, ласково, нежно. Только зубов у старушки было вдвое меньше и по размеру они были несопоставимы. Но, в конце концов, разве в зубах и их остроте дело?

— Мы успели на завтрак? — поразила я, заглядывая в гостеприимно открытую троллем входную дверь. Капитан сидел за одним из столов, поедая кашу в тарелке с такими манерами, будто был на приеме у короля. Тиса, как обычно, провожала взглядом каждую ложку, которую Ярослав отправлял в рот, почти не замечая, что она ест сама.

— А то! Во всем нужен навык и привычка, — поучительно сказал Драниш, положив свою большую теплую ладонь мне на затылок. — Я теперь с тобой чаще бегать буду, пока не научишься сама такой темп держать. А то не могу на тебя замученную смотреть, так и тянет кое-кого придушить.

— Кого? — любопытствовала я.

— Гнома. — С изящным поклоном тролль отодвинул для меня стул из-за стола, предлагая сесть. Тиса фыркнула при виде этой сцены, но ничего не сказала, и я была ей за это благодарна. — Чтобы бородач не ныл ночами и ты могла полноценно отдохнуть.

— Спасибо, — сказала я.

Когда принесли жареные бараньи ребрышки, все воспитание с тролля слетело, как шелуха под порывом ветра. Он грыз, чмокал, чавкал, шумно утираясь рукавом рубашки и хлебая пиво из огромного кувшина. Рядом с капитаном, потребляющим пищу с соблюдением всех правил этикета, это составляло такую контрастную картинку, что я даже зажмурилась.

— Привыкай, — сказала Тиса с напускным сочувствием, — вот выйдешь за него замуж — и будешь на такое каждый день смотреть.

Вместо ответа тролль запустил в нее костью, воительница пригнулась, и снаряд угодил в затылок одному из посетителей.

С громким ревом пострадавший обернулся. Это оказался огромный, даже больше Драниша, тролль с торчащими во все стороны рыжими курчавыми волосами — что на голове, что на груди, что на руках. Соблюдением правил приличия он явно себя не затруднял, надев на голый торс коротенькую жилетку с многочисленными карманчиками — ножнами для небольших кинжалов.

— Прибью! — завопил тролль, обводя общий зал злобным взглядом маленьких прищуренных глазок. — Кто?

За стойкой многоопытный хозяин заведения осенил себя знаком, отгоняющим злых духов, быстро спрятал бутылки с дорогим алкоголем, наклонился, подперев голову руками, и стал с интересом наблюдать за разворачивающимися событиями.

— Кто? Ну? — ревел рыжий.

Посетители молча и очень слаженно указали на Драниша, которого, казалось, не интересовало ничего, кроме очередной кости, из которой он высасывал мозг.

— А-а-а! — рявкнул тролль и со стулом наперевес кинулся к нашему столику.

— А ну ша! — Драниш остановил занесенный стул, схватив его за ножку. Какое-то время рыжий пытался выдрать предмет мебели из цепких рук противника, но потом что-то хрустнуло, и у него в руках осталась спинка.

Драниш с любопытством рассмотрел получившуюся табуретку и сказал уже потише:

— Напугаешь мою невесту — голову оторву.

— Невесту? — опешил рыжий. — Эту, че ль?

Он указал на капитана, продолжавшего невозмутимо завтракать, здоровенной грязной ручищей и захохотал.

Как ударил Драниш, я не успела заметить. Рыжего отнесло на два метра а мой потенциальный муж с огорчением посмотрел на разломанное сиденье бывшего стула, откинул его прочь и сел обратно.

— Не испугал? — заботливо спросил он.

Я отрицательно помотала головой и даже выдавила из себя улыбку.

— Кушай, — тролль подлил мне соуса в кашу, — а то совсем тощая.

Дружки поверженного тролля бесцеремонно подхватили его тело — надеюсь, бесчувственное, а не мертвое, — и поволокли к выходу.

— Эй! — К нам подошел еще один тролль, такой же черноволосый, как и Драниш. — Ты не Злыднобая Кривого сынок?

— Угу, — осклабился Драниш. — Откуда знаешь?

— Ваш особый удар, я с ним уже сталкивался, чуть не сдох тогда, — объяснил тролль и машинально потер челюсть. — Мы с чуваками с работки возвращались, думали зайти к Рыху в племя. Папаше что-то передать? Что невесту нашел? Какую?

— Вот. — Драниш с гордостью положил мне руку на плечо.

— Эту? — с разочарованием протянул тролль. — Так она же... — он помахал в воздухе рукой, подбирая слова, — мелкая. Как рожать будет?

— Она не мелкая, она красивая, — возразил Драниш. — Нормально рожать будет, знаешь, какие у нее бедра! Че зыришь? По морде хочешь?

Тролль испуганно помотал головой.

— Ну я пошел, да?

— Вали! — Драниш отпустил его воистину королевским жестом. — Папаше привет от Драниша, усек?

— Угу.

— Теперь о тебе будет знать вся тролля родня, — ехидно хихикая, сообщила мне Тиса. — Теперь от нашего лучшего боевого тролля не отвяжешься.

— А зачем ей от меня отвязываться? — с искренним удивлением спросил Драниш. — Я же ее люблю. Правда, котя?

— Тебе виднее, — дипломатично ответила я, готовая поклясться, что только что видела улыбку капитана, которую он неудачно попытался прикрыть бокалом с вином. Интересно, что его так развеселило?

После завтрака (к концу которого появился Персиваль, не очень удачно выбравший для передвижения крестьянскую телегу, которая еле тащилась) мы с Тисой направились в женскую половину бани, совмещающую в себе и постирочную.

Там в клубах пара купались и стирали одежду в больших тазах все постоялицы, вне

зависимости от происхождения. Те, что побогаче, нанимали для стирки специальных прачек и пристально следили, чтобы они ненароком не испортили или не украли вышитую тонкую сорочку. Те, что победнее, стирали сами, потихоньку намыливая свои вещи соседским мылом и карауля свое. Тиса, ловко проскользнув вне очереди, отвоевала у толстощекой банщицы два таза.

— Хотелось бы мне посмотреть, как Персик стирает, — мечтательно проговорила она, замачивая огромную кучу вещей. — Он же, наверное, этого ни разу не делал. Ну ничего, у капитана быстро научится. Ярослав грязи в отряде не потерпит.

Я представила, как Волк будет учить Персиваля стирать, как от ужаса переворачиваются в склепах поколения его благородных предков, — и содрогнулась. Спина, привыкшая к чужим поклонам, склоняется над погнутым общественным тазом; пальцы, умеющие каллиграфически выводить буквы на нескольких языках, берут кусок вонючего хозяйственного мыла; руки, одинаково хорошо владеющие как столовыми приборами, так и разными видами оружия, выкручивают рубашку... Брр...

— Ты что это фыркаешь? — спросила Тиса. Ее руки с необыкновенной сноровкой, больше соответствующей прачке, чем воину, мелькали среди мыльных пузырей и мокрого белья.

— Представила, как капитан учит гнома стирать, — честно ответила я.

— Как ты смеешь! — побагровела девушка. — Капитан никогда не опустится до стирки! Для этого у него есть я! А Персику он просто прикажет, и пусть уже тот крутится как хочет.

Теперь мне стало понятно, почему у Тисы такая груда вещей — ведь за дни нашего пути она ни разу не сменила рубашки, зато капитан менял сорочки даже после пробежки.

— Ты хорошо стираешь.

— Конечно. — Воительница вздохнула. — У меня мать прачка. И была среди тех, кого допускали стирать самым благородным. Ты хоть представляешь, сколько труда нужно вложить, чтобы тончайшая батистовая рубашка хозяйки была белоснежной, и не испортить ее при этом? До того как я ушла в телохранители, я помогала матери. Ненавижу стирку! Единственный человек, которому я буду всегда стирать, — это капитан.

— Так ты телохранитель?

Тиса скривилась.

— Не совсем. Я недоучилась, осталось сдать экзамены и лицензию получить. Капитан ушел из дома, и я пошла за ним. Зато попала на войну, и теперь я любого телохранителя за пояс заткну. У меня знаешь сколько боевого опыта!

Кажется, я что-то помнила о скандале в семье Волков, когда младший сын наперекор родителям ушел на войну. Впрочем, таких младших сыновей Сиятельных властителей доменов было много. Славы много не приобретешь, находясь вечно на вторых ролях после отца и старшего брата. Большинство благородных поддерживали стремление своих детей, но только не Волки. Теперь понятно, почему у Ярослава такое низкое звание — его родители, в отличие от многих других, не купили строптивому сыночку достойный чин, и капитан выслужился сам.

— И тот проклятый тролль тоже увязался за нами, не сиделось ему на одном месте. Ему, знаешь, волкодлак чуть руку не отгрыз, думали — все, конец, я уж было могилу начала копать. Ничего, очухался, ничего его не берет, даже волкодлачий яд. За таким мужем как за каменной стеной, да. Даже захочешь избавиться — не получится.

Тиса рассмеялась.

— Хочу посмотреть на ваших детей. Вот уж чудовища мелкие будут!

Я ничего не ответила, аккуратно складывая выкрученное белье в стопку. Сушить его будем уже в фургоне, надо будет попросить тролля, чтобы натянул веревки.

Я прошла в парную, на ходу снимая длинную сорочку. Как же приятно сейчас будет отодрать от себя всю грязь, которая накопилась за эти дни! Все-таки ощущение мытого тела — это почти блаженство.

— Что с тобой случилось? — Ко мне подошла обнаженная Тиса. Ее живот кольцом опоясывала татуировка, сделанная в виде зеленой змеи. Говорят, такие рисунки, выполненные у компетентного мага, защищают от нежити.

— Ты про что? — У меня екнуло сердце. Произошло что-то, о чем я не знаю?

— Твоя спина. Там такой большой ожог!

— А-а-а. — У меня отлегло от сердца. — Это давняя история. Несчастный случай.

— Видно, жизнь богатой купеческой дочери не так уж и безоблачна? — Воительница окатила себя ледяной водой из бочки. — Брр!

— Да, — согласилась я. — Жить всегда трудно, кем бы ты ни был.

— Все зависит только от точки зрения, — пожала плечами Тиса. — Я своей жизнью вполне довольна. Для счастья мне не хватает только...

— Руки и сердца капитана? — Я прикусила язык, мысленно обругав себя. Ну зачем я лезу в то, что меня совершенно не касается? У нас не такие близкие отношения с девушкой, чтобы она откровенничала со мной. Мало ли как она воспримет мой вопрос! Только синяка под глазом мне не хватало!

Но Тиса, на удивление, простила мою нетактичность и даже ответила:

— Да. И можно даже без сердца. Я его так сильно люблю всю жизнь, что моей любви хватит на обоих.

— Как можно жить с человеком, который тебя не любит? — удивилась я. — Одно дело, если родители заставляют создать семью из каких-то своих соображений, ради объединения земель или еще чего, а другое дело — самой об этом мечтать.

— Ты ничего не понимаешь. Любовь приходит и уходит. Главное — уважение. А меня Ярослав уважает.

То ли на Тису подействовал пар и умиротворение чистого тела, то ли она просто решила сломать лед в наших отношениях, но неожиданно для меня она пустилась в откровения:

— Мила, ты еще юная девушка и не повидала и доли того, что видела я. Любовь у благородных — это такая штука, которую лучше избегать. Они не умеют любить так, чтобы любовь приносила тихое счастье. Это же благородный, аристократы с кучей родовитых предков. Им нужны такие страсти, от которых обычным людям лучше держаться подальше. Ну их.

Я кивнула, понимая, о чем говорит Тиса. Образцы высокой литературы пестрели примерами любви благородных — если не драматическая смерть, то не менее драматическое самоубийство, или вся жизнь, похожая на существование в одной клетке с бешеным волкодлаком. Такого, чтобы люди встретились, влюбились, преодолели какие-то трудности, поженились, родили детей и в старости умерли со счастливой улыбкой, — жизни, воспеваемой бродячими музыкантами на ярмарках для простого народа, в образцах высокой литературы не было. Впрочем, какое может быть спокойное счастье, если большинство благородных женились из меркантильных соображений и выбирали себе пару так, чтобы не пересеклись слишком уж близкие родственники. Большинство кандидатов в супруги для своего отпрыска подбирали родители, им в помощь выпускались даже огромные тома с семейными схемами, переиздаваемые ежегодно с учетом всех изменений.

— Но несмотря не на что, ты все же хочешь замуж за капитана, — уточнила я.

— Я влюбилась в него с первого взгляда в пять лет, и с тех пор он для меня как солнце. Я не могу думать ни о ком другом. Мне не нужна его страстная любовь, я хочу, чтобы он любил меня хоть немного... Все, пойдем, а то уже засиделись. Не будем заставлять других нас ждать.

В фургоне уже были Ярослав с Дранишем. Троль, немелодично что-то мурлыкая, натягивал веревки для просушки белья, а капитан заплетал свои длинные волосы в косу. На лице у него было непривычное мне мягкое и мечтательное выражение, длинные пальцы ловко скользили по мокрым прядям. От самой макушки прядь за прядью волосы искусно вплетались в сбегющую к затылку косу, образуя «гребень дракона» — типичную прическу

мужчин-аристократов. Я замерла, не решаясь запрыгивать внутрь фургона и нарушать очарование такого интимного момента. Ведь я никогда не видела, как Ярослав возится со своими волосами — утром, когда я просыпалась, длинная коса была уже туго заплетена, так что из прически не выбивалось ни волосинки, даже когда капитан бегал.

Мои волосы были значительно короче, чем у него, всего лишь до середины спины, и к тому же пушистые. От купания они закурчавились, и мне предстояло долго расчесывать их, чтобы пряди легли как следует.

Рядом со мной замерла Тиса, глядя на капитана так, будто хотела его съесть, не оставив ни крошки.

— Пушистик! — вдруг закричал Драниш, указывая на меня, и Ярослав даже вздрогнул от неожиданности. — Ты как маленькое солнышко! Можно я тебя расчесу? Нет? Ну и ладно, я еще дождусь своего часа!

— Тиса, — тихонько обратилась я к воительнице, когда мы залезли в фургон, — а где сушить нижнее белье?

— На веревке, где же еще?

— Но ведь... но ведь на него все будут смотреть!

— Мила, если ты думаешь, что наши мужчины не знают, что ты носишь нижнее белье, то должна тебя разочаровать. Зрелище твоих трусов удивит разве что Персика.

— Одно дело знать, а другое дело — видеть, — возразила я.

— Правильные девушки, те, на которых женятся — но к тебе это, Тиса, не относится, — не хотят, чтобы на их белье кто-то пялился, — вставил тролль, прислушивающийся к нашему разговору.

— Нашелся специалист, — фыркнула воительница.

— А то! Я что, зря на всех уроках этикета мух считал? — Драниш протянул одну веревку в женской части фургона и задернул шторку. — Пользуйся, котя.

— Оно за шторкой будет сто лет сохнуть, — пробурчала Тиса. — И в фургоне будет вонять сыростью.

— Ничего, потерпишь, — ухмыльнулся тролль. — Эй, ты куда направляешься? Это я для коти сделал, на твои трусы я еще во время войны насмотрелся, ничего нового не увижу.

Тиса ответила ему неприличным жестом; мы молча вместе развешивали белье в закутке.

— Отойди, пожалуйста, — попросила я, закрыла глаза, сосредотачиваясь, и из моих ладоней повеял горячий ветер.

— Ух ты! — восхитилась Тиса. — Еще чуть-чуть, ну!

— Нет, не могу больше. Очень энергоемкое заклинание, а мне еще сегодня фургон вести.

— Хорошо, к вечеру высохнет. — Девушка улыбнулась мне, я просияла ответной улыбкой. Неужели между нами устанавливаются дружеские отношения? Вот было бы здорово!

Мы подождали, пока придут эльф с гномом, хныкавшим, что стирать — это невероятно тяжело, и капитан махнул мне рукой, чтобы я трогалась с места.

Рядом уселся тролль с разорванной сорочкой и принадлежностями для шитья. Игла с ниткой в его огромной ручище смотрелись смешно, но орудовал он ими очень умело.

— Я на войне, — принялся рассказывать тролль, — случалось, и раненых зашивал. Одно и то же, только рубашка не дергается и не вопит при этом. Мамаша бы мной гордилась, если бы видела. У нас в племени именно она всех врачевала. Правда, у нее никто и пикнуть не смел, боялись. Даже папаша. Я поэтому решил, что никогда на такой бой-бабе не женюсь. Жена не ужас должна вызывать, а восхищение, как ты.

Я улыбнулась этой неприкрытой лести и решила спросить:

— Эти шрамы на руке остались от зубов волкодака? — Я старалась, чтобы фургон, несмотря на то что я разговариваю, ехал ровно. У других же это получается!

— Ага. — Тролль перекусил нитку и спросил: — Кто тебе рассказал?

— Тиса.

— А я боялся признаваться, вдруг ты подумаешь, что я на луну вою или хвост в штанах прячу.

— А ты прячешь?

Драниш расхохотался:

— Прячу, и это даже можно назвать хвостом, только не мохнатым. Как-нибудь покажу.

— Нет, спасибо, я обойдусь без этого знания.

— Не, котя, зачем? Не обойдешься. Сделаем пару-тройку детишек, больше не надо, а в этом деле без «хвоста» не обойтись.

Я пожала плечами и ничего не ответила.

— Да, волкодлак... — пустился в воспоминания тролль, видя, что я не поддерживаю его идеи о детишках. — Помнится, голодное тогда время было, жуть. Эти твари обозы грабили почем зря, а мы питались чем попало. Даже кору с деревьев обдирали, если дичи не удавалось добыть.

— Интересно, почему у тебя большинство воспоминаний о войне о том, как вам было голодно? — спросила я.

Драниш немного помолчал и неохотно ответил:

— У меня много воспоминаний. Только вот они... некрасивые, да. Тебе лучше о таком не слышать, да и мне не хочется об этом говорить. Вот спроси Тису о войне. Уверен, она не будет тебе рассказывать, как получила шрам через все лицо. Она, наверное, расскажет о том, как один придурок из соседней тысячи украл с веревки ее постиранное белье и как она за ним гналась через весь лагерь. Хотя нет, об этом она тебе не расскажет. Она начнет свою байку с момента, как она догнала вора и так его избила, что потом никто даже ее кружку с чаем не трогал...

Тролль разгладил шов на сорочке. Я мельком взглянула — идеально ровные стежочки, один к одному. Воистину, Драниш — кладезь талантов! Интересно, а вышивать он умеет?

— Так вот, про волкодлака, — вернулся парень к своим воспоминаниям. — Голодали мы. Ярик вообще с лица спал, тощий сделался, как тростинка. Все своим бойцам отдавал, следил за порядком, чтобы за крохи не дрались.

— Да? — удивилась я. В моем представлении капитан вряд ли пожертвовал бы своей пищей ради простых солдат.

— Котя, он, конечно, гад еще тот, но руководитель отличный. Короче, пошли мы обоз искать, чтобы раньше тварей его найти. Идем, идем, смотрим — не успели. Стоит обоз, а нечисть его потрошит, коней уже сожрали. «Ждем, — говорит капитан, — может, они хоть крупу не тронут». И тут мимо меня бежит такая серая хвостатая скотина, а в пасти колбасу тащит. Домашнюю, поджаристую, — видно из запасов возницы. А она ну и пахнет же! Просто, можно сказать, благоухает своей поджаристой корочкой на весь лес. И я понимаю: все. Если сейчас я эту колбасу не съем, сдохну в мучениях. А если не сдохну, то жизнь мне будет немила. И я подскакиваю к этому волкодлаку, цоп у него из пасти колбасу — и себе в рот. Жую, ну просто к Пахану в Пещеру заглянул. Божественно вкусно. А тварь сначала удивилась, стоит, зенки вылупила. А потом меня за руку с колбасой — хватъ зубищами и жует. А я, главное, заорать не могу, весь рот в колбасе, ни выплюнуть, ни проглотить не могу. А наши за обозом следят, слюнки пускают. А этот гад стоит и жует колбасу вместе с моей рукой. И морда такая довольная! Я его тогда другой руке по башке — бац, пасть и открылась. Смотрю, совсем мало колбасы осталось, я ее в рот заталкиваю и обеими руками помогаю, а от волкодлака ногами отбиваюсь. Он меня — цап, я его — бац! Тут уже и Ярик подоспел. Срезал гаду башку одним ударом, а сам белый, бешеный такой, орет на меня: «Дурак, у них же укусы ядовитые!» Тут мне так плохо стало, но колбасу я дожевал. Думаю, помирать, так с колбасой в желудке, хоть какое-то удовольствие.

Тролль замолчал, я скосила на него глаза. Драниш поглаживал шрамы пальцами и невидящим взглядом смотрел вперед. Очнулся он от раздумий не скоро.

— В общем, если бы не Ярик, помереть бы мне тогда. И смерть моя была бы поганой. А

он надорвался, но меня из пропасти вытащил. Да, я ни разу не видел, чтобы он так из себя выходил. Когда я еле-еле ходить начал, наш капитан явился, сам бледный, синяки под глазами, но поколотил меня так, что думал — опять помирать буду. Но я не помер, это же от любви было. Папаша, помнится, иногда так зарядить мог, что три дня отлеживаться приходилось. «Это от любви, — воспитывал он, — чтобы из нас приличные тролли получились, чтобы не стыдно перед народом было».

Теперь капитан предстал передо мной совсем в другом виде. Я могла только догадываться о количестве магической энергии, которую он потратил, чтобы уберечь своего друга от смерти, если сам, по словам тролля, надорвался. Волк легко полностью заряжал кристалл накопителя фургона, когда как меня едва хватало на половину. А ведь преподаватели кратких Магических курсов говорили, что маг по силе я совсем не плохой! Наверное, нужно будет пересмотреть свое умение управлять, быть не может, что у нас такая большая разница в силе! Значит, моя энергия куда-то распыляется, а это нехорошо...

Драниш легонько нажал мне на кончик носа:

— О чем задумалась с таким печальным видом?

— А? — встрепенулась я. — Прости. Ты потому с капитаном, что он тебе жизнь спас?

— Нет. У нас счет равный. Просто я его друг. Без меня этому пацаненку будет совсем плохо.

— Пацаненку? — переспросила я, и фургон вильнул в сторону, отзываясь на мои сумбурные мысли.

— А то как же. Он еще совсем глупый, многого в жизни не понимает.

— А ты?

— А я понимаю. Мы, тролли, на самом деле — народ великих философов, только мы скрываем эту информацию, а то будут к нам все за советами бегать.

— Понятно, — сказала я, на всякий случай решив не смеяться. Вдруг рассмеюсь, а оно на самом деле так. Ведь никто никогда не слышал о тролле в депрессии или о тролле, покончившем жизнь самоубийством. Зато все знают, что тролли — самый оптимистичный и охочий до всяческих развлечений народ. Может ли это значить, что они о жизни знают немножко больше, чем все остальные? Может быть, их Пахан, традиционно считающийся самым тупым и ленивым богом, сидя в своей Пещере, вещает своим верующим такие истины, за которые все остальные бы просто удавились от зависти? Кто знает...

Ночью, когда все спали, а фургон под управлением Драниша плавно катился по дороге, меня разбудило легкое прикосновение к плечу.

— Мила, — по шепоту и легкому цветочному аромату, от которого целый день чихал тролль, я узнала Даетаэля, — извини, что разбудил. Ты можешь мне помочь?

— Да, — пробормотала я, протирая глаза кулаками, — сейчас.

Эльф подал мне свою прохладную руку и помог выбраться на задник фургона, где зажег свечу в фонаре.

— Что случилось? — старательно подавляя зевок, спросила я.

— У меня проблема. Только не смейся! В общем, я не могу расчесать волосы.

— Как это? — удивилась я. Даетаэль действительно весь день проходил в полотенце, закрученном на голове, и даже Тиса никак не прокомментировала немного глуповатый вид целителя. Поэтому я подумала, что это какая-то особая эльфийская особенность — вот так сушить волосы.

— Я помыл голову какой-то дрянью, потому что мое мыло закончилось, а косички не расплел. Теперь оно все склеилось и невероятно чешется. — Даетаэль чуть не плакал. — Если я их не расчешу сейчас, то просто не могу представить, что будет с ними завтра утром после сна!

— Разберемся, — успокоила я. — Схожу за чайником, мокрые пряди будет легче разобрать.

Я зажгла хлопком ладоней перед собой маленький огненный шарик и осторожно пробралась через спящих.

— Котя, ты чего? — спросил тролль, не оборачиваясь.
 — Так, кое-какое дело есть. А как ты меня узнал?
 — По шагам. Помощь нужна?
 — Нет, постараемся сами разобраться.
 — Как знаешь.
 Эльф поежился, когда я вылила на него холодную воду.
 — Как бы не простыть, ночь холодная, — вздохнул он, подавая мне костяную расческу, украшенную богатой резьбой.
 Я ничего не ответила, погруженная в сражение с волосами. Не знаю, чем уж целитель помыл голову, потому что она пахла обычным цветочным ароматом, но при этом волосы были жесткими, как конская грива, к тому же слипшимися.
 — Это моя сестра так подшутила, — простонал эльф. — Она мне собирала в поездку нужную косметику. Вот зараза!
 — Я стараюсь осторожно!
 — Да я не про тебя, про нее. Отомстила мне за скелет, разве эльфийке пристало быть такой злопамятной?
 — За какой скелет?
 — Я разобрал скелет ее любимой кошки на косточки, которые в косы вплетаю. Я подумал, Мяуль все равно уже на кошачьих небесах, так пусть послужит доброму делу, а то стоит себе на подставке, а сестра каждый день слезы проливает. Я ей оставил взамен магический образ, почти как настоящий. А она не оценила. Ай!
 — Потерпи, — пропыхтела я. — Ничего не получается!
 Фургон остановился, и перед нашими глазами объявился тролль.
 — Чем вы тут занимаетесь? — с интересом спросил он, поднимая повыше свой фонарь.
 — Волосы расчесываем, — с унылым видом сказал эльф.
 — Только ничего не получается, — добавила я. У меня уже болели пальцы, но дело так и не сдвинулось с мертвой точки.
 — А завтра, при свете дня, этим заняться нельзя?
 — Нет, — сказали мы хором.
 — Понятно. — Тролль запрыгнул на задок фургона и запустил руку в эльфийские волосы. — Да уж. А ты пробовал магию?
 — Конечно! — громко возмутился Даезаэль, но тут же исправился и трагическим шепотом добавил: — Только еще хуже стало.
 — Котя, а может, ты знаешь какую-нибудь магию для красоты?
 — Нет, — призналась я. — Мы с няней всегда только травяными настоями пользовались, кремами, масками...
 — Голова чешется, сил нет! — всхлипнул целитель.
 — Придется резать, — сказал тролль без тени насмешки.
 — Это катастрофа! — Эльф уронил лицо в ладони. — Как я буду жить лысым?
 — Лучше, чем сейчас, я думаю, — попытался приободрить страдальца Драниш. — Ну как, согласен?
 — Нет! Мила, попробуешь еще раз?
 И мы пробовали, пробовали снова и снова, пока я не отключилась прямо рядом с эльфом, зажав в руке гребешок.

7

Женищина, которая не гладит своему сыну шнурки, недостойна называться матерью!

Сударыня фон Клоц о силе материнской любви

Когда я проснулась, то первое, что увидела, — это пристально смотревшее на меня

чудище. Торчащие на небольшой голове двумя лопухами уши, вздыбленные клочковатые короткие волосы непонятного цвета, непропорционально большие глаза, выпирающие скулы, маленькие тонкие губы и длинный нос...

С трудом подавив вскрик, я подождала, пока успокоится бешено бившееся сердце, и осторожно спросила:

— Что с тобой случилось, Даезаэль?

— Я же говорил! Я же говорил! — Где-то рядом весело заржал тролль. — Это моя котя, гони монету, Персик, ты продул! А сам верещал, как поросенок, ха-ха!

— А что случилось? — Я приподнялась на локте. Фургон плавно катил по дороге; я проснулась последней. Все, даже Персиваль, уже были умыты и причесаны. — Почему меня не разбудили? Мы что, сегодня не бегаем?

— Я решил, что тебе следует дать выспаться, — объяснил Драниш. — Мы сегодня приезжаем в город, поэтому бегать не будем. А на монетку мы с гномом поспорили, ждали, какой будет твоя реакция. Молодец, котя, не подвела! Я тебе леденцов на эти деньги куплю. Кстати, как тебе новая стрижка Даезаэля? Правда, я талант?

— Эммм... — замялась я.

— Талант! — вскричал целитель. — Талант! Да ты меня изуродовал! Моя жизнь кончена!

— Наоборот, — возразил тролль, шумно почесывая грудь, — начинается та жизнь, о которой ты всегда мечтал — унылая и гадкая. То есть уже конкретно унылая и совсем гадкая, гы-гы-гы!

Эльф схватился руками за остатки волос и отвернулся.

— Думаю, — обняла я его за плечи, пытаюсь успокоить, — в городе ты сможешь найти приличного цирюльника, он помоеет голову и сделает приличную стрижку.

— Приличную стрижку! Ты когда-нибудь видела эльфа с короткими волосами? Нет, есть, конечно, изгнанники, но даже у них волосы до плеч! Даже у младенцев волосы длиннее!

— Ты еще забыл добавить, что мнение о красоте эльфов значительно преувеличено, — с милой улыбкой вставила Тиса. — Если до этой ночи ты был ничего, то сейчас просто уродец. Особенно уши. У нас таких дома лопухоидами дразнили.

— Слишком умное слово для такой дуры, которая грамматику освоить не может, — огрызнулся эльф.

— Так это не она придумала, — сказал тролль. — Это еще Яриков папаша в бытность свою пацаном придумал, вот и прижилось. Тиса бы на этом слове мозг сломала.

Я посмотрела на хихикающего гнома, трясущего бородашкой и глядящего на тролля с обожанием, на привычно обменивающихся угрозами Тису и Драниша и с изумлением спросила:

— Ребята, вы что? У Даезаэля же горе! Неважно, о чем вы думаете, но ведь для него потеря волос — это настоящая трагедия! Мы должны поддержать его, разве не так? Смеясь над ним, вы только усугубляете его печаль!

— Почему это я должен поддерживать Даезаэля? — спросил гном. — Без волос он выглядит смешным, вот я и смеюсь.

— Но ведь во время пробежек он залечивал твои раны и не смеялся! — Сказав это, я осеклась. Мой призыв быть милосерднее пропал впустую, ведь это именно Даезаэль был лидером по насмешкам над окружающими, и сейчас остальные были явно настроены взять реванш.

— Смеялся! Вы все надо мной смеялись! Так почему я теперь не могу посмеяться? — возразил гном, капризно надув губы.

— Котя, — лениво сказал тролль, — перестань разводить тут морали-шморали. Для этого у нас капитан есть, этот не упустит случая выставить других дураками.

Резко развернувшись, я обожгла Драниша сердитым взглядом. Не то чтобы я рассчитывала на его поддержку, но он, опытный воин, должен знать, насколько важна

моральная обстановка в отряде. Но троллю мой взгляд был как укус комара. В ответ я получила лишь усмешку.

Стремясь справиться со своими чувствами, я отправилась на передок к капитану — на задней площадке что-то уныло бормотал эльф, и утешать его мне сейчас совершенно не хотелось.

Волк взглянул на меня и молча подвинулся, освобождая часть спинки на лавке. Я была благодарна ему хотя бы за это.

Мы въезжали в Хвостовск, наш первый инспекционный город, в полном молчании. День был в самом разгаре. На небе ни облачка, оно было таким голубым, что казалось, вот-вот наступит жаркое лето. Только свитер и свежая молодая листва напоминали о том, что еще нужно было как-то пережить сезон весенних гроз, который я никогда не любила. Каково это будет — пережидать грозу в фургоне?

Повозка катилась очень медленно, лавируя между телег, пешеходов и уличных торговцев, запрудивших улицы города. Капитан полностью сосредоточился на управлении. Вслед нам летел взволнованный шепоток горожан. То ли они ни разу не видели такой фургон и обсуждали, кто это мог быть, то ли они знали о приезде королевских гласов и предвкушали расправу над вороватыми местными чиновниками. Что чиновники подворовывали, я знала даже без инспекции документов, потому что еще не родился на свет тот, кто, вынимая деньги из государственной казны, случайно не клал их в свой карман. Исключительно по рассеянности или по недосмотру!

За телегой стайкой бежали мальчишки, и с задника был слышен рык тролля, который отгонял настырных детей, желающих прокатиться. Хотя Драниш рычал грозно, я четко слышала в его голосе смешливые нотки, и от них мне самой хотелось улыбаться.

Мы выехали на главную площадь, на которой стояло величественное здание городского совета. Своими стенами, аккуратно облицованными яркой плиткой, оно выделялось среди домов, окружающих площадь, — на их стенах краска облупилась, не выдержав зимы, которая в этом году выдалась препаршивой. Фургон остановился возле ратуши, капитан привстал, оглядываясь.

— Здесь где-то должен быть центральный постоянный двор, — объяснил он мне. — Мы остановимся там. Но что-то я не вижу вывески...

Его слова заглушил пронзительный и въедливый, как крик громовицы, вопль:

— Сыночек! Сыночек!

У Ярослава натурально отвисла челюсть. Впервые за две недели нашего знакомства я видела на его обычно невозмутимом лице настолько неприкрытое выражение эмоций.

— Что за?.. — За нашими спинами из крытой части фургона с шумом выскочил тролль. — Гномья мать!

Сударыня фон Клоц неотвратимо, как камень, выпущенный из катапульты, неслась через площадь. За ней с трудом поспевали слуги, несущие сумки и саквояжи.

— Сыночек! — Гномиха не смогла вовремя остановиться и врезалась в фургон так, что он закачался. — Ох!

— Мама! — пискнул Персиваль, высунувшийся из фургона.

Капитан, который так и не смог согнать с лица остатки изумления, спрыгнул на мощеную площадь и подал гномьей матери руку.

— Сударыня, как вы нас нашли? — спросил он, с усилием помогая фон Клоц подняться.

— Меня вела материнская любовь! — гордо возвестила она, отряхивая платье от пыли.

— Да-а-а? — протянул Волк таким голосом, будто только что перед ним станцевали десяток голых дрыхлей, и он не знает, стоит ли верить этому или списать все на галлюцинации.

— Я просто узнала, в какую часть страны направили ваш отряд, а уж понять, в каком городе вы остановитесь, нетрудно, — объяснила гномиха, жадно разглядывая сына. — Мы ехали, не останавливаясь даже на сон!

Изнуренные лица наконец-то подбегавших слуг подтверждали слова сударыни фон Клоц, хотя на ней тяжелое путешествие совершенно не отразилось.

— К чему такая спешка? — поинтересовался тролль.

— Я ходила к предсказательнице, и она сказала, что грядет резкое похолодание, а вы, — палец дородной женщины устался в грудь капитана, — отобрали у моего сына теплые подштанники!

— А... — слабым голосом сказал капитан, — подштанники. Так вы проделали этот путь только ради подштанников?

— Нет, конечно, — оскорбилась гномиха. — Я еще привезла теплые свитера и утром успела испечь любимые пирожки Персиваля. И еще мне было необходимо посмотреть, как вы обращаетесь с моим сыном, не обижаете ли его, хорошо ли он кушает, спит и...

— И какает, — с серьезным видом добавила воительница.

— Да! И что? Вот родишь своего, поймешь, насколько это важно!

— Мама, — простонал багровый от смущения гном, пока Драниш и Тиса хохотали так, что слезы на глазах выступили.

Капитан тоже едва сдерживал улыбку, но все же строго сказал:

— Сударыня, такая материнская преданность весьма похвальна, но ваш сын сейчас состоит на королевской службе. Давайте все вопросы с подштанниками и пирожками вы решите тогда, когда у него будет выходной?

— А когда он будет? — спросила заботливая мать, так многозначительно уперев руки в боки, что стало ясно, что капитану следует назначить выходной как можно скорее, иначе ему придется испытать на себе всю силу материнского негодования.

Судя по тому, каким серьезным взглядом окинул Волк тучную гномиху, размер угрозы он оценил.

— Выходной будет сегодня. — Капитан приветственно махнул рукой приближающемуся бургомистру.

— Господин Волк? — Бургомистр был одет в желто-зеленую форму государственного служащего, только в отличие от нашего, коршунинского градоправителя, одевавшегося на службе тускло и неприметно, а во время отдыха — ярко и очень богато, хвостовский глава не пожалел денег на шелк и был таким пестрым, что аж в глазах рябило. — Для нашего города большая честь встречать вас здесь! Я — Русан Сычѐв, лично провожу вас и ваших... А это что?!

Мы обернулись, чтобы проследить за взглядом Сычѐва. На скамье управителя восседал Даезаэль с таким траурным видом, будто оплакивал гибель всего эльфийского народа.

— Кто, — поправил капитан. — Это эльф.

— Да? А я думал, что...

Ярослав склонил голову к левому плечу. Взгляд у него всегда при этом становился настолько колюче-внимательным, что я не позавидовала бургомистру.

— Ничего, — стушевался Русан. — Я провожу ваш отряд на постоянный двор.

— Благодарен, — коротко ответил капитан и указал рукой на козлы: — Прошу.

Бургомистр прикинул высоту, на которую придется залезать, и заискивающе улыбнулся:

— Я лучше так, пешком. Здесь недалеко.

Капитан пошел рядом с Сычѐвым, а тролль подвинул на скамье унылого Даезаэля и сел рядом, положив руки на кристаллы управления.

— Ну вот, теперь меня даже за эльфа не признают, — скучным голосом заметил целитель.

— Ничего, сходишь в цирюльню, и все будет хорошо. Не мешай, а то сейчас под колеса попадет кто-то, сам будешь кишки со спиц счищать.

Мне не хотелось глазеть по сторонам, поэтому я вошла в фургон. Там уже хныкал в подушку Персиваль.

— Что с тобой? — спросила я, впрочем не бросаясь его утешать.

— Мама приехала. Как только ее увидел, понял, как мне без нее было плохо! Так домой хочу! Ты домой хочешь? К маме?

— Нет, — резко ответила я.

— Ой, прости. — Гном даже перестал хлюпать носом. — Ты ведь о ней ничего не говорила. Она, наверное, умерла, да?

— Нет.

— А почему ты тогда к ней не хочешь?

Я промолчала.

— Ну почему? — пристал гном, как репей. — Я вот не понимаю, как можно не хотеть вернуться к маме. Это же мама! Мама — самое близкое, родное и любимое существо. Мы связаны с ней навеки!

— Значит, ты и не поймешь, — серьезно сказала я. — В какой-то момент нужно перерезать пуповину, соединяющую с мамой, даже если не хочется.

— О чем ты? — удивился гном.

Я отвернулась, разглаживая складки на свернутом одеяле. Как объяснить гному, имеющую такую мать, то, что я чувствовала, да и стоит ли? Я свой путь без родителей выбрала, и пусть он нелегкий, зато свободный. Хочу — голодаю, хочу — на последние деньги куплю булочку, и тогда уже не останется на дрова. Нет, этого Персик точно не поймет.

— Приехали, — сообщил эльф, заглядывая внутрь. — Капитан сказал, чтобы брали вещи и шли по своим комнатам.

— Мы с тобой будем жить, — кисло сказала Тиса, хватая свой рюкзак. — Бургомистр — жлоб, не мог одноместные комнаты нам снять!

— Скажи спасибо за то, что хоть не тут ночевать будем, — сказал тролль, заходя в фургон. — Он вовсе не обязан нам оплачивать жилье, тем более в лучшем постоялом дворе. Видно, сильно на руку нечист, подлизывается.

— А откуда он знал, что мы приедем? — спросил гном.

— Ты думаешь, мы просто собрались и поехали проверять? — ответил тролль. — Куда там! Службу королевских гласов давно создавали, это ты ничего не знал. Да и, что от Коршунина, что от столицы — не очень и далеко, если даже твоя мамаша смогла приехать, то информаторы и подавно, как только узнали, кто куда едет. Уверен, что Сычѳв на пару-тройку шпионов разорился, раз даже знал капитана по имени.

— Его это, кажется, совсем не удивило, — заметил эльф, наматывая на голову длинный коричневый шарф. — Так я лучше выгляжу?

— Ярик не первый день в высших кругах вращается, в курсе всех подковерных игр, — пожал плечами тролль. — Сними это, такое ощущение, что ты осиное гнездо на голову нахлобучил.

— А мне нравится, — заявила я.

— Только надо уши спрятать, — посоветовала Тиса, — а то торчат сильно. Замотай их шарфом, и никто не скажет, что ты эльф. Так, просто уродец.

Целитель рывком сорвал с головы злосчастный шарф, скомкал и швырнул в угол.

Комок, однако, до угла не долетел, попав по руке капитана, отодвигающего задний полог.

Он вошел внутрь, на ходу сматывая шарф в аккуратный рулончик, и сказал:

— Вы еще не собрались? После размещения все свободны до завтра. Здесь кормить-поить будут бесплатно, но завтра утром чтобы были в состоянии приниматься за работу! — Ярослав многозначительно посмотрел на Драниша.

— А я что? — возмутился тролль. — Я ничего. И вообще, я пить не буду. Мы вон с котей день проведем, как парочка. Цветы, конфеты, что там еще полагается.

— На лодочке покататься в городском пруду, — подсказал эльф. — Бусы купить, платок яркий.

— Серенаду спеть, — добавил гном. — Или оду — собственного сочинения.

Драниш поскущел:

— Без оды мы обойдемся, правда, котя? Или тебе не жалко своих ушей?

— Да мы и без лодочки обойдемся, — сказала я искренне. — Я вообще на рынок собиралась, мне кое-что купить надо. Сама схожу, ладно?

— Ага, — обрадовался тролль, — а то с вами, бабами, за покупками ходить — лучше в пыточную попасть. Слыш, Тиса, давай махнемся? Я с котей спать буду.

— Нет! — отказалась я, прежде чем явно обрадованная девушка успела открыть рот.

— Ну почему-у-у? — проныл тролль. — Ты не бойся, я домогаться не буду, разве что чуть-чуть... а потом сама захочешь...

— Нет!

— Драниш, — вмешался в наш разговор Ярослав, — не развратничай.

— Ярик, я с серьезными намерениями! Я жениться хочу.

— Вот женишься, тогда и поговорим.

— Котя, пошли к бургомистру. Он нас живо окрутит, если пообещаем к годовому отчету не придираться.

Я вздохнула. Обижать Драниша категорическим «нет» не хотелось, но и согласиться я не могла.

— Я не могу выйти замуж без одобрения няни, — наконец сформулировала вежливую форму отказа. — Она мой самый близкий человек.

— А если я ей не понравлюсь? — не отставал тролль. — Как твоя няня к троллям относится?

— Пахану она, во всяком случае, молится, — честно ответила я обрадованному таким известием троллю.

Мы зашли в общий зал постоялого двора; нас оглушила тишина, особенно ощущаемая после разноголосой улицы.

Пара господ в дорогих одеждах неспешно вкушали то ли поздний завтрак, то ли ранний обед, хозяин двора поспешно выбрался из-за стойки, где наводил блеск на бокалы, и подбежал к нам, низко кланяясь:

— Добро пожаловать, добро пожаловать! Вы же — королевские гласы? А где господин бургомистр?

— Отправился работать, — холодно сказал капитан.

Троль фыркнул:

— До завтра будет записи в учетных книгах подчищать, чтобы нам не попасться и на плаху не отправиться.

Руки у хозяина мелко затряслись.

— Вот, проходите, проходите. Глаша, проводи гостей в комнаты. Вам уже обед подавать или позже?

— Уже, — радостно сказал гном. — И побольше.

Глаша, крепенькая служанка в чистой белой рубашке и прилично зашнурованном корсаже — не как обычно на постоялых дворах, когда груди служанок так и вываливаются из декольте, — и красивой юбке с оборочками, поклонилась и пошла вверх по лестнице, указывая путь.

— Что-то посетителей мало, может, тут плохо кормят, — внезапно сказал гном.

— Да нет, — хохотнул тролль. — Это же центральный постоялый двор. Тут цены зверские, только для господ. А сейчас нет ни ярмарки, ни бала. А судилище Ярик только завтра начнет, чего им раньше времени приезжать, свои кровные тратить.

Комнаты были роскошными. Кровати с мягкими матрасами и чистым, пахнущим лавандой бельем, около каждой кровати — небольшой комод для вещей, стол с вазочкой, в которой стояли ранние цветы. Кувшины с водой для умывания. И не просто тазик, а целый туалетный столик! Если учесть, что в Хвостовске капитан собирался оставаться на неделю, а может, и дольше, то мне предстояло вдоволь насладиться комфортом. Целую неделю не готовить и не мыть посуду в ледяной воде! Вот оно, счастье! Я озабоченно потрогала свои

руки. За время путешествия кожа на них огрубела и стала шелушиться. При внимательном изучении своего зеркального отражения пришлось с грустью признать, что я непозволительно себя запустила. Разве путешествие — повод для такого отношения к себе?

Тиса взглянула на меня, хмыкнула и с оттенком презрения сказала:

— Учись, пока я жива!

Мельком взглянула в зеркало, махнула расческой над коротким ежиком волос, плеснула в лицо водой и оправила куртку.

— Вот и все, что нужно для того, чтобы нормально выглядеть. Я — к капитану.

Я была с Тисой не согласна насчет внешнего вида, но разве воительница стала бы меня слушать? Да и мнения у нас были насчет этого разные. Я росла с убеждением, что всегда и везде должна выглядеть отлично. А она должна была оберегать капитана и всегда быть в подходящей для этого форме.

Я взяла деньги, засунула серебрушки за пазуху, а мелочь рассовала по карманам, прихватила холщовую сумку и отправилась искать рынок, попросив у хозяина пару пирожков вместо своей порции обеда.

За две недели я так устала все время находиться в тесном помещении с одной и той же компанией, что довольно долго просто бродила по улицам, рассматривая дома, людей и прицениваясь к товарам уличных торговцев.

Бойкие крестьянские девчушки торговали оставшимися еще с осени мочеными яблоками и солеными огурцами, ранней зеленью — черемшой, щавелем и тоненькими побегами чеснока, букетиками ранних цветов и даже просто зелеными ветками с пушистыми «котиками» — для украшения жилищ. Матери юных торговок располагались на улицах основательно, с пирогами, парным мясом и молоком, привычно ругаясь с коллегами по ремеслу за каждый сантиметр.

Чем дальше я уходила от центра, тем меньше торговцев попадалось на улицах, да и сами улицы становились все кривее и грязнее. Но денег у меня было немного, поэтому приходилось искать дешевую лавку.

Когда я наконец-то купила все, что мне было нужно, — новые холщовые штаны, чтобы не бегать в теплых гамашах (достаточно широкие, чтобы я не смущалась от отсутствия юбки) и кучу необходимых мелочей, которые так необходимы в пути каждой уважающей себя девушке, но которые были забыты дома, — уже начинало темнеть. Я немного постояла возле дверей последней лавки, ожидая, когда же пройдет патруль городской стражи, но потом поняла, что пора возвращаться на постоянный двор, если я не хочу идти в полной темноте — уличных фонарей в этом районе города я не заметила.

Прижав к себе тяжелеющую с каждым шагом сумку с покупками, я торопливо пошла по улице, предварительно спросив у лавочника направление. Увлечшись прогулкой в одиночестве и покупками, я ушла слишком далеко от центра и теперь, честно говоря, боялась, что не найду дороги обратно. Да и усталость давала о себе знать — это когда ходишь от лавки к лавке, перебирая и щупая товары, кажется, что летишь на крыльях, а вот когда тащишь все купленное назад, то крылья пропадают, зато на ногах появляются чугунные кандалы.

Почтенные граждане потихоньку рассасывались по домам, в которых загорались желтые приветливые огоньки ламп. На улицы выползали те, кто днем отдыхал от ночной работы, и те, кто искал развлечений или острых ощущений.

Бродяг и пьянчуг я не боялась — пока училась на курсах, всегда возвращалась домой очень поздно и научилась оказывать простейшее сопротивление — что острым словом, что магией. От меня отставали: зачем, если можно найти кого поговорчивее, а грабители одинаково ловко орудуют что ночью, что днем, да и воровать у меня нечего, таких они распознают с первого взгляда и никогда не пристают. Но на улицах чужого города я чувствовала себя очень неуверенно. К тому же когда я возвращалась домой с учебы, то меня у дверей дома всегда ждала няня, держа в руке зажженную лампу. Она сидела на скамейке каждый вечер, в любую погоду. Как же это было замечательно! Как это важно и нужно —

знать, что тебя кто-то ждет!

А кто ждет меня сейчас? Никому не интересно, где я проведу ночь, главное, чтобы завтра я была на работе вовремя и смогла выполнять свои обязанности. Вот она, сладость и горечь свободной жизни! Хотя, наверное, Драниш...

— Эй, детка, куда ты идешь? — окрикнул меня хриплый пьяный голос. — Давай позабавимся!

Я не подала виду, что услышала, и шаг не ускорила — просто шла, как шла, но на кончиках пальцев начала формировать боевой огонек. Пары таких штук вполне хватало, чтобы отпугнуть даже самых настырных пристава.

— Детка! — Меня грубо дернули за левую руку, я развернулась, но гневные слова застряли в горле: передо мной стоял тролль, один из тех, с кем недавно подрался Драниш.

— Э, да это знакомая чувиха! — Тролль меня тоже узнал. — Робя, слышите, тут Дранишева телка. — Он ловко перехватил мою руку с готовым сорваться с нее огоньком и так сжал запястье, что я застонала, потеряла контроль над магией, и заклятие сорвалось, выбив из камней на мостовой несколько искр.

— Че? — к нам подтянулись еще тролли. — О, в натуре!

— Это какого Драниша? — спросил один из них.

— Злыднбоя Кривого сынок задохлый, — просветили его.

— А, это тот, который с Волком шатается?

— Ага.

— Девка мне должна, — заявил один из обступивших меня троллей. — Драниш моему брательнику челюсть сломал.

— И тебе сломает, если не уберешь лапы, — стараясь казаться спокойной, пообещала я.

— А как он узнает? Он рядом? — спросил тролль, слегка ослабляя хватку. — Драниш, э-ге-гей!

Тролли прислушались к эху, гуляющему между домов. На крик никто не отозвался.

— Если уж он свою телку выпустил одну шляться по такому месту, то явно далеко, — рассудил один из наемников, крестовина меча которого поблескивала за левым плечом. — Так что он ничего не узнает. А ты уже никому ничего не скажешь.

— Да, наших бить нельзя, мы мстительные, — добавил его приятель, грубо сжав мою грудь. — А ничего!

Паника удушливыми волнами поднималась от живота к шее, не давая возможности как следует вдохнуть.

— Давайте разойдемся миром, — просипела я.

— Не-э-э, надо ж позырить, что Драниш в тебе нашел. — И, похотливо оскалившись, один из троллей рванул на мне рубашку.

Это как будто выплеснуло из меня всю панику и даровало способность более-менее здраво мыслить. Я закричала во всю мощь легких, одновременно посылая в противников десятки маленьких искр. Они с ругательствами отпрянули, хлопая по затлывшим волосам, а я бросилась бежать.

Правда, далеко убежать не удалось. Один из насильников прыжком сбил меня с ног, и мы покатались по грязной улице. Уже не тратя силы на крики и стоны — я очень существенно приложила о мостовую и боялась, что сломала пару ребер, — я молча вцепилась троллю в лицо ногтями, чувствуя, как начинает пылать болью след от ожога на спине. Я старалась дышать ровно и обрести контроль над своим телом, чтобы более эффективно отбиваться.

Но куда мне тягаться с опытным наемником, да еще и вдвое-втрое превосходящим меня в весе! Однако все-таки мои удары достигали цели, заставляя тролля недовольно фыркать. Я пыталась извернуться так, чтобы вынуть из ножен кинжал, но это не удавалось. Если бы только мое верное оружие было у меня в руке! Наконец насильнику надоело мое трепыхание, и он кулаком засадил мне в лицо.

Меня еще никто никогда не бил по лицу, и это оказалось невероятно больно, к тому же

я еще приложила затылком об утоптанную дорогу. Перед глазами все поплыло, сознание начало ускользать, а тело обмякло и уже не сопротивлялось, когда негодяй принялся с пыхтением стягивать с меня панталончики.

— Что ты возишься? — Его окружили другие, а мне казалось, что я наблюдаю за всем этим непотребством со стороны, только невероятная боль в спине позволяла еще чувствовать свое тело. — Никогда баб не раздевал?

— Да они тугие, — буркнул насильник.

— Ты их ножом.

Внезапно злодея снесло с моего тела мощным ударом. Несколько энергичных рывков за уши вернули сознание в тело, и я уставилась на искаженное яростью лицо Драниша.

— Цела? — прохрипел он.

У меня хватило сил только кивнуть, и он, стремительно поднявшись, зарычал на остальных так, что у меня дрожь по телу прошла.

— Моя!

Враги замерли, выстроившись полукругом и настороженно глядя на Драниша. Их мечи поблескивали лезвиями в бликах ламп, горящих уютным светом в окнах, из которых, несмотря на крики и возню, так никто и не выглянул. Сплевывая кровь с разбитой губы, я попыталась подняться, на что избитое тело отозвалось такой болью, что перед глазами поплыли черные пятна. Драниш, не глядя, опустил вниз левую руку, развернув ладонь так, чтобы мне было удобно за нее схватиться. Она была такой горячей, что обожгла мои ледяные пальцы. Я встала на колени и потрясла головой, чтобы в ней перестало шуметь.

— Ты, Драниш, уже зарвался и достал, — глухо сказал один из троллей. — Ты мне ща за все ответишь.

— А, Кунь, это ты, что ли? Видать, не зря тебя папашка из племени выкинул, — презрительно сказал Драниш. — Докатился — на мою женщину нападать.

— На твою! Ты думаешь, всегда все лучшее будешь получать? Вали его, робя! — Кунь подал пример, кинувшись на Драниша.

Троль шагнул вбок, загоразивая меня, и с легкостью парировал удар меча Куны. Но тут подоспели расхрабренные остальные пятеро.

Один против шести, да еще наемников? Я, покачиваясь, поднялась на ноги — тело гудело и ныло, и было страшно представить, каково мне будет завтра, — и, подтянув так и не сдавшиеся врагам рейтузы, бросилась бежать к освещенным улицам в поисках помощи. Первые несколько шагов дались тяжело, но потом тело подстегнул страх за Драниша, и я побежала быстрее.

Оказывается, перед столкновением с троллями я была уже не так и далеко от центра города. Или это глотал расстояние мой ужас? Пока я бегу, Драниш, может быть, уже... Постанывая от боли при каждом шаге — боль от ушиба колена ерунда по сравнению с тем, как недовольно пульсировал след от ожога и болело лицо, я добежала до нашего постоянного двора и рывком открыла дверь.

На ужин в общем зале собралось куда больше людей, чем было утром. Негромко жужжал разговор, позвякивали столовые приборы, слуги разносили напитки в бокалах, музыкант на клавесине наигрывал приятную мелодию...

Яркий свет на миг меня ослепил, а как только я проморгалась — правый глаз уже заплыл и щека дергалась, наливаясь опухолью, — то увидела, как в наступившей тишине, под взглядами десятков изумленных глаз, ко мне идет капитан, на ходу сдирая с себя куртку. Накинув ее мне на плечи, Ярослав коротко спросил:

— Что?

— Драниш... — Чтобы не упасть, мне пришлось схватиться за его рубашку. — Тролли... шестеро... с мечами... меня хотели...

Ярослав молча вылил на меня воду из кувшина, который уже поднес расторопный слуга, стоявший рядом с таким видом, будто явление избитых девушек в разорванной одежде было для их постоянного двора самым обыкновенным делом.

— Ах, кха-кха-кха. — Меня начала бить мелкая дрожь.

— Где это произошло? — спросил Волк. — Ну-ка, приди в себя!

Несколько легких пощечин помогли мне выдавить:

— Я покажу.

Возле нас объявилась тяжело дышащая Тиса, держащая в руках оружие, а рядом с ней — невозмутимый Даезаэль с длинными черными волосами, опять сплетенными в множество косичек. Он положил ладонь мне на лоб, и сразу же стало легче, во всяком случае, предметы перед глазами перестали расплываться.

Мы бежали по улицам с такой скоростью, что в ушах свистел ветер. Чтобы я не отставала и вовремя указывала, куда повернуть, капитан тащил меня за руку, и ощущение это было не из приятных. Мне все время казалось, что вот-вот моя рука вырвется из плечевого сустава и исчезнет вслед за капитаном в темных переулках, а я буду лежать на мостовой и слабо трепыхаться.

Когда мы прибежали на место, то я просто упала на колени рядом с остановившимся капитаном, пытаюсь отдышаться и обхватив голову руками.

Эльф присвистнул:

— Чистая работа.

— Не подходи к нему сейчас, — предупредил Волк.

Я заставила себя поднять голову и рассмотреть поле боя одним глазом.

Драниш сидел на коленях, прижавшись лбом к рукоятке меча. Был ли он ранен и как сильно — рассмотреть не удавалось. А вокруг... вокруг валялись тела... нет, части тел, а вся улица была липкой от крови. Запах от убитых и расчлененных тел стоял такой, будто я попала на скотобойню. Желудок подкатился к горлу, и перед глазами все завертелось.

— Хорош! — Тиса залепила мне пощечину по щеке, и так вздувшейся подушкой от удара насильника. Чтобы я не упала, воительница держала меня за воротник капитанской куртки. — Это все из-за тебя, вот и выводите теперь его из этого состояния.

Совсем неласковый пинок заставил меня подняться. Неподалеку капитан разговаривал с отрядом стражи, который с удивлением рассматривал место побоища. Даезаэль ходил между трупами, невежливо переворачивая их ногами и рассматривая при свете магического светлячка. Лицо у него было довольное.

— Иди и поговори с Дранишем. — Тиса подтолкнула меня к троллю.

— Просто поговорить?

— Просто поговори, чтобы он пришел в себя. Ты думаешь, легко было шестерых наемников положить?

Я подошла к троллю, стараясь не смотреть на куски тел. Если некоторые из них были разрублены, то некоторые — просто разорваны на части. Думать о том, кто и каким образом их разорвал, не хотелось.

— Драниш... — робко сказала я, кладя руку на плечо троллю. Плечо мелко подрагивало, как будто он пытался сдержать слезы или смех. — Ты как? Цел?

— Не, — глухо ответил тот, не поднимая головы.

— Серьезно ранен? Позвать Даезаэля?

— Не надо. Я сам.

— Спасибо, что меня спас.

— Угу.

Я беспомощно обернулась. Стоящая неподалеку Тиса покрутила в воздухе рукой — мол, развивай разговор дальше.

— Я тоже цела, только у меня синяк на лице будет, и глаз заплыл, больно. Губа разбита... — невесть почему пожаловалась я.

— У?..

— Меня один из этих ударил, от которых ты меня спас. — Говорить было больно, я старалась как можно меньше шевелить губами.

— Что? — взвился Драниш, оборачиваясь ко мне.

Рот у него был в крови, темно-маслянистыми потеками закапавшей грудь. Руки, которыми он сжал мои, были липкими и холодными.

«Он что, тела противников зубами разрывал?» — успела подумать я, прежде чем свалиться в обморок.

«...Тролли — лучшие воины, — говорил когда-то учитель по расоведению, и теперь его уставший голос звучал прямо у меня в голове. — От запаха крови во время боя они дуреют и становятся ведомыми одними инстинктами, что свидетельствует нам о том, что от зверей они недалеко ушли. Впадая в боевую ярость, тролль может разорвать противника одними руками и выпить его кровь. Правда, как доказано исследованиями, тролль все же замечает нанесенные ему ранения и, при необходимой тренировке, может выходить из этого состояния, если существует угроза для жизни. Когда все враги убиты, тролль продолжает крушить все подряд до тех пор, пока полностью не иссякнут силы. Впрочем, на своих тролль в таком состоянии никогда не бросается, что дает нам основание сделать вывод, что...»

Сवेशиваться через жилистое и твердое плечо капитана было неприятно. Моя голова моталась туда-сюда при каждом шаге, а ноги он сжимал крепкой хваткой, наверняка наградившей меня еще парой-тройкой синяков вдобавок к уже полученным.

— ...болтается. Ты осторожнее ее неси, — ревниво сказал Драниш. Голос у него был совершенно нормальным.

— На что спорим, что она подумала, будто ты их ел? — спросила Тиса.

— Зачем спорить, и так ясно, что она так подумала, как и те стражники. Как я теперь ей на глаза покажусь? — В голосе тролля прозвучала настоящая грусть.

— Обломалась твоя женитьба, — не могла не добавить соли на рану воительница.

— А я предупреждал, — сказал капитан. — Я тебе говорил, что из-за твоей любви у нас будут проблемы. Вон Даезаэль после твоего исцеления еле на ногах держится, ты тоже не в лучшем состоянии, а про Милу я вообще молчу.

— Это не у меня из-за нее проблемы, — возразил тролль. — А у нее из-за меня. Она нарвалась на моих давних знакомых, которым очень хотелось свести со мной счеты.

— Вообще ума нет у девки — ходить по городу в одиночку, — с отвращением сказал капитан. — А я теперь ее должен тащить на себе.

— Тебе это полезно, — заметил тролль. — Может, добрее станешь к людям. Пожалей котю, она и так сегодня много пережила. Да, я знаю, что мы тебе ужасно надоели своей тупостью, но потерпи уж чуток, дай приобщиться к твоей мудрости.

— Раз ты такой разговорчивый, сейчас сам ее понесешь.

— Не нужно, — слабым голосом сказал Даезаэль. — У него раны откроются, на троллей моя магия плохо действует, и я их не смог залечить до конца.

Я слабо трепыхнулась, и капитан тут же поставил меня на землю.

— Ты как, котя? — взволнованно спросил Драниш, держась от меня на расстоянии.

— Терпимо, — просипела я, непроизвольно хватаясь за подбитую щеку. Говорить было все так же больно, двигать левым глазом — тоже.

— Ты прости. — Целитель прикоснулся к моей щеке кончиками пальцев. — Я почти выжат. Придется тебе потерпеть. На постоялом дворе лед приложим, должно полегчать. И еще мазь у меня где-то была.

— Спасибо, — сказала я, стараясь идти как можно осторожнее, чтобы поберечь гудящую голову.

— Надеюсь, ты помнишь, что завтра тебе проверять отчеты по годовому бюджету? — спросил капитан.

— Ярик, — вмешался Драниш, — смилуйся.

— А я предупреждал, — холодно сказал капитан, — чтобы завтра были все готовы к работе.

— Я буду готова к работе, — уверила я. — Не волнуйтесь.

— Не рви себе жилы из-за него, — посоветовал тролль, открывая передо мной дверь постоянного двора. — Для Ярика отлично выполнить работу — это цель жизни.

— Для меня — тоже, — призналась я.

— Значит, жена из тебя получится отличная. — Драниш протянул мне руку, но потом смутился и спрятал ее за спину.

— Я тебя не боюсь, — твердо сказала я, глядя на Драниша одним глазом. — Даже если ты этих троллей ел.

— Да не ел я их! — По лицу парня было видно, как у него отлегло от сердца после моего признания. — Мне губы разбили, вот кровяшка и текла. Спасибо, эльф залечил, а то я бы вообще сейчас разговаривать не смог. Правда, если бы Ярик с теми стражами не разобрался, мне бы и разговаривать не пришлось: с кем в тюрьме беседовать?

Тролль проводил меня до дверей комнаты, где уже ждал более быстроногий эльф, держа в руках кусок льда и баночку с мазью.

— Давай я тебя осматрю, — деловито сказал он. — Мало ли что. А ты, Драниш, выйди. Тебе на сегодня развлечений хватит.

Тролль насупился, послал мне воздушный поцелуй и направился в свою комнату.

— Хочешь поговорить? — спросил Даезаэль, пробегая чуткими пальцами по моему телу и аккуратно намазывая каждый синяк приятно пахнущей мазью. Несколькими прикосновениями он стянул края раны на губе и дал толчок к исцелению, но после этого совершенно посерел и даже немного осунулся.

— О чем? — промычала я, держа на щеке лед при помощи свернутого в несколько слоев полотенца.

— О том, что произошло. Для вас, женщин, это большое потрясение. Вдруг ты после этого начнешь себя неадекватно вести?

— Они не успели ничего сделать, и кидаться на окружающих я не буду, — ответила я. — Ты волосы отрастил с помощью магии?

Целитель понял, что нужно сменить тему, и охотно ответил:

— Да куда там, никакая магия так быстро волосы не отрастит. Сходил в цирюльню, там меня налысо подстригли, а потом парик купил, женский, и заплел, как обычно. Вроде прилично получилось?

— От настоящих почти не отличишь, особенно когда заплетенные.

— Конечно, парик ведь из человеческих волос. Был бы из эльфийских — еще лучше было бы, но мы до такой низости, как продавать свои волосы на парик, никогда не опустимся. Этот проклятый парик мне такую кучу денег стоил, ты даже представить не можешь! Теперь вот буду думать, как за ним ухаживать, чтобы не испортить...

Я так и заснула под рассуждения, стоит ли мыть парик шампунем для укрепления волос, или сгодится обычный, подешевле.

8

Любимая кошка моей жены заболела, и мне срочно понадобилось золото на ее лечение. А иначе я бы никогда и не подумал этого сделать! Но вы же понимаете, больная кошка — это такая трагедия, что не украсть деньги невозможно!

Проворовавшийся чиновник объясняет королевскому инспектору причины своего поступка

Ранний завтрак проходил в напряженном молчании и крайне мрачной обстановке — капитан заставил всех нас надеть длинные черные мантии с серебристыми знаками отличия королевских служащих. Мантии были скроены широкие, неудобные, из жесткой, плотной ткани, и совершенно не улучшали настроения.

Тиса кромсала лежащий перед ней на тарелке кусок мяса так, словно он был ее личным врагом. Гном уныло прихлебывал чай, пахнущий ромашкой и зверобоем. Тролль, осторожно

ощупав шатающийся клык, смешал куриный бульон с красным вином и, морщась, нюхал получившуюся жидкость. Я маленькими глоточками пила кефир, стараясь не шевелить ни губами, ни щекой, ни конечностями, кровоподтеки и ссадины на которых вспыхивали пульсирующей болью при любом резком движении. У меня кружилась голова, поэтому я боялась отправлять в желудок что-либо более существенное, чем кефир. Тем более что до сих пор хорошо помнился запах свежееубиенных троллей, и на мясо мне вообще было противно смотреть. Эльф ел третью порцию орехов в меду, пытаясь восстановить запас магической энергии. От такого количества сладкого его уже начинало тошнить — это было заметно по тому, с каким усилием он проглатывал каждый кусочек.

Только капитан, как будто не замечавший ничего вокруг, вкушал трапезу с безукоризненным соблюдением этикета. Лицо его как обычно ничего не выражало, серебристо-серые глаза с одинаковым равнодушием смотрели что на окружающих, что на еду.

— Я требую повесить мне зарплату, — вдруг сказал Даезаэль.

Волк медленно прожевал кусочек, глотнул, склонил голову к левому плечу и спросил:

— А есть для этого основания?

— Конечно! Я работаю больше всех. Вот посмотри. Персик...

— Меня зовут Персиваль, — вяло сказал гном.

— Персик вчера объелся мамиными пирожками, сегодня страдает желудком. Я собственноручно заваривал ему травяной чай, дабы он мог приступить к работе, не отвлекаясь, чтобы сбегать в нужник через каждые пять минут. Мила. Вчера чуть не подверглась насилию со стороны банды троллей. Заработала сотрясение мозга, ушибы и повреждения мягких тканей организма, не говоря уже об ударе по лицу, из-за которого у нее до сих пор глаз не открывается. Драниш. Спасая Милу, чуть не погиб, я в процессе излечения потратил на него все силы, потому что тролли плохо поддаются магическому воздействию, но иначе бы он вообще сдох.

— Умер, — проворчал тролль.

— ...Из-за всего этого я теперь должен есть сладости, которые ненавижу. Тиса...

— А что со мной? — вскинулась девушка. — Я-то как раз...

— ...вчера в очередной раз домогалась капитана, пока я оказывал Миле помощь, — безжалостно продолжал целитель. — Он тебе отказал, и ты сейчас балансируешь на грани истерики. Значит, твои нервы — уже моя забота. Ярослав...

Капитан подпер подбородок рукой и с интересом уставился на эльфа.

— А ты меня вообще пугаешь. Люди с таким поведением часто срываются так, что выжившие счастливицы потом легенды рассказывают. Страшные.

— Ярослав не срывается! — Тиса не могла позволить оскорбления своего божества. — У него воспитание!

— Вот-вот, — кивнул эльф. — Воспитание! А воспитание — это отнюдь не характер и не темперамент. Видал я благородных, которые к нам к целебному источнику приезжали лечиться. У этого глаз дергается, у того руки дрожат, а у большинства вообще не стоит. Но все воспи-и-танные.

— Да как ты смеешь намекать, что капитан мне отказал потому, что у него там какие-то проблемы! — Воительница вскочила на ноги, так стукнув кулаком по столу, что несчастные истерзанные кусочки мяса разлетелись по сторонам.

— Я как раз ни на что не намекаю, — спокойно отвечал Даезаэль, выуживая из своей тарелки мясо и отряхивая его от меда. Он положил кусочек себе в рот и зажмурился от удовольствия. — Я просто хочу, чтобы мне подняли зарплату за тяжелые условия труда. Вот и все.

— Хорошо, — медленно произнес Волк. — Я бы с удовольствием поднял тебе зарплату. Но в данный момент ты находишься на королевской службе, поэтому все, что я могу, — это дать тебе премию.

— Премия тоже не помешает, — согласился эльф.

— Зачем тебе деньги? — спросил Драниш. — На парик?

— На запасной парик, — поправил Даезаэль. — Потому что, боюсь, мне одного не хватит.

— Почему же? — искренне заинтересовался тролль.

— Потому что если твоя морда до него доберется, ходить мне опять лысым, — ответил эльф, и его лицо перекосилось от злости. — Я уже успел оценить твой цирюльнический талант.

— Ну почему сразу морда? — возмутился Драниш. — Если что и доберется до твоего парика, так это только руки!

— Лапы, — поправила Тиса.

Троль обернулся к ней с крайне недовольным видом, но сказать ничего не успел, потому что в этот момент капитан отложил столовые приборы, промокнул губы салфеткой и сказал:

— Хватит. Пора на работу.

Каждый из нас занимался своим делом. Персиваль восстанавливал сложный артефакт связи со столицей, секрет создания и ремонта которого был давно утерян. Человеческие маги тщетно бились над разгадкой сто лет, пока дед нынешнего короля не решил присудить огромную премию тому, кто изобретет нечто подобное или научится восстанавливать поломанное. Этим тут же заинтересовались гномы, которые до этого принципиально не интересовались возней вокруг поломки — ведь уникальный артефакт в свое время изобрел не гном, а человек! Но за хорошие деньги гномы быстро забыли о своей принципиальности. Народ, славящийся своим упорством, которое некоторые злые языки называют твердолобостью, бросил силы лучших умов на разгадку тайны. Прошло всего пятьдесят лет, как артефакты связи стало возможным восстановить. Дети тех, кто бился над разгадкой тайны, сейчас колесили по стране, восстанавливая сложные приборы, такие необходимые для управления большой страной с кучей отдаленных регионов. Отец Персика тоже приложил руку к исследованию, чем наш гном невероятно гордился.

В обязанности Тисы вменялось строго охранять двери комнаты, в которой будет работать Персиваль. Одна ошибка в настройке — и попытка воспользоваться артефактом будет стоить магу выжженного мозга. Да и вновь обретенным секретом гномы ни с кем не хотели делиться, а желающих подсмотреть за работой Персиваля было достаточно.

Даезаэль занимался инспекцией центральной лечебницы, на которую деньги выделялись из государственной казны. Бесплатная лечебница для народа, в которой отрабатывали свои навыки молодые лекари и целители, была необходима для того, чтобы заразные пациенты не разбегались по всему округу, а тихо помирали в одном месте или — кому повезло выжить после неумелого лечения — поправлялись и даже получали бесплатную кормежку. Конечно, больше всего эльфа интересовала статистика повальных моров и превращений в нежить и нечисть — в результате войны многие нежеланные мигранты прочно обосновались в лесах, оврагах и даже в городских подворотнях. Плюс ко всему в течение недели Даезаэль должен был проводить курсы повышения квалификации местных врачей, что зловредного эльфа невероятно радовало возможностью бесконечно издеваться над несчастными слушателями.

Сиятельный благородный Ярослав Волк устраивал судилище. Обычно те, кто был недоволен решением местного суда, обращались в инстанцию повыше — к своему Владетелю домена, а оттуда самые упорные (или те, дела которых Владетелю было разбирать лень) добивались до королевского судилища. Королю этими делами заниматься было недосуг, и он с удовольствием перекинул все проблемы на руководителей групп королевских гласов. Судя по кипам документов и обращений, которые поджидали Волка на столе бургомистра в ратуше, работать ему придется не покладая рук. Дело еще усугублялось тем, что Владетель домена Хвост практически безвылазно сидел в столице, будучи председателем Собрании Благородных, и, на правах одного из создателей службы королевских гласов, перепоручил Волку разобраться с текущими судебными делами. Чтобы

капитан не надорвался, его помощником должен был быть Драниш — и как сын благородного, и как получивший идентичное с Волком образование.

А мне предстояла самая нудная и кропотливая работа — проверка финансовых отчетов за несколько лет.

— Я приказал, чтобы сюда привезли все отчеты и бухгалтерские книги из остальных более-менее крупных городов домена, — сообщил Ярослав, сопровождая меня в архив. — На границах сейчас неспокойно, поэтому я не хочу, чтобы мы тратили время, разъезжая по спокойному округу. Конечно, если что-то будет вызывать у тебя вопросы или покажется подозрительным, ты туда съездишь, чтобы разобраться на месте.

Он помолчал, как обычно безразлично глядя куда-то мимо меня, и потом добавил:

— Естественно, я не отправлю тебя одну. Так что не беспокойся и работай усердно.

Тяжело вздохнув, я засела в архиве со стопкой бумаги и десятком карандашей для записей. Хмурый сотрудник городской ратуши нагромоздил передо мной толстенные тома, где была собрана вся информация о денежных потоках округа.

— Или вы желаете начать с отчетов нашего города? — кисло спросил он, указывая на стеллаж с бухгалтерскими книгами. На них не было ни пылинки, и это значило, что либо в архиве сверхтрудолюбивая уборщица, либо кто-то недавно ими пользовался.

Я не верила в трудолюбивых уборщиц в архиве, поэтому подозревала, что в этих книгах меня ждет много любопытных открытий, в частности, новых правил арифметики.

— Наверное, начну с округов, — сказала я, открыла первый том и погрузилась в работу.

Через какое-то время за спиной хлопнула дверь, и в комнату, пошатываясь, ввалился тролль.

— Что с тобой? — испуганно спросила я. Воображение тут же нарисовало кровавую бойню на главной площади, которую устроили недовольные судебными решениями горожане.

— Кажется, я несколько переоценил свои силы, — прохрипел Драниш, тяжело опускаясь на стул. — Ярик отправил меня к тебе помогать.

— Ты умеешь проверять отчеты? — удивилась я. Почему-то мне казалось, что Драниш не из тех, кто будет старательно постигать бухгалтерскую науку.

— Еще бы, — фыркнул парень. — Ты не поверишь, но даже тролльему вождю нужно уметь составлять бюджет. Нет денег — нет пива для подданных — получишь в морду. Все просто.

— Тогда возьми вот это и...

— Котя, я сказал, что я умею это делать, но не сказал, что буду, — возразил тролль, аккуратно выломал мягкое сиденье стула и улегся под стеночкой.

— Ты что, спать будешь?

— Угу, — промычал тролль. — Силы восстанавливать. Я же не такой двужильный, как Ярик. На капитане хоть всю страну нечисти перепаша — ничего с ним не будет. А я хрупкий, слабый, нежный... хррр...

Внезапно мне стало его жалко. В конце концов, тролль полностью выложился, спасая меня, а его сегодня заставляют работать! Сняв свитер, я аккуратно укрыла Драниша, чтобы его не просквозило на холодном каменном полу.

Тролль мирно спал до вечера, он даже не пошевелился, когда я пыталась его разбудить на обед.

Вечером за нами пришел Ярослав, взглянул на тихо сопевшего Драниша и, пробормотав: «Я так и думал», присел на корточки и что-то прошептал троллю в ухо. Эффект был мгновенным — Драниш взвился на ноги, ошалело хлопая глазами и на шариках несуществующий меч.

— Вольно, — снисходительно обронил Волк и ловко увернулся от кулака свежеразбуженного.

— Знаешь, Ярик, — буркнул Драниш, запуская пятерню под сорочку и начиная шумно

чесаться, — когда-нибудь я тебя прибью. Исключительно по ошибке, и потом искренне буду проливать слезы над твоим трупом. Не шути так больше.

— Знаешь, Драниш, — капитан передразнил тон друга, — я тебя сюда отправлял работать, а не спать.

— А я и работал целый день, устал и вот только-только прилег отдохнуть, — неубедительно сказал тролль и тут же сменил тему: — Ну что, пошли ужинать, а?

Ели мы вдвоем — Даезаэль пропадал в лечебнице, а Персиваля капитану пришлось силком отрывать от работы уже в полночь. Тиса вернулась, когда я спала, бурча себе под нос ругательства в адрес людей, которые мешают работать гному, в адрес Персика, который не может оторваться от работы, и в адрес скучной жизни вообще. Я старалась дышать ровно и ничем не выдать того, что я уже не сплю, чтобы не попасться под горячую руку.

Неделя прошла спокойно. Утром капитан гонял нас по постоялому двору в «легкой разминке». Потом они с Дранишем уезжали в маленькие городки домена, иногда забирали с собой Тису и Персиваля, который всеми фибрами души ненавидел верховую езду. Но по возвращении на постоянный двор его всегда ждала заботливая мамочка со свежей выпечкой и заботой. Честно говоря, иногда я завидовала гному. Моей матери никогда не хватало то ли времени, то ли чувств, чтобы просто меня приласкать, обнять и немного помолчать вместе.

Моя работа с финансовыми документами подходила к концу. Я нашла огромную растрату денег Владетеля Хвоста, которые он выделял на домен, и вполне законно этим гордилась — вор был очень умен и ловко прятал утечку средств, а также всячески подчищал за собой следы. Но я любила разгадывать такие загадки, возиться в тишине с рядами и столбцами цифр.

— Сударыня, сударыня, — меня осторожно похлопали по плечу. Я оторвалась от отчета, в котором излагала свои соображения по поводу казнокрадства, и обернулась. За спиной стоял молодой парень в желто-зеленой форме служащего. Лицо у него было холеное, пальцы в перстнях. — Можно с вами поговорить? Наедине.

— Конечно. — Я потянулась, разминая затекшие мышцы.

Парень схватил меня за руку и, не давая возможности вырваться, потащил в угол, укромно отгороженный стеллажами. Запястье как будто сжали стальными тисками, и попытки вырваться ни к чему не привели.

— Я не понимаю, что происходит...

— Смотрю, ты умница. Нашла растраты, да? — Он удостоверился, что я надежно отгорожена от бегства полками с томами архивов и его телом, и отпустил мою руку.

— Да, нашла. — Ситуация разъяснилась, и мне стало спокойнее. Что он сейчас будет делать? Пытаться подкупить? Угрожать? Я растерла запястье, стараясь смотреть на служащего уверенным и бесстрашным взглядом.

— Сколько тебе нужно заплатить, чтобы ты их не нашла? — Парень сразу перешел к делу.

— Нисколько.

— Тебе не нужны деньги?

— Почему же, нужны. Но деньги, заработанные таким образом, — нет. Я предпочитаю честно выполнять свою работу.

— Сколько? Я готов заплатить.

— Я ведь уже сказала — мне не нужны такие деньги.

Его лицо исказилось, он схватил меня за плечи и прижал к стене.

— Шутить надумала, девчонка?

— Вам известно такое понятие, как добросовестно сделанная работа? — спросила я. — Меня не купить, и в этом состоит моя работа королевским гласом.

Парень достал из-за пояса кинжал — лезвие с изящной дорогой гравировкой блеснуло под лучом солнца — и прижал его к моему горлу.

Мое сердце замерло, но выдавать свой страх перед зарвавшимся юношей я не стала. Если не зарезал сразу, значит, у меня еще есть шанс выкрутиться из этой ситуации.

— И что? — спросила я, демонстративно зевнув. — Будете меня убивать? Чтобы к финансовым махинациям прибавилось еще и убийство? Господин Волк и виселица рядом. Моё тело еще не успеет остыть, как ты будешь меня уже догонять на Той Дорожке.

— Я убью тебя, — прошипел он. — Я серьезно! Я убью тебя! Слышишь! Ну! Убью!

Уверенности в его голосе я не услышала, и даже в чем-то посочувствовала казнокраду. Он сам себя загнал в тупик, и мне оставалось только ждать разрешения конфликта. Я смотрела в серые глаза молодого чиновника, унаследованные от какого-то далекого чистокровного предка, и не видела в них решимости убить, а только страх и слабую надежду на то, что как-то все уладится само собой. Да, это не была решимость и отчаянное безрассудство загнанного в угол, который готов на все, только чтобы спастись. С таким взглядом, как у него, не убивают.

Хрясь!

Тело парня обмякло и мешком свалилось на пол, кинжал со звоном пролетел по плиткам пола к сапогам тролля.

— Котя, — укоризненно сказал он, подбирая оружие, — мне вообще нельзя с тебя глаз спускать? Я зашел, чтобы отчет о финансовой проверке забрать, а ты тут с мужчиной в интересной ситуации! Че он хотел?

— Чтобы я закрыла глаза на воровство.

— Вряд ли он воровал сам, — задумчиво сказал тролль, слегка пнув сапогом бесчувственное тело. — Интересно, кто его подстрекал?

Драниш наклонился, схватил служащего за шиворот и бесцеремонно поволок по полу.

— Ярику его доставлю, тот разберется. Сегодня как раз финальное судилище, оглашение и приведение в исполнение приговоров.

— Отчет на столе. — Я подала троллю бумаги. — Он немного недописан, но главное я уже изложила.

— Хорошо, — кивнул Драниш. — Ты пока посиди тут, не высовывайся на улицу. Ладно? И... на, котя, боевой трофей. Как раз для твоей руки. А то у тебя на поясе не кинжал, а прабабкин кухонный ножик, даже стыдно смотреть. — Тролль метнул кинжал казнокрады, и он вонзился в стену рядом с моей рукой.

Я машинально притронулась к своему небольшому, но очень удобному кинжалу. Вид у него, конечно, был неказистый, и действительно, я его постоянно использовала, пока готовила пищу, но променять его на какой-то другой? Никогда!

Боевой трофей так и остался торчать в стене, а я принялась приводить рабочий стол в порядок, решив не пренебрегать советом тролля.

Ярослав судил обстоятельно и жестко. Когда тролль, галантно взяв под локоток, вечером вывел меня из ратуши, намереваясь отвести на постоянный двор, на виселице болталось около десятка трупов, а от помоста палача на всю площадь воняло свежей кровью. Я ахнула и на миг зажмурилась, стараясь ровно дышать и не цепляться за рукав парня.

— Не только ты любишь выполнять свою работу добросовестно, — негромко сказал Драниш, поворачиваясь так, чтобы я не видела виселицы. — Но молодого, который тебе кинжалом угрожал, Ярик просто в ссылку отправил. Таких бестолковых врагов королевства надо оставлять в живых, а то на их место придут умные, а с ними возни больше.

— Мудрая мысль, — хмыкнула я.

— А то. У моего папаши есть четыре штатных врага, он с ними даже бухает по праздникам. Это удобно! Всегда знаешь, от кого ножик между лопатками получишь. И другие враги не объявляются, потому что старые со своего теплого местечка ни за что не подвинутся.

В главном зале постоянного двора громко ругались Даезаэль и сударыня фон Клоц. Сам предмет ссоры смирно сидел рядом за столом, сложив руки, как примерный прихожанин в храме на проповеди.

— От ваших пирожков у него живот болит! Хватит кормить сына дрянью! — орал эльф, доведенный до бешенства. — Я не обязан рассматривать то, что у него в ночном

горшке!

— Обязан, раз ты целитель!

— Я жизни спасать должен, а не на переработанные остатки пирожков смотреть! Ночью! В горшке, сунутом под нос!

— Как ты можешь с такой черствостью относиться к проблемам моего сына! Он к тебе со всей душой...

— Душой?! — Эльф зарычал, как разъяренный дворовый пес, готовый кинуться на чужаков. В полном отчаянии он вцепился в волосы, забыв, что это парик.

В его руках остались клочья выданных прядей, а лицо побледнело от ярости.

— Я сейчас вас убью, — сдавленно просипел целитель, рассматривая остатки парика. На его голове светлым золотистым пушком сияли отрастающие волосы, еще неделю назад сбритые «под ноль».

— Даезаэль! Стой! — Мы с троллем кинулись спасать гномиху.

— Опомнись, — уговаривала я, схватив целителя за руки, пока Драниш тащил в дальний угол брыкающуюся женщину, — тебе потом всю жизнь замаливать этот грех перед Древом Жизни!

— Это меня не остановит! Древо Жизни мне еще спасибо скажет за то, что избавил мир от этой ж... жо... женщины!

— Она просто любит сына.

— Она его слишком любит. Дай ей волю, она его задушит своей любовью. Ты глянь только, в кого она его превратила! Целую неделю она доставала меня! Неделю! Меня! Советами! Как кормить мальчика! Мальчика!!!

Персиваль тихо, как обиженный котенок, заскулил.

— Какое право ты имеешь меня судить! — Сударыня фон Клоц вырвалась из рук тролля, оттолкнув его к стене — Драниш уставился на нее с изумлением, — и начала угрожающе наступать на эльфа. Кто-то из посетителей, до сих пор испуганно жавшихся по стенам, робко заплодировал.

— Имею! Потому что он всех уже достал своими жалобами и хныканьем! Тряпка!

— Перестаньте орать! — завопила Тиса с лестницы. — Капитан отдыхает! Вы думаете, так легко людей судить и вешать?

— Ты, кажется, громче всех тут орешь, — заметил тролль, почти нежно обхватывая гномиху за талию.

— Так я по делу, а вы просто так!

— Ничего себе — просто так. — Целитель, тяжело дыша, повернулся к Тисе. — Тут вопросы жизни и смерти решаются!

— О, Даезаэль, а что это опять с твоими волосами? — удивилась воительница и едко засмеялась.

— Как же я вас всех ненавижу! — Эльф вложил в эту фразу все обуревавшие его чувства.

Настенные светильники вылетели из креплений и разлетелись по комнате. Большая люстра со свечами, висевшая на потолке, закачалась, свечи посыпались вниз — посетители едва успевали уворачиваться. Женщины с визгом полезли под столы, их спутники мужественно отражали атаки падающих свечей своими тарелками. По залу пронесся порыв ветра. Драниш прижал меня к груди, защищая от брызг раскаленного воска и осколков, подождал, пока Даезаэль шумно выдохнет, и с опаской спросил:

— Выпустил пар или тебя еще бояться?

Целитель молча швырнул в тролля испорченным париком и помчался по лестнице вверх, топая так, будто был не Сыном Леса, а стадом пьяных коров.

В зале воцарилась тишина. Стараясь не стучать стульями и не звякать тарелками, ужинающие аристократы тихонько расселись по местам, старательно делая вид, что ничего необычного не произошло. Официанты с невозмутимым видом исправляли или маскировали разрушения.

— Давайте, что ли, поужинаем? — предложил тролль, и его желудок громко и согласно заурчал. — Или просто пива выпьем? А то я тоже сейчас вопить буду и чем-нибудь кидаться.

Пожалуй, если бы хозяин постоянного двора, несший нам подносы с ужином, участвовал в гонке на приз короля, то первое место ему было бы обеспечено — так быстро он обслужил опасных гостей.

Мама с сыном уединились за крайним столиком, обнимаясь и заливаясь слезами.

— Мама, ты видишь, с кем мне приходится иметь дело! — начал было громко жаловаться гном, но поймал недвусмысленный взгляд Тисы и перешел на трагичный, едва слышимый шепот. Сударыня фон Клоц скорбно кивала.

Мы с аппетитом ужинали. Я жевала и размышляла: неужели моя душа настолько огрубела, что даже тот факт, что мне сегодня угрожали, неспособен отбить у меня аппетит? Это деградация или эволюция? Что будет со мной дальше? Тролль, как обычно, ел за троих, и на его лице было написано только удовольствие от приема пищи. Вот уж кто не станет портить себе пищеварение досужими размышлениями! Он так хрустел косточками запеченной с овощами курочки, что этот звук заглушал даже бурчание слуги на длинной лестнице, которого послали вставлять и зажигать свечи на большой люстре.

— Хотел бы я знать, — Драниш проглотил куриное крылышко не жуя, — что случилось с эльфом? Я думал, он из нас всех самый уравновешенный.

Тут они с Тисой, не сговариваясь, одновременно посмотрели на меня.

— Что? — удивилась я. Неужели между зубами что-то застряло или в уголке губ прилипло?

— Что с Даезазлем?

— Я его почти не видела всю неделю, ничем помочь не могу.

— Ну тогда... — Тролль на минутку задумался и просительно продолжил: — Не хочется это признавать, но ты в самых лучших отношениях с Даезазлем, котя. Сходи узнай, что с ним случилось.

Откровенно говоря, мне не хотелось связываться с Даезазлем, когда он пребывает в таком настроении. А вдруг его ярость одной лампой не ограничится? Мало ли какую извращенную форму может принять его злость!

— Котя, — с нажимом сказал тролль.

— Может быть, просто дать ему успокоиться? — предложила я, не торопясь вставать из-за стола.

— Котя, если наш целитель начнет на всех кидаться, это будет конец света в отдельно взятом фургоне. Он же должен быть спокойным и уравновешенным. А он... — Тролль посмотрел на люстру.

— Почему ты так уверен, что меня не постигнет ее судьба?

— Пар он выпустил, значит, сейчас ему нужно дружеское плечо, а из нас троих ты на эту роль подходишь лучше всего — кажется мне, что вы с ним неплохо ладили. Тем более ты у нас любишь всех успокаивать.

Видимо, выражение моего лица Драниша не обнадежило, поэтому он добавил льстивым голосом:

— А я потом тебе массаж сделаю, ты вон сколько горбатилась над бухгалтерией, устала, наверное, очень...

— Только не в моей комнате! — поспешила сказать Тиса. — Я на это смотреть не хочу.

Я закрыла глаза и тяжело вздохнула. Я тоже устала. В будущем не предвиделось ничего хорошего, а только трудное путешествие в компании неуравновешенных типов, что совершенно не придавало сил и хорошего настроения. Как здорово было бы сейчас завопить и затопать ногами, но сегодня вакантное место дежурного истерика прочно занял эльф, да и не могла я устроить такое представление.

— Я не понимаю, почему ты так об этом заботишься? — спросила я тролля, потеряв виски.

Надежда на то, что это разгонит туман в мыслях, не оправдалась.

— А Драниш у нас любит подбирать и утешать сирых и убогих, — ответила Тиса.

— Ха-ха, — кисло ответил тролль. — Просто должен же кто-то заботиться о моральном духе коллектива, разве не так?

— Иди утешь Персика, раз ты такой добренький, — посоветовала Тиса.

— Для Персика нытье — норма жизни, — возразил Драниш. — А вот Даезаэль меня пугает. Если вдруг меня кто-то захочет прирезать, кто меня потом будет исцелять?

— Да. — Я поднялась из-за стола, удержавшись от того, чтобы стукнуть вилкой по тарелке и зашвырнуть подальше салфетку. — Конечно, Драниш, ты можешь на меня рассчитывать.

Комната эльфа и гнома была следующей за нашей. Я постояла около своей двери, малодушно борясь с желанием зайти и упасть на кровать, и решительно постучала в дверь рядом. Потом еще раз.

— Что? — Дверь рывком распахнулась, и я едва успела уклониться, чтобы не получить ею по лбу.

— Даезаэль, можно с тобой поговорить?

— Я не желаю никого видеть. — Он отвернулся и прошел к своей кровати, но, так как дверь он за собой не закрыл, я вошла.

Целитель лежал на кровати, раскинув звездой тонкие руки и ноги и бездумно глядя в потолок. На туалетном столике кляксой валялся запасной парик.

— Что с тобой? — тихо спросила я, присаживаясь рядом. — Все заметили, что ты сегодня вечером какой-то не такой. То есть, конечно, это тяжело было не заметить, но мы волнуемся за тебя.

Молчание.

— Я могу чем-то помочь?

Молчание.

— Даезаэль, прости, может быть, что-то случилось еще раньше? Я была занята работой и не обратила внимания...

Молчание.

Я встала и подошла к столу. «Если ты не знаешь, что делать, или если тебе нужно время, чтобы собраться с мыслями, сделай чай», — всегда советовала мне няня. Когда я прибегала к ней со своими детскими проблемами и несчастьями, казавшимися тогда неразрешимыми и катастрофичными, она усаживала меня на высокий жесткий стул и заваривала чай. Потом мы молча его пили, просто глядя в окно, как лениво под ветром колышутся ветви большого ореха. Когда я допивала последнюю каплю, то понимала, что решение проблемы достаточно простое и катастрофа вовсе даже не катастрофа, а так, мелкая беда. Даже когда в последние два года у нас частенько не было денег хотя бы на хлеб, няня все равно умудрялась каждый вечер заваривать мне чай.

Вскипятить воду в кружке — какая, казалось бы, мелочь для опытного мага. Однако этот процесс требует большого выделения энергии и концентрации на процессе. Куда проще вскипятить чай на костре или в очаге. Однако сейчас это был оправданный труд, и я полностью сосредоточилась на этом процессе.

— Возьми травы в моей сумке, в правом кармане, — сказал эльф, и я даже вздрогнула от неожиданности. Он оперся на локоть, приподнявшись на кровати, и с интересом следил за мной. — Знаешь, а ведь ни разу ни одна девушка не готовила чай лично для меня.

От удивления я чуть не выронила чашку.

— Что? И ты туда же? Мне Драниша хватает!

— А-ха-ха-ха! — Он откинулся на подушку. — Мила, ты значительно преувеличиваешь свою привлекательность для мужчин. Я и не думал смотреть на тебя как на женщину. И тем более ты человек. Я просто сказал, что ни одна девушка не готовила чай лично для меня, а ты уже нафантазировала себе целую любовную историю.

— Я рада, что твое настроение улучшилось, — буркнула я, чувствуя, как краска заливает щеки и шею.

— Это точно, — согласился эльф, протягивая руку за чашкой.

Мы молча пили горьковатый чай, пахнувший цветущими полями, солнцем и летним ветерком.

— Наверное, я просто устал, — сказал Даезаэль, отставляя пустую чашку. — Просто устал. Знаешь, я никогда так долго не находился постоянно рядом с другими разумными, тем более из разных рас. Да и путешествие не из приятных, и гном еще этот...

Он сказал несколько фраз на эльфийском. Я уловила только примерный смысл, ведь эльфийские ругательства не входили в программу моего обучения.

— Всем нелегко. — Я опять потеряла виски. — Ничего, у нас сейчас как будто такая своеобразная супружеская жизнь, только не между двумя партнерами, а между шестью. Притремся, и все будет в порядке.

— Супружеская жизнь, говоришь? — задумчиво протянул эльф. — Гм... а почему я тогда должен спать с гномом? Давай я буду лучше спать с тобой!

— Даезаэль! — улыбнулась я. — Ты же только что сказал, что не рассматриваешь меня как женщину!

— Ну, знаешь, между тобой и гномом я все-таки склоняюсь к тебе. У тебя хоть вторичные половые признаки приятные на ощупь.

Я только вздохнула. Что на это можно сказать?

— А с Дранишем я договорюсь, — уверенно сказал эльф. — Мы тебя разделим. Я с одной стороны, он — с другой. Одну ночь он тебя обнимает, другую — я.

— Мм... Даезаэль, мне кажется или ты издеваешься?

— Издеваюсь, конечно, — широко улыбнулся целитель. — Вот еще, с человеческой женщиной спать. Я еще не настолько низко пал.

Я поднялась с кровати. Раз настроение эльфа вернулось к обычному презрительно-мрачному, то моя помощь здесь уже не требуется.

— Мила, — окликнул меня Даезаэль, когда я уже взялась за ручку двери, — что бы ты подумала, если бы данные в отчете не соответствовали действительности?

Я пожала плечами:

— Значит, что-то где-то украли.

— Нет, не то... Понимаешь, я тут разговаривал с одним молодым целителем, — сказал эльф задумчиво. — Он работал в центральной лечебнице в домене Сыча и совсем недавно оттуда ушел.

— И?.. — Я прислонилась спиной к двери, чувствуя, что сейчас начинается серьезный разговор.

— Домен Сыча расположен на границе со страной нечисти, а в центральной лечебнице, по словам этого целителя, за последний год было всего несколько случаев горячки из-за укусов волкодлаков. И ни одного подъема кладбища.

— И что это значит?

— Это может много чего значить, особенно если учесть, что в отчетах лечебницы не к чему придраться. И укусов волкодлаков больше сотни, и пять-шесть подъемов кладбищ. В общем, стандартная картина приграничного региона. Но только на бумаге.

— Может быть, тот целитель просто не все знает, — предположила я.

— Все может быть, — поспешно согласился эльф. — Но я за эту неделю не только с ним разговаривал, и то, что я слышал, мне совсем не нравится. К тому же подъем кладбища обычно сопровождается повальным мором, на который сгоняют всех целителей вне зависимости от их квалификации и желания. От магии ульдонов кладбища в домене Сыча должны ходуним ходить.

— Просто за десять лет их все упокоили, — пожала я плечами.

— Да, наверное, так и есть. Наверное, Сыч очень сильный маг, ведь кладбища так просто не упокоишь.

— Так и есть, — подтвердила я. — Он же чистокровный благородный и всю жизнь прожил в приграничье. Опыта у него хоть отбавляй. А почему тебя встревожила эта

информация?

— Просто я с подозрением отношусь ко всему необычному. — Эльф задумчиво выбил замысловатую дробь пальцами по спинке кровати. — Если людишки мрут, как им положено, а волкодлаки совершают набеги на деревни, то я спокоен. Не хочется думать, что мы лезем своими головами в эту петлю. Этот целитель был очень убедительным. Если Сыч использовал какую-то свою магию, то почему не поделился заклинаниями с Владетелями остальных приграничных доменов? Ведь от благополучия населения напрямую зависит их доход!

— Не хотел делиться секретом, — сказала я. — Если его домен безопасный, то туда бежит население из ближайших областей. Это выгодно.

— Это я проверил в первую очередь, расспросив пациентов лечебницы. Большинство беженцев — из домена Сыча.

— И что они говорят?

— Что там все нормально, просто им резко захотелось сменить место жительства.

— Даезаэль, успокойся. Приедем в домен Сыча и там, на месте, все выясним.

— Да, ты права. Спокойной ночи.

— И тебе хороших снов.

Я вышла из комнаты эльфа и столкнулась с капитаном. Вид у него был осунувшийся, под глазами залегли тени.

— Ярослав, — его взгляд предупредил меня, что никакого выражения сочувствия он не потерпит, — мы завтра едем в домен Сыча?

— Да, — спокойно ответил он, не выказав ни капли удивления. — Что-то еще?

— У вас болит голова? — не удержалась я.

— Да. Погода меняется, — коротко ответил он. — Ты позволишь пройти к целителю или будешь и дальше донимать своими бестолковыми вопросами?

Я посторожилась и побрела в свою комнату. Сиятельный благородный Сыч никогда не отличался владением магии, про это даже шутки ходили. Более того, близкие владения ульдонов — черных магов, покоривших себе нечисть, — сводили на нет все попытки создать с помощью магии что-то большое и сильное, например охранный барьер на все деревни или...

Или покой всех кладбищ.

9

Когда болит голова, то кажется, что все вокруг специально топают и разговаривают громкими голосами. Приходится брать меч, и тогда топать и разговаривать быстро становится нечем.

Капитан Ярослав Волк — о попытке расслабиться во время сильной мигрени

Утро у нас началось чрезвычайно рано. За окном стояла непроглядная серо-черная муть, которую лампа у дверей постоянного двора почти не разгоняла. Капитан отдавал распоряжения шепотом, морщась при каждом слове. Шагал он так осторожно, будто нес на голове хрустальную вазу. Тиса торжественно несла за ним его вещи, небрежно волоча свой рюкзак за лямку.

Толком не проснувшись, я брела по двору, почти ничего не соображая. Накопившаяся за неделю непрерывного умственного напряжения усталость сегодня почему-то навалилась особенно сильно. Рядом со мной маревом колыхались голоса, но я мечтала только об одном — упасть в фургоне на свое место и еще немного поспать. Я была уверена, что сонливость с меня не стряхнуть ничем и никем, до тех пор, пока, споткнувшись обо что-то, не полетела кубарем по мощеному двору. Встать сразу не получилась, я стояла на четвереньках, трясая головой и слушая, как возмущенно вопит гномья мать.

— Эй, котя, ты цела? — спросил тролль, помогая мне подняться.

— Кажется, да. — Падение повлияло на меня благотворно, сна теперь не было ни в одном глазу. — Что она здесь делает?

— Сторожу, — решительно ответила «она». — А то уедете и не дадите с сыном попрощаться. Вы такие черствые.

Тиса зажгла сигнальные огни фургона, и в красноватом свете стало видно, как капитан устало прикрыл глаза и прижал ладонь ко лбу.

— Я ему подштанники-то отдам, — поставила Ярослава перед фактом заботливая мать. — А то ведь замерзнет.

Капитан молча кивнул и полез в фургон. Окрыленная его молчаливым согласием, сударыня фон Клоц с недюжинной силой поставила на задок огромную сумку. Тролль присвистнул.

— Ваш капитан разрешил! — моментально отреагировала гномиха.

— Да я про вашу силу. Я еще после вчерашнего тычка под ребра понял, что вам цены бы не было в армии. Давайте мы вас вместо сына возьмем. Никто по ночам скулить не будет, да и сила ваша пригодится, дрова на костер таскать или еще что-нибудь.

— Это сила материнской любви, — высокомерно объяснила мать Персиваля. — Она на дрова никак не распространяется.

— А есть сила любви к дровам, вы не в курсе? — с искренним любопытством спросил Драниш.

Гномиха обожгла его негодующим взглядом и принялась обниматься с сыном. Тролль закатил глаза и полез на место управителя.

— Шевелись, — подтолкнул меня сзади Даезаэль. — Тебе еще капитана от головной боли избавлять.

— А почему мне?.. Ой!.. — Я обернулась, и моему взгляду предстал гипсовый бюст неопознанного лица с нахлобученным на него эльфийским париком. — Кто это?

— Подставка под мои новые волосы, — мрачно ответил эльф. — Подержи-ка.

«Подставка» оказалась довольно тяжелой. Из-под многочисленных косичек мрачно и укоризненно торчал нос изваяния.

— Где ты его взял?

— Хозяин сегодня утром подарил, надеюсь, это не его умершая бабушка. Обижать старушек, даже мертвых, — себе дороже. — Целитель бережно забрал у меня бюст и подал руку. — Залезай скорее, сейчас фургон тронется, я еще хочу насладиться тем, как гном за ним бежать будет.

Действительно, увлеченные друг другом мать с сыном далеко не сразу заметили, что мы отъезжаем. Когда колеса застучали ко камням, тогда только сударыня фон Клоц взмахнула руками и подтолкнула Персиваля. С неохотой он вразвалочку пошел за нами, но существенный толчок в спину заставил его ускориться.

— Жаль, — вздохнул эльф. — Я-то думал, мы от него избавимся, ан нет. Пойдем, я научу тебя исцелять головную боль.

Мы присели на корточки перед лежащим капитаном. Его лицо было бледным и даже каким-то осунувшимся. Рядом Тиса с заботливым видом поправляла мокрую тряпку у него на лбу.

— Это не поможет, — скучным голосом сказал целитель, прислушался к тому, как просел фургон под весом карабкающегося на него гнома, и положил прохладные пальцы на мою ладонь. — Чистокровные благородные — сильные маги. Но за это они расплачиваются, ведь могущество просто так могут получать только эльфы. Все Сиятельные — метеозависимые. Вот, например, как известно из причитаний гномьей мамыши, сейчас — хотя ей это предсказали еще полторы недели назад, вот и верь после этого предсказателям! — резко меняется погода. И наш капитан страдает от сильной головной боли, которую я не могу ни снять, ни облегчить, потому что природа моей магии совершенно иная. А сам он ничего не сделает, потому что при такой мигрени даже рот открыть больно, не то что думать.

Капитан никак не отреагировал на слова целителя. То ли ему действительно было больно думать, то ли не хотел вмешиваться.

— Поэтому, Мила, положи ладони на его виски, вот так, и сосредоточься. Ты должна увидеть движение магической энергии внутри его тела, — продолжал Даезаэль. — Присмотрись, я не могу этого увидеть, а ты должна постараться. Энергия должна течь ровным потоком, нигде не задерживаться, а она сейчас у него в голове закручивается в воронки, как на небе перед бурей.

От напряжения у меня на висках и над верхней губой выступил пот.

— Ты должна эти воронки максимально раскрутить, что ли. В общем, сделать так, чтобы его магическая энергия текла свободно.

Воронки-то я увидела, а вот раскрутить их мне никак не удавалось. Было такое ощущение, что я тяну фургон вместе со всеми вещами, тяну изо всех сил, а он не трогается ни на сантиметр.

— Не получается! — Я отняла ладони и смахнула пот. — У меня ничего не получается!

— Конечно, — ничуть не удивившись, ответил целитель. — Куда тебе. Но ты должна это сделать, иначе мне тяжело представить, что будет. Головная боль-то пройдет, но вот в каком настроении будет капитан, когда она пройдет! Нам всем места мало будет. И ты учти, что магии в кристалле накопителя хватит от силы еще на полчаса, а я вести фургон долго не могу, я только-только восстановился после лечения тролля. Так что давай еще раз.

Я попробовала еще раз. А потом еще раз. А потом еще. А потом еще.

А потом на лице у Ярослава расплылась блаженная улыбка. Он легонько сжал мои пальцы.

— Спасибо. — Я поймала благодарный взгляд серебристо-серых светлых глаз и ошеломленно кивнула.

Так он на меня еще никогда не смотрел. Надо же, и капитан может быть человеком, когда захочет, а не только бездушным холодно-отстраненным аристократом.

— Чудесно! — Эльф потер ладони. — Теперь можно и отдохнуть с чистой совестью. Э, Мила, куда? Я имел в виду свой отдых, а ты иди на место управителя, тебе скоро фургон вести.

Я уткнула голову в колени. Исцеление капитана потребовало у меня столько сил, что я боялась, что не смогу встать.

— Хватит придуриваться! — Эльф, видно, не обладал и толикой необходимого для целителя милосердия. — У тебя еще куча сил осталась, тоже мне...

Он легонько потряс меня за плечо, и — о чудо! — я поняла, что силы у меня действительно еще есть.

— Тихо! — шикнула на нас Тиса. — Капитан заснул!

— Слышала? — спросил Даезаэль. — Можешь преисполниться гордостью за свое целительское мастерство и идти работать дальше. Хотя... лучше не гордись особо — то, что ты сделала, — это не целительство. Это какой-то раздел человеческой высшей магии, не знаю, как называется, мы такое не проходили.

— Он называется «Магические потоки», — улыбнулась я. — Это проходят только на выпускном курсе магических учебных заведений.

— Значит, Мила — хороший маг? — спросил Персиваль.

Эльф мрачно зыркнул в его сторону и ледяным тоном процедил:

— Нет, это я хороший учитель. Понятно?

— Конечно, — пролепетал гном.

— Ты его совсем запугал, — укоризненно сказала я, направляясь к передку фургона. — Разве так можно?

— Нужно. — Даезаэль пригладил ежик коротких волос каким-то зловещим жестом, отчего даже меня подрал мороз по коже, не говоря уже об окончательно оробевшем гноме.

Когда я присела на скамью управителя, накопительный кристалл почти не светился.

— Хорошо, что ты пришла, котя, — обрадовался тролль. — Я как раз думал, что делать

дальше. Если мы остановимся, капитан будет в ярости, он хотел внепланово и как можно быстрее заглянуть в домен Сыча.

— Почему внепланово? — Порыв налетевшего ветра пробрал меня до костей. По рассветному небу бежали мрачные тяжелые темно-серые облака.

— Потому что по маршруту следования, который нам выдало начальство, сейчас надо бы проводить инспекцию в домене Грома, потом плавно проверить границу, а уж потом двигаться к Сычу, спасти.

— Спасать?

— Типа того. Старый Сыч — полудохлый старик, но держит власть в руках крепко, хоть уже почти ничего не слышит. Пока правишь, не до детей, поэтому его сын вырос абсолютным маменькиным сыночком и полным слюнтяем. Мы Томигоста хорошо знаем, он в домене Волка несколько лет жил, ты, наверное, не знаешь, но многие детишки благородных из разных доменов по несколько лет живут вместе у разных родителей, чтобы знакомиться с иными системами управления и вообще чтобы друг друга получше узнать. Так этот Томигост — такая дохлятина во всех смыслах! Типа нашего Персика, только Томик был еще хуже — в десять лет, прикинь, он еще не умел сам есть ложкой!.. Мы едем в домен Сыча потому, что у Ярика чутье на неприятности, и он уверенной рукой направляет наши задницы именно туда, где им будет жарче всего, чтобы спасти друга детства. Томик же сам не управится с тем, что бы там ни происходило сейчас, а на папашу, ввиду его старческого маразма, надежды никакой. Ой, прости, котя, я тебя шокировал такими высказываниями о Сиятельных?

— Да нет, совершенно, — отмахнулась я, размышляя. Как тут не вспомнить вчерашний ночной разговор с эльфом?

Неужели Сычи упустили управление доменом и там действительно творится что-то страшное? Быть такого не может! Приграничные Сиятельные всегда отличались от остальных благородных тем, что никогда и ни при каких обстоятельствах не оставляли дела в домене на самотек. Всего несколько месяцев бездействия — и лавина неприятностей, а то и смертельно опасных врагов, обрушится на приграничье с неудержимой силой. Быстро плодящаяся нечисть только и ждала удобного случая, чтобы захватить новые земли.

— Не забивай свою хорошенькую головку всякими мрачными мыслями, — посоветовал Драниш. — Лучше бери управление фургона в свои руки. Я вот, например, никогда долго не думаю о будущем. Зачем? Оно все равно придет, и все равно не такое, каким ты себе его придумал.

— Да ты философ! — восхитилась я.

— Нет. Я просто ученый тролль, который умеет убивать.

Я посмотрела на Драниша, пораженная горечью его слов. Он сидел на скамье, выпрямившись, будто проглотил меч, и буравил взглядом свои большие мускулистые руки, покрытые жесткими черными волосами. Я легонько положила свою ладонь на его запястье.

— Ты хороший, Драниш, — тихо, но убежденно проговорила я. — Я это знаю.

Он тяжело вздохнул:

— Что ты можешь знать, купеческая дочка, выросшая в неге и богатстве?

— Занятие торговлей учит хорошо разбираться в покупателях.

Я перехватила управление фургоном, и дальше мы покатали в полном молчании. Вскоре Дранишу наскучило мрачное настроение, и он принялся мурлыкать песенку, содержание которой, судя по долетавшим иногда до меня словам, было крайне неприличным.

Предыдущие дни отточили мое умение управлять фургоном, и я даже позволяла себе посматривать по сторонам, наслаждаясь светло-зеленой весенней листвой и бутонами цветов, готовых вот-вот раскрыться. На всем протяжении пути нам пока никто не встретился, потому что капитан, спеша добраться до домена Сыча, выбрал короткий, но ухабистый и крайне непопулярный путь. Но мусор на обочинах говорил о том, что здесь все же периодически кто-то проезжает.

Внезапно что-то яркое привлекло мое внимание. Я далеко не сразу поняла, что это, но, сообразив, резко затормозила и заставила фургон ехать задним ходом.

— Что случилось? — всполошился тролль, который к этому моменту уже успел задремать, удобно устроившись на моем плече.

Вместо ответа я молча указала ему на придорожные кусты, на которых повисли клочки ярко-желтой ткани, четко выделявшиеся среди зеленых листочков. Я знала только одного человека в королевстве, который носил подобный ярко-желтый плащ, с которым никогда не расставался.

— Желтая ткань? — удивился тролль. — Желтая?! О!

Он прислушался, вскочил и одним слитным прыжком перемахнул через спинку скамьи во внутреннюю часть фургона.

Я только успела прыгнуть на землю, как он уже оказался рядом, держа в руке меч.

— Оставайся на месте, котя, — и скользящими движениями нырнул в глубь леса.

Подойдя к кусту, я освободила запутавшийся обрывок ткани и провела по нему пальцем. Теперь у меня не было сомнений — это был тот самый широко известный в королевстве желтый плащ, который носил мой друг детства Чистомир. Как-то он мне хвастался, что такая ткань производится только в единственной стране далеко за морем и стоит огромных денег, а ему заморский купец подарил ее за какую-то услугу.

— Кого там убивают? — спросил за моей спиной эльф с передка фургона. — Шум такой, ты разве не слышишь?

Шума я не слышала, но поверила целителю на слово. Мое сердце замерло, а потом ухнуло вниз, и я молча кинулась вслед за троллем, стараясь определять его путь по колышущимся ветвям. Странно, но я даже умудрилась его догнать.

Те, кто напали на Чистомира, явно не рассчитывали увидеть на поляне вооруженного тролля, который без лишних слов крутанул меч — и сразу двое повалились на землю с оглушительными воплями. Их было десятеро против одного тролля, но, честно говоря, судьба Драниша в тот момент меня волновала мало.

Не обращая внимания на бойню, я кинулась к тому, что сейчас больше напоминало отбивную, приготовленную для ужина, чем тело молодого мужчины.

— О нет, Пресветлые Боги, только бы он был жив! Только бы он был жив! — шептала я.

Его одежда, когда-то кричаще-яркой расцветки, теперь была темной от пропитавшей ее крови. Я прижала ладонь к пульсирующей жилке на шее парня. Жив, о счастье, он еще жив! Крепко обхватив тело молодого парня обеими руками, я, не задумываясь, влила в него жизненную силу — прием, который на уроках целительства мне никогда не удавался. Наверное, просто не было стимула.

Раненый дернулся и застонал. Потом с трудом открыл один глаз — второй заплыл так, что под сплошным кровоподтеком даже не был виден. Глаз открылся, придиричиво изучил меня и округлился от удивления.

— О! Ты... Я...

— Тише! — прикрикнула я сквозь слезы — когда они только успели появиться? — Молчи уж, а то концы отдашь!

— Как не деликатно сказала, — прохрипел он, выплевывая кровь и несколько зубов. Скривился и уверенно заявил: — Я не могу сдохнуть, я могу только умереть!

— Че, живой? — спросил над моей головой тролль.

Я кивнула. Слезы проторили на моих щеках огненно-горячие дорожки и никак не хотели останавливаться.

— Эй, котя... — Драниш поднял мое лицо пальцами, заставляя взглянуть на него. — Ты что это? Тебя ранили?

Я мотнула головой, стараясь не смотреть на его одежду, измазанную кровью.

— Ты его знаешь! — догадался тролль и добавил с грубоватым смущением мужчины, не знающего, что делать с женскими слезами: — Ну прекрати, ведь он еще не сдох. Лучше

меня перевяжи.

— Тебя ранили! — ахнула я, укоряя себя за равнодушие.

— Задели, какая-то зараза кинжал метнула, чтоб его дрыхли с чахами взяли. Отрежь своим кинжалом низ сорочки, так, ага... Давай перевязывай ту же, мне еще этого страдальца на себе переть.

— Может, тебе рану попробовать исцелить? — спросила я. Порез на предплечье у тролля был хоть и глубокий, но очень ровно разрезанный, срастись должен быстро.

— Котя, побереги силы. — Драниш осторожно поднял на руки раненого, слегка поморщившись. — Разве ты не помнишь, что говорил эльф? Тролли плохо поддаются магии, а тебе еще этим куском мяса заниматься.

«Кусок мяса» дернулся и захрипел:

— Гитара!

— Гитару ему еще! Молчи! А ты найди, что просит, — велел Драниш и пошел к фургону, выискивая просветы между кустами и деревьями, чтобы раненогошний раз не травмировать ветками.

Мне пришлось обождать всю поляну, заглядывая под кусты и вороша прошлогодние листья, чтобы найти гитару, о которой парень не забыл, даже будучи на грани между жизнью и смертью. Она нашлась далеко в кустах, небрежно выброшенная и повисшая на ветвях, но, кажется, серьезно не пострадала.

Прижав к груди драгоценный музыкальный инструмент, украшенный изящной резьбой, я побежала догонять Драниша, который шел очень медленно.

— Хорошо, — сказал тролль, увидев меня, — отодвигай ветки, чтобы они его не царапалишний раз.

У фургона нас встречала просто-таки торжественная делегация: Тиса и Ярослав с мечами, Персиваль с молотком и Даезаэль с целительской сумкой через плечо, с мечтательным видом поглаживающий какие-то специальные ножницы с загнутыми концами. Лицо капитана по степени мрачности вполне могло соперничать с вечно мрачным лицом эльфа.

— Надеюсь, он мертв и мне не придется с ним возиться? — нежным голосом спросил наш самый гуманный в мире целитель.

— Живой, не надейся, — крайне нелюбезно ответил Драниш. — Ярик, поможешь?

— Придется, — процедил Волк, протягивая руки.

Я задумалась: почему капитан так недоволен? Ведь не брезгливость им движет, в самом деле! Не может быть брезгливости по отношению к окровавленному телу у человека, который прошел войну. Может быть, он недоволен тем, что мы с троллем без предупреждения покинули фургон? Тогда сейчас нас, а в особенности меня, ждет выговор. Тролль тем временем передал Ярославу раненого и помог мне взобраться — даже несмотря на ранение.

Стоило нам осторожно уложить бессознательного Чистомира внутри фургона, как он пришел в себя, открыл глаз, обвел взглядом помещение, остановил его на Волке и прошептал:

— Бегите отсюда.

— Угу, — сказал капитан, не тронувшись с места. Он стоял в своей излюбленной позе, привалившись к стене повозки, и демонстрировал крайнее равнодушие ко всему происходящему, а особенно к новому постояльцу фургона.

— Дурак, — прохрипел раненый. — Ульдона на хвост хочешь?

— Мы глубоко в заднице или еще есть шанс быстро выбраться? — деловито поинтересовался тролль, осторожно разминая руку. На импровизированной повязке из сорочки появилось кровавое пятно.

Страдалец красноречиво закатил глаз. Волк скривился, но ничего не сказал и вышел. Через несколько мгновений фургон тронулся, плавно набирая ход.

— Вы что, его все знаете? — возмутился эльф, до сего момента что-то шептавший,

положив кончики пальцев на виски раненого.

— Все, кроме тебя и Персика, — уточнил Драниш. — Но Персика мы в расчет не берем.

— Это Чистомир Дуб, — сказала я Даезаэлю сквозь слезы, которые и не думали прекращать течь. Видеть молодого, крепкого парня, вечного балагура, в таком состоянии для меня было выше сил. — Второй сын Владетеля домена Дуба.

— Домен Дуба — это же где-то на севере? — уточнил эльф, чуткими пальцами исследуя тело Чистомира. — Как он здесь очутился, да еще в такой ситуации? Мила, прекращай хныкать и раздевай его!

Тиса, до этого момента демонстрировавшая лояльность к презрительному отношению капитана к Чистомиру, хмыкнула.

— Я не могу, — простонал Мирик. — Я не хочу, чтобы она меня раздевала. Это невозможно!

— Будешь выделяться — я тебя прикончу, — спокойно предупредил Даезаэль, легкими движениями исследуя повреждения тела раненого. — Меня при рождении священной дрожью при виде благородного обделили.

— Где вы нашли такого целителя? — спросил у меня парень.

— Молчи, — всхлипнула я, понимая, что умирающий такие долгие беседы вести не будет, и от этого слегка приободрилась.

— Тебя пытали? — спросил эльф.

Чистомир легонько кивнул, прикрыв глаз.

— В живых планировали оставлять или нет?

— Нет.

— Тогда они дилетанты, — разочарованно протянул целитель. — Ты еще поживешь, могу тебя заверить.

Внезапно несшийся по дороге фургон так сильно подпрыгнул на ухабе, что мы все подскочили и повалились на пол. Мирик застонал и потерял сознание, а гном, все это время с зеленым лицом просидевший в углу и старавшийся не смотреть на раненого, взвыл дурным голосом:

— Я язык прикусил!

— Куда он так гонит?! — возмутился целитель. — Работать же невозможно!

— Он нас спасает, — сказал тролль, откидывая полог на задней площадке. — От них...

Мы посмотрели в направлении, куда указывала его рука. На небе стремительно увеличивались в размерах черные точки.

— Круки! — ахнул глазастый эльф. — Плохо дело.

Круками называли огромных птиц, похожих на воронов, только размером с корову. Эти существа жили в стране нечисти, периодически залетая на территорию нашего королевства. Каждая приграничная деревня была снабжена одной-двумя баллистами, с помощью которых местное население наловчилось сбивать круков. Поговаривали, что у них очень вкусное мясо, а перьями можно было покрывать крышу, и тогда никакие холода были не страшны. Круки очень любили поживиться свежим человеческим мясом, хотя, по слухам, эльфы им нравились куда больше. Может, мясо у них было нежнее, не знаю. Одного удара клювом такой птицы было достаточно, чтобы проломить череп даже вместе с надетым на голову шлемом.

Но что могли сделать против круков мы, даже имея в наличии огромный дальнобойный лук Драниша? Их плотные жесткие перья и толстый пух могла пробить стрела, выпущенная только из баллисты!

— Может быть, они летят вовсе не к нам, — неуверенно предположила я.

— А может быть, это привет от того ульдоны, с которым связался вот этот гаденыш? — выдвинула встречное предположение Тиса, указывая на Чистомира.

— Кто такие ульдоны? — спросил гном.

— Это маги-перерожденцы, которые живут в стране нечисти, очень опасные твари, с

которыми связываются только полные идиоты, — объяснила воительница. — Образец идиота лежит перед нами. Какого чаха вы вообще потащились его спасать, а?

Я вскочила на ноги и подошла к Тисе.

— Предупреждаю, если ты еще раз позволишь себе отозваться о Чистомире неуважительно, то...

— И что ты сделаешь? — насмешливо спросила девушка, даже не поменяв позы. — Может быть, попробуешь мне морду набить?

— Может, и попробую. — Я сжала кулаки.

— Хватит, девочки, — попросил тролль, натягивая на свой лук тетиву. — Мила, послушай... У Ярика, ну и у Тисы за компанию, есть причина не любить Чистомира. Тем не менее капитан не оставил его умирать на обочине, а везет в фургоне, несмотря на крылатые неприятности.

— Если капитан решит выбросить Чистомира на обочину, я останусь с ним, так и знай, — предупредила я, погладив друга по безвольной руке.

— О, да у нас любовь! — удивленно подняла бровь Тиса. — Ты опоздал, Драниш! Сердце твоей коти уже отдано аристократу с безупречным происхождением и внешностью. Конечно, тело сейчас слегка потеряло — Мила, как там у вас говорят: товарный вид? — но все поправимо.

— У нас не любовь. — Я решила сразу внести ясность в ситуацию. — Мы просто знакомы много лет. И... Мирик спас мне жизнь. Я в долгу перед ним.

— Спас тебе жизнь? — удивился тролль. — А я думал, он такой эгоист, что плевать хотел на всех, а тем более на купеческих дочек.

— Он не большой эгоист, чем Ярослав, — резко ответила я.

— Как вы мне надоели со своей болтовней! — не выдержал эльф, отрываясь от больного. — Делали бы хоть что-то полезное! Так нет, сидят, языками чешут.

— Разве я тебе не помогаю? — возмутилась я. Для исцеления Чистомира эльф бессовестно тянул из меня магическую энергию, положив пальцы левой руки мне на запястье.

— Разве? Мне-то, глупому, казалось, что это я помогаю твоему другу и тебе, раз он так для тебя важен.

— Круки уже близко, — проинформировал тролль, перебирая стрелы. — Попробую что-то сделать.

— У тебя же рука раненая! — воскликнула я.

— Ну и что? А больше никто не сможет управиться с этим луком.

— Подожди немного, — попросила я. — Даезаэль, жизнь Мирика вне опасности?

— Уже да, — отозвался эльф. — Я почти все раны ему затянул. Отбитые почки, конечно, болеть еще будут долго, но в следующий раз пусть лучше себе компанию выбирает.

— Я... я сейчас сделаю наш фургон незаметным, — сказала я, поднимаясь на ноги. Юбка была вся в пятнах крови, которая вытекла из ран Чистомира, но, наверное, это был не лучший момент, чтобы обращать на подобные мелочи внимание. — Только это потребует очень много сил, так что, пожалуйста, вы меня потом какое-то время не трогайте, хорошо? И не выходите из фургона, пока круки не улетят, а то иллюзия развеется.

Заклинание, позволяющее любому предмету придать желаемый вид или даже свойства, я выучила одним из первых, несмотря на то что оно было одно из самых длинных, сложных и энергоемких заклинаний в человеческой магии, из-за своей сложности не пользующееся популярностью. Сила, которая требовалась для достижения результата, напрямую зависела от размера предмета. Маленькую вещь, например кинжал, можно было видоизменить довольно быстро и относительно безболезненно для запасов личной магической энергии, ровно как и возобновлять заклинание — срок его действия был довольно непродолжительным, часов двенадцать, не больше. А вот фургон...

Выхода у меня не было, нужно спасать нас всех. Круки, подлетев поближе, если не станут нападать, запомнят фургон в малейших подробностях, а потом передадут эту

информацию ульдону, который их приручил. Тогда нам уже никогда от него не скрыться. А что, если они увидят самую обыкновенную крестьянскую телегу, груженную хворостом, очертаниями напоминающую наш фургон? Я не знала, как у круков со зрением, но все рассказы очевидцев свидетельствовали о том, что эти птицы глупы. Но, будем надеяться, убогая телега с крестьянином не привлечет внимание нечисти, и они пролетят мимо. Это наш единственный шанс избежать неравного боя.

Раскинув руки, я запела заклинание, вводя в сложный текст свои добавления для придания фургону должной формы. Ах, надо еще не забыть капитана! Ему я никак не могу придать другой облик, но вот его одежде — вполне. Нарядим его в потертую кожаную куртку, драные штаны и стоптанные сапоги.

Затаив дыхание, я ждала, когда начнет работать магия. Постепенно стены фургона превратились в охапки хвороста, а перед глазами поплыли яркие разноцветные пятна, и закружилась голова.

— Ух ты! — искренне восхитился гном, проводя по ним ладонью. — Как настоящие!

Я удовлетворенно вздохнула и с чистой совестью потеряла сознание от истощения магических и физических сил.

10

Любая живая девушка достойна быть любимой. И как только она разрешит себе быть любимой, то тогда сможет своих поклонников толпами сдавать вербовщику на приемный пункт и здорово на этом заработать.

Чистомир Дуб рассказывает подруге о том, как можно быстро обогатиться

Первое, что я ощутила, очнувшись, — мне тяжело дышать. На тело навалилась какая-то тяжесть, не давая вздохнуть полной грудью, не позволяя свободно шевелить руками и ногами. Что это такое?

— Не дергайся, — сказал сидящий рядом эльф. — Что ты как припадочная? Похолодало, вот и укрыли вас, больных. Только твой тролль перестарался и навалил на тебя слишком много одеял.

Он хлопнул в ладони, и на потолке вспыхнула ярким светом лампочка, чтобы зажечь ее, всем остальным приходилось становиться на цыпочки, а мне так и вообще подпрыгивать. Но Даезаэль утруждать себя не любил и лишний раз с насиженного места никогда не поднимался.

— Как Чистомир? — спросила я, выбираясь из-под одеял и свитеров, которые на меня взгромоздил заботливый Драниш.

— Спит, что ему сделается. Могу его пнуть, проснется, тогда поболтаете.

— Не надо! — испугалась я, пробираясь к Чистомиру.

Его лицо было бледным, осунувшимся, высокие, такие характерные для благородных скулы украшали багровые кровоподтеки. Но дышал он ровно. Я осторожно, едва касаясь, провела рукой по его щеке, едва удержавшись, чтобы не потрепать его за кончик носа — обычное приветствие Мирика с детских лет. «Бу!» — говорил он вместо приветствия, хватая меня за нос. Так как даже в детстве он был значительно выше меня, то ответить ему той же монетой я не могла, а только гнусаво верещала, размахивая руками: «Отпусти меня! Если мой отец нас увидит, он меня убьет! Так нельзя!» «Плевал я на все нельзя, — ухмылялся он и целовал меня в кончик носа, — мне все можно». «Почему тебе все можно, а мне нельзя?!» — возмущалась я. «Потому что все „можно“ и „нельзя“ живут только в голове. У меня выживают только „можно“, все запретыдохнут, не выдерживают условий проживания в моих мозгах», — самодовольно говорил Мирик.

— Ты перестаралась, — прервал эльф мои воспоминания, рассматривая на свет свое веревочное творение: пока мы спали, он в темноте умудрился сплести что-то из шнурков и

сейчас явно гордился своей работой. — Наш фургон до сих пор выглядит, как здоровенная охапка дров. Зато всякие нежелательные элементы пролетают мимо и не оглядываются.

— Нежелательные элементы? — Двигаться было тяжело, ломило все косточки, но выйти из фургона мне было необходимо.

— Да, как подобрали этого страдальца, так на дороге прямо аншлаг. И летят, и по кустам пробираются. Так что, если бы не ты, мы бы далеко не уехали. Ну или уехали, но далеко не все. — Судя по голосу, второй вариант устраивал целителя куда больше. — Но мы внимания нечисти не привлекали, они так, порывались на нас потихоньку, все на ту поляну стремились. По крови, видно, искать будут. Ничего, скоро там объявится кто-то умный, и нас быстро раскусят.

Даезазль с интересом посмотрел, как я пробираюсь к выходу, и, когда я споткнулась и упала, сказал:

— Я думал, ты раньше навернешься. Нос не разбила? Руку не вывихнула? Что ж ты так! Попроси тролля, пусть он тебя в кусты отнесет, они как раз там сейчас у костра ужин готовят. Точнее, спорят, кому этим заниматься, ведь капитан тебе сегодня выходной дал, чтобы ты отсыпалась. А меня тут оставили, за вами двумя присматривать. Мало ли что. Драниш весь от ревности извелся. Да, а откуда купеческая дочка знает Сиятельного?

Если эльф внезапно вопроса хотел добиться от меня признаний в каких-то тайнах, то просчитался.

— Я не просто купеческая дочка, — буркнула я. — Я богатая купеческая дочка. Или ты думаешь, что у благородных еда на столе сама собой появляется? Ее кто-то поставляет. Мы этим занимались. Вот и все.

— Ты говорила, что он тебе жизнь спас. Благородный. Простолюдинке. Ага...

— Волк, скорее всего, жизни бы мне не спас. Но это Чистомир, он совершенно другой. Ты же видел, как к нему Ярослав относится. Так что не ищи тайн там, где их нет, — посоветовала я, выходя на задник.

На улице было очень холодно, особенно после теплого нутра фургона. В кронах пронзительно выл ветер, на темном небе ни звездочки, лишь тенями угадывался бег тяжелых, неповоротливых туч. Я поежилась, непроизвольно обхватывая себя руками.

Когда я возвращалась назад — двигаться уже было намного легче, — то около фургона обнаружила поджидающего меня тролля.

— Если бы ты вернулась несколькими минутами позже, я бы пошел искать, — проворчал он, легко поднимая меня и усаживая на задник фургона. — Вам с Чистомиром Тиса сварила каши, укрепляющей организм. А я ее принес. Покормить тебя с ложечки?

— Нет! Я сама, спасибо.

Уж не знаю, чего укрепляющего добавила Тиса в кашу, но что на вид, что на запах липкая субстанция в миске была отвратительной.

— Я это есть не буду, — категорически заявила я. — Лучше голодной остаться.

Трольль невозмутимо пожал плечами и проглотил жидкую кашу в несколько больших глотков.

— Мне и не такую гадость приходилось есть. Нельзя, чтобы еда пропадала, какой бы она ни была. Но она правда укрепляющая, Тиса туда корешков всяких натолкала.

Ага, вот откуда такой запах! Воительница что, решила меня уморить? И Чистомира за компанию, чтобы не мозолили глаза?

— Нет, нет и еще раз нет! — заявил эльф, когда тролль с кашей для Мирика появился в поле его зрения. — Какая каша? Только отвары пить, и то с моего разрешения.

Трольль молча съел вторую порцию каши. Потом потер живот и скривился.

— Мила, — простонал Дуб.

— Что? — кинулась я к нему.

— Я еще жив? Да, точно, жив... какое счастье! Поцелуй меня на радостях!

— Что? — взревел за моей спиной Драниш.

— Сексуальное возбуждение противопоказано, — голосом оскорбленного праведника

сообщил эльф.

— Так всегда, — скривился Чистомир.

Внезапно резкий рывок откинул полог, в фургон ворвался поток холодного воздуха — и появился капитан. Лицо его было мрачным и не предвещало ничего хорошего.

— Выйдите все, — сказал он.

Вид его был настолько устрашающим, что даже Даезаэль повиновался без комментариев. Я собиралась подняться, но Чистомир достаточно сильно для недавнего умирающего схватил меня за руку:

— Не уходи.

— Я сказал, выйдите все! — Капитан не повышал голоса, но вся кожа у меня покрылась мурашками.

— У меня нет секретов от Милы, Ярослав, — тихо сказал Мирик. — Ты можешь при ней сказать все, что хотел.

Волк закатил глаза, но не стал больше возражать против моего присутствия.

— Но... прежде чем ты начнешь свой допрос с пристрастием, я хочу тебя попросить. Сними с меня «кляксу», — умоляюще проговорил Чистомир и даже слегка приподнялся, ловя взгляд Ярослава.

Капитан скрестил руки на груди и непреклонно покачал головой.

— Ярослав, прошу тебя! Ведь только ты сможешь это сделать! Прощу тебя как Сиятельный Сиятельного.

— Да как ты можешь просить меня об этом? — прошипел Волк. Его лицо исказилось от ярости, казалось, он с трудом удерживает себя в руках. — Ты... После того, что ты натворил, ты еще и просишь меня об этом!

— Клянусь... я клянусь честью Дома, что все, что я делал, было продиктовано нуждами короны.

— Честью Дома? Ты?! — Ярослав, тяжело дыша, прошелся по фургону туда-сюда. Чистомир нервно перебирал пальцами по моей руке; я знала, что это означало у него крайнюю степень волнения, поэтому с тревогой посмотрела на капитана. Что он решит?

— Как бы там ни было, меня еще не отлучили и даже не выносили предупреждение, — напомнил мой друг, он выглядел полностью уверенным в своей правоте.

Волк немного успокоился — если уж целый Дом не осуждает действия своего отпрыска, то какое право имеет он это делать? — и сказал, пристально глядя на Дуба:

— Что за глупость! В таком состоянии это не выдержать.

— Я должен. — Мирик упрямо сжал губы. — У меня нет времени тут разлеживаться.

— А если сдохнешь? — Я впервые слышала от Ярослава такое слово и даже затаила дыхание.

— Я не могу. Сдохну как-нибудь потом, но не сейчас.

— Подожди еще немного, через день будем у Сыча, и там будут все условия... — Неужели гордый Волк просит? Уговаривает?

Мирик упрямо и решительно покачал головой.

Ярослав несколько раз ударил в стену фургона кулаком. На костяшках заалели капельки крови. Он задумчиво их слизнул, очерив рот в почти волчьем оскале; потом успокоился, несколько раз резко выдохнув, подошел к Дубу и, ни слова не говоря, грубо перевернул его на живот.

Раненый глухо застонал, но не оказал никакого сопротивления.

— Ложись ему на ноги, — велел капитан, — и держи крепко, чтобы не бился.

Я упала всем весом на ноги Чистомира — тот отозвался сдавленным ругательством — и постаралась как можно лучше расположиться на полу.

Ярослав не стал долго готовиться. Негромким напевом он стал произносить заклинание на древнем языке, делая руками сложные пассы. Таким заклинаниям, иногда необходимым для спасения жизни благородного, обучают всех отпрысков Домов, даже если у аристократа очень слабый магический дар. Поэтому даже Волк, который крайне редко использовал свои

магические способности, мог выполнить просьбу Чистомира, но вот какой ценой?

Внезапно от закружившихся рядом магических вихрей я чуть было не потеряла сознание, а Мирик закричал. Это крик был настолько страшен, что у меня мурашки по коже побежали и ударило в холодный пот. А потом он забился, беспорядочно размахивая руками, выгибая тело и не переставая кричать. Меня подкидывало на его ногах, швыряло из стороны в сторону, но я изо всех сил держалась, не позволяя ему перевернуться на спину.

Внезапно все закончилось. Чистомир обмяк и даже, кажется, перестал дышать. Мокрый от пота и бледный как мел, Волк осел у стены, усталым жестом убирая с лица выбившиеся из косы пряди. Из его носа тоненькой струйкой текла кровь.

— С вами все в порядке? — шепотом спросила я. Сердце билось как сумасшедшее, а что чувствовал Ярослав — мне даже было сложно предположить.

Он молча кивнул и каким-то совершенно не вяжущимся с его обликом беззащитным жестом вытер рукавом кровь под носом и обхватил дрожащими руками себя за плечи. Падать в обморок он явно не собирался, поэтому я переключила внимание на друга.

Я дрожащими руками перевернула Чистомира. Изо рта, ушей и ноздрей у него тоненькими струйками текла кровь, и кажется, он совсем не дышал. Я прижалась ухом к его груди. Тук... Тук... Тук-тук... Слава всем Пресветлым Богам! Он жив! Я вдохнула ему в легкие воздух. Ужасаться тому, какими ледяными и неподвижными были губы Мирика, не было ни душевных, ни физических сил.

— Доконаете моего пациента. — Даетаэль оторвал меня от тела и тут же склонился над ним сам. — Что это было хоть?

— Я снимал ему «кляксу». — Капитан ограничился коротким пояснением.

— Мне кто-нибудь объяснит, что это такое и что мне теперь делать? Или выбрасывать больного на улицу, пусть уже концы отдаст?

— Он теперь не умрет, если выжил после обряда, — объяснила я. — Мы, обычные маги, можем рассчитывать только на свои силы, но чистокровные благородные при необходимости обращаются к силе всего Дома, это огромный магический потенциал. Сам, наверное, почувствовал, какая магия здесь была только что сконцентрирована. Чистомир не мог обратиться к силе Дома Дуба, потому что ульдоны могут ставить так называемую магическую «кляксу» на знак принадлежности к роду, блокируя таким образом жертве возможность пользоваться этим даром.

— О-о-о, — протянул эльф. — Я о таком не знал. Что это за знак и как он соединяется с силой рода?

— Любому благородному новорожденному делают татуировку специально приглашенные маги, и эта татуировка растет вместе с ребенком. Магия, заключенная в рисунке, дает возможность обратиться к магическому потенциалу Дома и совершить, таким образом, нечто такое, что неподвластно обычному человеку. Например, очень быстро исцелиться. Если случается так, что благородного изгоняют из Дома за какое-то порочащее действие, то татуировку — и возможность пользоваться силой рода — сводят. Это считается самым большим наказанием.

— Откуда ты все это знаешь? — подозрительно спросил целитель, буравя меня взглядом. Руки его при этом заученными движениями останавливали и вытирали кровь, сворачивали тампоны, укладывали пациента поудобнее.

— На курсах магии проходили, — пожала я плечами, — как один из типов проявления человеческой магии. К сожалению, подробностей я не знаю, это ведь касается только благородных, а они не склонны делиться информацией.

— Заметно, — буркнул эльф. — И что, он сейчас подсоединился к силе Дома? Откуда это известно? Что вообще с ним сейчас происходит?

Вместо ответа до сих пор стоявший в стороне Драниш перевернул Чистомира на живот и задрал ему рубашку. По всей спине парня шла огромная яркая татуировка, изображающая дубовый лес. Сейчас этот лес был как живой: могучие деревья качались под невидимым и неосязаемым ветром, дрожали ветви и трепетала тщательно прорисованная листва.

— Вот это да! — только и смог сказать Даезаэль. — Вот это да!

Он осторожно прикоснулся кончиком указательного пальца к татуировке и тут же его отдернул:

— Ай! Жжется!

— Оставь его сейчас в покое, — посоветовал капитан слабым голосом. — Завтра он уже будет практически здоров. Только его утром нужно будет очень хорошо покормить.

— Получается, вы, благородные, практически бессмертны! — принялся рассуждать эльф, укутывая Чистомира в одеяла. — Только ранение — так сразу подсоединился к силе рода, раз — и здоров. А чего же ты тогда, Ярослав, в начале нашего путешествия так долго выздоравливал?

— Все не так просто, — усталым голосом сказал капитан, нетвердой походкой направляясь к своему спальному месту. — Каждый благородный имеет право воспользоваться силой рода только несколько раз в жизни, в крайних случаях. Даже такой пустобрех, как этот Дуб, не посмел бы обращаться к ней, если бы не серьезная необходимость. Ведь «кляксы» могут ставить не только ульдоны, но и придворный маг Дома тоже, в качестве наказания. И тогда ты окажешься беззащитным, и ни один Сиятельный уже не снимет с тебя эту «кляксу», ведь определить ее происхождение просто. Кроме того, такая магия невероятно истощает организм, несколько обращений подряд — и ты гарантированно мертв.

— Значит, если понадобится, ты можешь быть очень могучим магом! — с горящими глазами проговорил эльф. — А я-то думал, что ты маг так, только по названию, по мелочи — фургоном управлять или мошек разгонять?.. Ты умеешь разгонять мошек?

Капитан ничего не ответил, а только завернулся в одеяло с головой. Его трясло.

— Ярик... — В фургон влез Драниш, держа в руках чашку, из которой шел ароматный пар. — Я так и знал, что ты себя доведешь. На, выпей хотя бы горячего чаю, специально для тебя только что сделал.

Волк, не размениваясь на слова благодарности, высунул из импровизированной палатки из одеял руку и забрал кружку. Я проводила ее завистливым взглядом — мне тоже хотелось чаю из трав, но, судя по звукам, доносившимся снаружи, там Тиса уже заливала костер водой из котелка, а бурчащий что-то под нос гном звякал посудой.

— Котя, ты оденься на ночь потеплее, — велел тролль. — Будем ехать всю ночь, я тебя греть не смогу.

Я удивленно посмотрела на Драниша. Неужели он думал, что я отойду от Чистомира ради того, чтобы тролль меня погрел? Неужели он решил, что мне безумно нравится именно так проводить ночи?

Как только в фургоне разместились Тиса со странно притихшим гномом, бережно лелеющим гитару Чистомира, повозка двинулась, нещадно трясясь на дороге.

Я прижалась к Дубу крепче и уткнулась носом в плечо. Мирик был одной из основ моего мира — бурной, хаотичной, плюющей на правила и условности, но неизменно надежной. Парень дышал ровно и глубоко, от него так и разило магией. Регенерирующее с невероятной скоростью тело было очень горячим.

Чистомир слегка шевельнулся, пошарил рукой, отыскал мои пальцы и переплел со своими. Практически сразу после этого я провалилась в необычайно глубокий и спокойный сон, какого у меня не было, наверное, уже несколько лет.

Разбудил меня голос гнома, восхищавшийся резьбой на гитаре.

— Можешь ли ты себе представить, — рассказывал он кому-то, — что резьбу подобного уровня мастерства может сделать только гном, который всю жизнь этому учился? Более того, даже мастер высочайшего уровня таких вещей за всю жизнь может создать не более пяти. И ты знаешь, я догадался! Тут не только узоры, здесь зашифровано тайное послание. Если внимательно присмотреться, то будут видны буквы. Языка я не знаю, но это точно структурированный текст!

— Эй, бородатый, — недовольно сказал над моим ухом Чистомир. — Заткни пасть и отдай сюда гитару, а то как бы я тебя борода не лишил.

— Ты встань сначала! — смело ответил гном.

Кто-то захлопал в ладоши, и Тиса издевательски сказала:

— Ты гляди, наш-то Персик умеет, оказывается, огрызаться. Или это тебе гитара сил придала?

— Я бы встал, — голос Дуба был чистым, без следа боли или слабости, — да у меня на руке девушка спит, это будет невежливо. Но когда я встану, ты, осмелившийся осквернить мою гитару прикосновениями своих толстых пальцев, будешь долго и горько об этом жалеть.

— Я уже проснулась, — пробурчала я, протирая глаза кулаками. Вылезать из уютного гнездышка на холод очень не хотелось. Проникавший под одеяло воздух казался ледяным.

— О, красавица моя, не лишай меня удовольствия насладиться прикосновениями твоего тела еще немного! — страдальчески протянул Чистомир. — Только благодаря ему, а точнее, его изгибам и выпуклостям я смог так быстро поправиться!

— Тогда убирайся из моего фургона, — предложил Волк.

Я приподняла одеяло, чтобы посмотреть на капитана. Как всегда, аккуратный, с заплетенными волосами, без следа сна или усталости на лице, он листал какую-то книгу с названием на незнакомом языке. Ярослав мельком бросил на меня косой взгляд, и это подействовало лучше ведра холодной воды. Я поняла, что нужно срочно выбираться из-под одеяла, чтобы не подвергать себя опасности нарваться на недовольство капитана.

— Подожди меня, — попросил Чистомир, когда я встала и, дрожа от холода, рылась в вещах в поисках еще одного свитера. — Боюсь, мне еще нужна помощь. Э, что это за шмотье на мне надето? Это что еще за ужас? Ярослав, это твоя изощренная месть?

— Это панталоны, которые сшила моя мама! — захлебывающимся от обиды голосом сказал гном. — И я тебе их вчера пожертвовал, чтобы ты не замерз. А ты...

— А где мой плащ? — перебил его Дуб. — Неужели выбросили?

— От него одни лохмотья остались, — робко сказала я, помня, что к плащу Чистомир относился как к другу.

— Эх... — Мирик запахнулся в одеяло с таким величием, будто это была королевская мантия. — Ладно, пошли в кусты, утешись меня в моей скорби.

— А по лбу тебе не дать? — начала я закипать. Меня всегда почему-то невероятно раздражали его шуточки на грани приличия.

— Нет, конечно, я же раненый. — Чистомир попытался меня обнять, но я увернулась и случайно поймала взгляд капитана.

Он смотрел на нас со смесью брезгливости и презрения, даже губы искривил, вот-вот плюнет в нашу сторону.

— Пожалуйста, Мирик, — попросила я, когда мы отошли от фургона, — веди себя прилично. Капитан еле сдерживается.

— А мне нравится Ярослава злить, — беспечно отозвался он. — Этот парень такой весь из себя правильный, что ему дать щелчка по носу — святое дело.

— Тебе смешно, а мне с ним работать еще долго.

— Ладно, — легко согласился Чистомир. — Только потому, что ты просишь. Буду злить кого-нибудь другого.

Я закатила глаза, но ничего не ответила. Таким он был с самого детства, доводя до бешенства не только своих родителей и всех слуг в роскошном замке, но и гостей. «Я изучаю человеческую натуру», — объяснял он разъяренному отцу, который, наплевав на приличия, несколько раз нещадно драл отпрыска розгами и ремнем с тяжелым гербом Дома на пряжке.

Кого именно имел в виду Чистомир, когда говорил, что будет злить кого-то другого, я поняла сразу же, как только увидела тролля. К сожалению, Мирик его заприметил раньше меня, поэтому я не успела увернуться. Дуб схватил меня за талию и притянул к себе. Пока я безуспешно пыталась сбросить его руку, Драниш побагровел и прорычал:

— Какие у тебя отношения с моей будущей женой?

— С будущей женой? — Последний раз я видела у Чистомира такое выражение лица, когда крестьяне из ближайшей к его замку деревни поймали его в ловушку и вываляли в перьях. У него даже рука сама собой с моей талии упала. — Он что, правду говорит?

Я кивнула, наслаждаясь сценой.

— Ну ты даешь! Уж этого я от тебя не ожидал! — Дуб восхищенно цокнул, беззастенчиво рассматривая тролля оценивающим взглядом. — Моя школа!

— Я спрашиваю, какие у тебя отношения с моей невестой, что ты себе позволяешь такое? — Драниш схватил Чистомира за грудки и немного приподнял.

— Никаких, — ответил Дуб, глядя на тролля честными-честными серебристо-серыми глазами чистопородного Сиятельного. — Мы друзья детства. Я ее в пеленках еще помню, так что сексуального чувства она во мне не вызывает. А ты ее настолько хочешь?

Тролль побагровел еще больше, хотя, казалось, дальше некуда.

— Ну... — пробормотал он, опуская Чистомира на землю.

— Но ведь вы не подходите друг другу! — совершенно искренне воскликнул Чистомир. — У вас же темперамент совершенно разный!

— Что ты знаешь про мой темперамент? — проворчал Драниш.

— Да вам, троллям, чтобы вспыхнуть, одной щепки достаточно. А чтобы ее разжечь, нужен целый воз дров. А лучше два. Какая из вас пара?

— Чистомир, — прорычала я, — помолчи, а?

— Ее вывести из себя только я могу, тебе, тролль, этого не удастся. Хочешь посмотреть, какая она будет пылкая в постели? Сейчас покажу.

И прежде чем кто-нибудь из нас смог что-то сделать, Дуб с великолепной сноровкой опытного ловеласа задрал мою юбку и ущипнул меня за бедро. Хоть оно и было спрятано под толстыми вязаными гамашами, реакция у меня была незамедлительная — я влепила ему такую пощечину, что его голова дернулась. Однако Мирик только ухмыльнулся и противным тоном промурлыкал:

— Милка, а Милка, давай я сейчас расскажу троллю, как ты в крапиву голой попой влезла?

Это было одним из самых позорных воспоминаний моего детства, и Чистомир знал, как я ненавижу, когда он об этом вспоминает.

Во мне вдруг распрямилась какая-то пружина, к которой доступ имел только друг детства, и, издав утробное рычание, я кинулась на него с горячим желанием незамедлительно заняться смертоубийством.

Конечно, он был еще слаб после ран и использования магии, иначе мне бы не удалось так легко его завалить на землю и несколько раз хорошенько стукнуть, прежде чем чьи-то сильные руки не подняли меня за подмышки и не поставили на землю, перед этим хорошенько пару раз встряхнув. Чистомир все это время хохотал, как сумасшедший.

Я обернулась, и меня как хлыстом ударил злой взгляд серебристо-серых глаз Ярослава.

— Прекращай, Чистомир, — серьезно и веско сказал он. — Иначе я займусь тобой, и ты пожалеешь, что вчера выжил.

— Ладно, ладно, строгий капитан. Все. Прости, Мила, виноват, не стоило тебя задевать. Но мне так хотелось ощутить, что я все-таки жив! Честно говоря, я вчера днем на это уже и не надеялся. Так, что у нас на завтрак?

— То, что сам приготовишь, — сказал капитан, но готовить конечно же пришлось мне.

После завтрака Волк попросил, чтобы я снова замаскировала наш фургон, приказал всем прочим сидеть тихо, а меня усадил рядом с собой на скамью управления, которая теперь была похожа на козлы крестьянской телеги.

Фургон — нет, воз с хворостом — теперь тащили две меланхоличные лошадки, на создание которых у меня ушла прорва сил. Я, сгорбившись, сидела на козлах, чувствуя, как ноет и вибрирует каждая косточка в моем теле. Странно, но в этот раз заклинание далось мне куда легче, хоть и забрало все силы, и я чувствовала себя такой же беспомощной, как новорожденный котенок, но зато не упала в обморок. Все зависит от практики, конечно, и

жизнь снова подтвердила эту истину. Чем чаще прогоняешь через себя заклинание, тем меньше у тебя уходит магической энергии в никуда или на лишние пассы руками.

— Это маскировочное заклинание великолепно, я никогда с таким раньше не сталкивался, — сказал вдруг Ярослав. — Ты ведь наделила фургон еще и отталкивающими свойствами? Я долго думал, почему вчера нечисть обращала на нас так мало внимания. А он им был просто неинтересен! Как бы нам такое пригодились во время войны! Где ты научилась этому?

— У каждого человека должен быть свой конек, — ответила я. — Так говорил мой учитель. Вот я для себя и выбрала это заклинание, немного переработала и добавила новых свойств. Пригодилось, не зря столько труда потратила.

— Да.

Я озадаченно посмотрела на капитана. Что означает эхо «да»? Он что, меня так похвалил? Или просто констатировал факт? Или хотел напомнить, что ничего этого не нужно было бы, если бы мы не подобрали по дороге Чистомира?

Внезапно повозка резко затормозила. Я перевела взгляд с Ярослава, на которого неизвестно сколько таранилась, на дорогу. А там...

Там стоял ульдон. Спутать мага-перерожденца с кем-то другим было невозможно. Черная мантия, в карманах которой были спрятаны кисти рук — я знала, что они у ульдона неестественно вытянутые, с длинными крючковатыми пальцами. Аура опасной, непривычной магии. Страшный взгляд глаз с огромными черными зрачками, почти не оставившими места для белков. Узкое лицо, обтянутое светлой, будто бумажной кожей. Черные волосы, больше похожие на жесткую конскую гриву, чем на человеческую шевелюру.

Ульдон молчал, молчали и мы. Чувствуя, как над нашими головами собираются угрожающие жизни тучи, я решила не дожидаться грозы и спросила:

— Что га-аспадин хороший желает?

Ульдон достал из кармана руку и молча поманил к себе пальцем. Ярослав начал было подниматься, но я слегка отстранила его рукой и слетела на дорогу, упав перед ульдоном на колени. Схватила мантию из мягкой на удивление ткани и судорожно ее поцеловала, придав лицу максимальное выражение подобострастия.

— Га-аспадин хороший, простите нас, мы люди простые. Едем себе на рынок, хворостом торгуем. Дома ребятишек пяток, не сиротите их!

— Чего он молчит? — прошелестел ульдон, указав на Волка.

Если Ярослав заговорит, то своим благородным выговором нарушит всю нашу конспирацию.

— Немой он, га-аспадин хороший, немой-то муж мой. Не гневайтесь, га-аспадин хороший, может, вам хвороста надобно? Нету больше ничего, совсем нету, дома детки и старуха-мать, га-аспадин хороший!

Я стояла коленями в пыли, и по моим щекам текли настоящие слезы. Только бы он не почувствовал! Только бы не понял, что повозка ненастоящая! Кажется, я замаскировала все следы магии достаточно хорошо, но ведь это маг-перерожденец! Кто их знает! Только бы он не узнал, что внутри Чистомир! Как ни злил меня порой этот наглый и развратный тип, но он был моим другом детства и тоненькой ниточкой связывал меня с тем прошлым, когда у меня было все хорошо, когда не нужно было валяться на дороге, унижаясь перед незнакомым магом, дрожа от ужаса.

— Отстань! — Он пнул меня подкованной туфлей в бок, заставив упасть и скорчиться от боли, и взлетел вертикально вверх, прошелестев мантией.

— Вставай. — Волк помог мне подняться. — Очень больно? Идти сможешь?

— Все терпимо. — Я похромала к фургону.

— Не расслабляйся, — тихо сказал Ярослав. — Он тут где-то рядом, я его чувствую.

Я села на козлы, и мы медленно поехали, имитируя скорость неспешного хода крестьянских кляч. Меня била мелкая дрожь, голова кружилась, я молилась только об одном:

чтобы моего умения и магии хватило продержаться заклинание до того момента, как ульдон от нас отстанет.

— Я забыл спросить, — прошелестел рядом голос, и я с визгом подскочила. Рядом на козлах как ни в чем не бывало сидел ульдон, нахохлившись, как старый ворон на плетне. — Вы тут нигде не видели мужчину в ярком плаще и с гитарой?

— Нет, — пролепетала я, — простите, га-аспадин хороший, мы простые люди, хворост собираем, на рынке торгуем, чтобы детишек прокормить, простите, ничего не видели.

Ульдон взял мой подбородок своими холодными-холодными пальцами и поднял лицо — так, чтобы я смотрела в его хищно прищуренные черные глаза.

— Простите, га-аспадин хороший, — я смаргивала слезы, но они все катились и катились, — пощадите, век на вас молиться будем, пощадите! Или убейте меня, если надо, без мужа детки совсем с голоду пропадут...

Он повертел мою голову в разные стороны, пристально рассматривая. Я уже начала рыдать по-бабьи, с подвываниями, как он снова оттолкнул меня и скривился:

— Дура. Ладно, живи, что с тебя возьмешь.

Он снова бесшумно взлетел, на лету трансформируясь в огромную черную птицу, чем-то напоминающую крука.

— Все, — сказал капитан сдавленно. — Улетел. Все.

Я перегнулась вниз — Ярослав только и успел поймать за свитер, чтобы я не кувыркнулась на ходу на землю, — и меня стошнило.

— Ну-ну, — приговаривал он, легонько похлопывая меня по спине. — Ну-ну, все уже в прошлом. Ты очень смелая, молодец, девочка, ну-ну...

Фургон остановился. Капитан передал меня в теплые и уютно-успокаивающие объятия тролля и вошел внутрь.

— Рассказывай, — сказал он Чистому. — Почему за тобой гоняется нечисть и ульдоны?

— Один ульдон, — возразил Дуб. — Он, видишь ли, ужасно на меня зол за то, что я соблазнил его дочку и слинял.

В фургоне воцарилась такая зловещая тишина, что мне показалось, что с ульдоном рядом было бы сейчас куда комфортнее.

— Что? — после небольшой паузы тихим голосом спросил капитан. — Что ты сказал? Ты совратил дочку ульдона?

— Ну да. — Голос Чистому был полон гордости.

Драниш прижал мою голову к своей груди, лишив меня возможности наблюдать за происходящим. Раздался резкий звук удара. Я ужом вывернулась из объятий тролля и кинулась к Мирику, который сидел на полу, вытирая кровь из разбитой губы.

— Ты же говорил мне, что ты замешан в делах королевской важности! — прошипел Волк. Он был страшен в гневе, но я раскинула руки, преграждая ему доступ к своему другу.

— Ты простой, Ярослав, как крестьянская ложка, — ответил Чистомир. Он поднялся, потряс головой, потер лоб и аккуратно отодвинул меня в сторону, смело становясь напротив капитана. — Разве не знаешь, что самые важные сведения добываются при помощи постели? А ты чуть что, сразу драться. Даже бестолковый гном догадался, что у меня не просто гитара, а ты... Тьфу!

— Не плюйся кровью в фургоне, — менторским тоном сказал целитель, что-то взбалтывая в пузырьке. — Сам пол мыть будешь. На, Мила, выпей, это противоядие от губительной ауры ульдона. Ты молодец, долго держалась. Они же на магов хуже отравы действуют. Может, потому, что ты была магически истощена... О, наконец-то! Могучая у него сила воли, но теперь он готовенький трупик, хе-хе!

Я обернулась назад и увидела, как Тиса открыла рот в беззвучном крике и огромными от ужаса глазами смотрит на лежащее на полу тело капитана.

Не просить о помощи, когда она вам нужна, — верх идиотского поведения. Не факт, конечно, что помощь вам окажут, зато вы умрете со светлой мыслью, что сделали для своего спасения все возможное.

Целитель Даезаэль Тахлаэльбрар читает лекцию на курсах по выживанию

Ветер неистово бил в стены фургона. Погода вновь резко менялась, и на этот раз нас ждала гроза — я знала это, чувствовала каждой клеточкой тела и с ужасом ждала предрассветного часа, когда обычно бушуют самые сильные бури. Гроз и того безумия, что они несли для меня, я боялась всю жизнь, причем боялась так сильно, что в детстве во время ненастья со мной рядом неотлучно находились няня и начальник охраны, огромный и невероятно сильный мужик, тогда казавшийся мне сказочным великаном. И только ему я могла довериться во время непогоды настолько, чтобы быть уверенной, что я переживу происходящее и смогу встретить завтрашний день. Слуги поговаривали, что это все оттого, что меня в детстве украли громовицы — ведьмы, которые летают на тучах во время грозы и воруют детей, которых оставили без присмотра, а потом возвращают их за большой выкуп. Официально данный факт никто не подтверждал, а няня вообще категорически его отрицала.

Кажется, всех остальных обитателей фургона приближение ненастья совершенно не волновало. Все спали так же, как и в любую другую ночь, только Ярослав сидел, привалившись к стенке и прикрыв глаза. Его страшно мутило, и я сидела рядом с глубокой миской, влажными полотенцами и ледяной водой в чайнике, готовая сразу же оказать помощь. Нести пост возле болящего мне велел эльф.

— Эта история закрутилась из-за того, что вы с троллем подобрали в кустах Чистомира, — заявил он. — Поэтому жертвовать своим драгоценным сном ради того, чтобы ухаживать за капитаном, не буду, я и так уже сделал все, что мог. А ты сиди рядом и заглядывай ему в лицо преданно-взволнованным взглядом. Мужики от такого выздоравливают лучше, чем от лекарств.

— Почему это я должна рядом с ним сидеть? Почему не Тиса? — вяло попыталась я отказаться от «почетной» обязанности заглядывать капитану в глаза.

— Потому что рядом с ним должен быть человек, который умеет держать себя в руках, — ответил эльф, бросая на воительницу презрительный взгляд.

Впрочем, не только Тиса, но и остальные значительно упали в глазах целителя после того, как капитан потерял сознание.

Тогда в фургоне начался форменный хаос. Тиса трясла тело капитана и рыдала, захлебываясь слезами. Тролль схватил за грудки Чистомира и вопил:

— Лучше б я тебя не спасал! Все из-за тебя! Из-за тебя!

Персиваль спрятался в углу под одеялами, и оттуда раздавался уже привычный противный скулеж на одной ноте, от которого нестерпимо начинали ныть зубы. Я совершенно растерялась и не могла решить, что делать — спасти ли капитана, утешать ли Тису или попытаться разнять дерущихся Драниша и Чистомира.

Только Даезаэль сохранил спокойствие и мурлыкал себе под нос, смешивая снадобья:

— Травиночка к приправке — будет славная отравка!

Для меня это означало: эльф совершенно никудышный стихотворец, зато прекрасный хладнокровный целитель. Поэтому я перестала бестолково крутить головой, разрываясь в желании помочь всем сразу, и сосредоточилась только на Даезаэле.

— Уйди, женщина, мешаешь! — Он пнул Тису в бок с такой силой, что она отлетела. — Мила, не стой столбом. Поднимай ему голову и открывай рот. Быстрее!

Я кивнула и принялась за дело. Пока мы вливали снадобье в рот капитану, Тиса присоединилась к гному, и они стали скулить в унисон. От этого ужасного звука зазвенело в голове и начало стрелять где-то в ухе.

— Если вы все не успокоитесь и не заткнетесь, я не буду помогать Волку, и он умрет в

страшных мучениях, — тихо сказал целитель, но, как ни странно, его услышали, и в фургоне тут же наступила гробовая тишина.

— Искусственное дыхание и непрямой массаж сердца умеешь делать? — спросил меня Даезаэль. — Хорошо, этим и занимайся. Чистомир, мне нужна твоя сила.

— Зачем? — заикнулся было Дуб.

— Затем, что капитан мог бы вполне сдать тебя ульдону, а он рисковал своей жизнью, выгораживая тебя! — завопил тролль. — Ты думаешь, он не знал, что присутствие ульдона отравляет его?

Судя по ошарашенному виду Чистомира, он именно так и думал, поэтому безропотно опустился на колени перед целителем. Даезаэль выхватил у капитана из ножен кинжал, с которым Ярослав никогда не расставался, и полоснул Чистомира по запястью. Парень даже не поморщился. Потом эльф сделал надрез на запястье у капитана, соединил ранки и мелодично, в ритме сердцебиения, запел заклинание. Я поняла, что мои услуги больше не понадобятся, и тихонько поднялась, сделав знак остальным, чтобы они убирались из фургона.

— Что там происходит? — накинулась на меня Тиса, как только мы отошли на достаточное расстояние от повозки.

— Магическая энергия в теле мага наполняет его всего и циркулирует по телу, как кровь. Ульдон действует на магию так, будто на человека упал огромный валун: кости, кровеносные сосуды, мягкие ткани — все всмятку. Только в этом случае прерываются и перепутываются магические потоки. Для мага, даже если он очень редко пользуется своей силой, это смертельно, — как смогла объяснить я. — Даезаэль сейчас пытается потоки соединить и восстановить, для этого ему и нужна сила Чистомира, ведь у эльфов совсем другая магическая природа, на них ульдоны не действуют. Мирик сейчас для капитана ну... как вода в жажду, что ли.

— И у нас на руках будет два трупа, — вздохнул тролль. Он сидел на корточках, понурившись и свесив голову между коленей. Голос его звучал глухо.

— Не будет, — возразила я. — Вчера Чистомир пользовался силой Дома, в нем энергии хоть отбавляй! На двоих точно хватит.

— Знаете, что странно? — сказал тролль, подняв голову, и его карие глаза угрожающе сверкнули. — Если Дуб, как он сказал, соблазнил дочку ульдона, то почему на него не подействовала их сила? Не думаю, что дочка ульдона сильно от своего папаши отличается. Где-то этот гад определенно соврал, и его ждет серьезный разговор.

— Он ни в чем не соврал, — вмешался гном, на которого никто до этого момента не обращал внимания.

Мы обернулись. Персиваль сидел неподалеку в обнимку с любимой гитарой Чистомира и любовно ее поглаживал по изогнутому боку.

— Вы думаете, это просто гитара? Нет, это мощнейший артефакт, очень древний. Я думал, его секрет давно утерян. Ульдонам такая мощь и не снилась, да. Эх, жаль, что вы спасли Чистомира, надо было ограничиться только одной гитарой.

— Ты что сказал? — негромко спросила я, чувствуя, как во мне закипает бешеная, почти неподвластная контролю ярость. — Что вы все несете уже два дня? Ты! А ну дай сюда гитару и не смей прикасаться к ней своими лапами! Ты! Да, Драниш, я к тебе обращаюсь! Я не просила тебя спасти Чистомира, ты сам это решил, так что, будь добр, замолчи, и чтобы я больше никогда от тебя не слышала, что ты жалеешь о том, что его спас. Ты! Да, ты, Тиса, Чистомиму недостойна даже сапоги чистить, а туда же, изображаешь, что ты его ненавидишь, только потому, что твой обожаемый капитан когда-то не поступился своими замшелыми принципами и Мирик увел у него невесту. Да, да, Тиса, что ты уставилась? Ты не думала, что я такое знаю? Я знаю, что если бы не Чистомир, то ты бы сейчас служила нянькой у кучи сопливых Волчат. Или стояла бы на страже около спальни, из которой раздавался скрип кровати и стоны. Так что ты должна спасибо ему говорить, а не кривиться! И если вы еще раз посмеете оскорбить Чистомира, то вам не поздоровится. И не надо такое

лицо делать, Тиса. Ты еще не знаешь, на что я способна!

Оказывается, в конце речи я уже просто кричала во весь голос. У меня тряслись руки от желания сделать больно им всем, которые так просто рассуждают о том, что не стоило спасать жизнь человеку. Тиса нахмурилась и слегка отступила, делая больше расстояние между нами. Драниш поднял было руку, но не решился ко мне прикоснуться. Вырвав гитару из рук гнома — он от силы рывка не удержался на ногах и неловко завалился на бок, — я, скрипя зубами от ярости, отправилась в лес, подальше от всех. Жаль только, что от себя не убежишь, как ни старайся.

Сев на поваленный ствол, я принялась бездумно перебирать струны, пытаюсь успокоиться и загнать подальше все мысли и воспоминания, которые не нашли лучшего момента, чтобы вылезти на свет из темных подвалов, в которых прятались. Струны резали подушечки пальцев, они уже отвыкли от игры на гитаре, а я все сильнее прижимала их к грифу, чтобы заменить ярость на боль.

Постепенно музыка успокоила темных существ в моей душе, и я начала наигрывать знакомую веселую мелодию, которую когда-то придумал Чистомир после особенно удачно проведенной ночи, а потом мурлыкал каждый раз, когда ему удавалось удачно потискать очередную служанку. Странно, но я до сих пор ее помнила, пальцы сами скользили по струнам. Внезапно меня крепко обняли чьи-то руки, и ласковый голос произнес, щекоча дыханием ухо и шею:

— Как твой учитель, я тобой недоволен. Сколько времени ты не брала в руки гитару? Навыки совсем потерялись, струны не звучат, и — ты посмотри на свои пальцы! Подушечки будут долго болеть. А как твой друг, я должен, наверное, поблагодарить тебя за то, что ты меня защищаешь... Но не буду, а то еще загордишься. Вставай, хватит нюни распускать. Там твой женишок уже чаю тебе заварил, боится, наверное, идти тебя успокаивать.

— Ничего он не боится, — возразила я, — он просто не такой бесцеремонный, как ты, и дал мне время побыть в одиночестве. Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — заверил меня Чистомир, — у меня даже ранки не осталось. И Ярослав жить будет. Ваш эльф хоть и странноватый, но целитель хороший.

— Кто из нас не странноватый? — спросила я.

— Вот именно! — Мирик легонько погладил меня по щеке, закинул гитару на плечо и пошел обратно к дороге, где ребята уже успели разбить лагерь.

Я догнала парня и взяла его за руку. Он сжал мою ладонь, и по моему телу пробежала теплая и спокойная волна.

— Ты, кстати, в мелодии дважды сфальшивила, — сказал вдруг Чистомир.

— Что? — удивилась я, вырванная из своих мыслей. Отвлечшись, не заметила коварно выступающий из земли корешок, и споткнулась.

Мирик попробовал меня удержать, но все же силы у него были еще не те, и мы вдвоем полетели кубарем в небольшой овражек, ломая кусты и собирая на себя опавшую листву. Пока я пыталась отряхнуться, Чистомир хохотал во все горло, будто пятилетний мальчишка. Я недоуменно посмотрела на него — что тут смешного, ведь больно же! — а потом сама рассмеялась, и смеялась до тех пор, пока на глазах не выступили слезы.

— Пойдем, — отсмеявшись, сказал мой друг. — А то чай остынет и я снова окажусь виноватым.

— Где вы ходили так долго? — недовольно спросил нас эльф. Он выглядел очень и очень уставшим, даже кончики ушей под золотистым пухом волос поникли. — Мила, хватит отлынивать от обязанностей! Давай займись готовкой.

— Уже, — кивнула я, копаясь в припасах.

— Я тут работаю в поте лица, спасаю жизни, а они какой-то ерундой в лесу занимаются! — бурчал Даетаэль. — И грязные такие, небось ползут потом в фургон отдыхать от своих утех, мусора нанесут.

Драниш никак не реагировал на подначки и молча топориком обрубал ветви с огромного сухого ствола, который притащил для костра.

— Даезаэль, что ты бурчишь, как старая бабка? — удивился Чистомир, умело чистивший картошку на суп. — Тебе что, завидно?

— Мне не завидно, — скрипуче сообщил эльф. — Вы по земле катаетесь, а мне потом роды принимать.

Драниш аккуратно сложил ветки, поднялся и, все так же ничего не говоря, подошел ко мне и стал осторожно выбирать листочки и веточки из моих волос.

— Ты что же, совсем не ревнуешь? — чуть ли не с детской обидой спросил Мирик.

— А зачем? Ты мне сказал, что вы с Милой только друзья детства. Я верю вам обоим.

Чистомир закатил глаза.

— Тут он тебя уел, — с ехидцей сказал целитель, — а жаль, было бы интересно на драку посмотреть. Ну да ладно, я свою порцию развлечений еще получу.

Я посмотрела на эльфа. Он с удовольствием откинулся на вещи и с нескрываемым удовольствием смотрел куда-то за наши спины. Я как бы невзначай повернула голову и увидела, как Персиваль, с горящими от жадности глазами, на цыпочках крадется к гитаре Чистомира, небрежно брошенной на охапку хвороста. Протянутые к гитаре руки подрагивали от едва скрываемого вожделения. Зрелище было ужасным, меня аж передернуло.

Мирик ничего не замечал, всецело поглощенный закипающим супом. Лишь иногда бросал задумчивые взгляды на тролля, который продолжал педантично выбирать мусор из моих волос и одежды. У меня по спине и шее бегали мурашки, было очень приятно и почему-то слегка жутковато.

— Ну вас, — сказал вдруг друг детства, — голубки. Сиди, Мила, наслаждайся и не отвлекайся, я сам суп сварю, да так, что даже капитан не придерется, хотя ему сейчас есть все равно нельзя, но хоть понюхает и позавидует.

Готовил Мирик прекрасно, это я знала еще с детства — суровые родители частенько оставляли шкодливого отпрыска без обеда или ужина. А иногда, за особые провинности, маленький Сиятельный голодал сутками, раздумывая о своем поведении, — такой была официальная версия. Но на самом деле мальчик после первого же наказания украл в замковом гарнизоне котелок и столовые приборы, нашел себе уютную пещерку в лесу и там отсиживался после проказ, с аппетитом поглощая еду, собственноручно приготовленную из заранее припасенных продуктов.

Тем временем рука Персиваля прикоснулась к гитаре. В тот же момент Чистомир обернулся и метнул в гнома кинжал.

Брямц! — инструмент свалился с хвороста.

— А-а-а! — завопил Персик, тряся окровавленной кистью.

Я даже не успела ахнуть, как Мирик единым, по-звериному плавным движением перемахнул через обрубок сухого ствола и сваленные вещи и оказался рядом с гномом.

— Если ты, пакостник, еще раз хоть дотронешься до моей гитары, я тебе руки отрублю по самые локти, — серьезно сказал Дуб, подбирая кинжал и вытирая его о траву.

— Я то-о-олько посмотре-э-эть хоте-э-эл! — рыдал Персиваль. — Моя рука! Бо-о-ольно!

— Ты идиот! — рявкнул эльф. — Он же занимается ремонтом артефактов, а ты ему руку ранил! Да еще и правую!

— Ты предпочитаешь, чтобы я ему глаз выколол? — серьезно спросил Чистомир. — Ему уже неоднократно говорили, чтобы не смел трогать гитару!

Гном посмотрел на обидчика и внезапно оборвал завывания. Вместо привычного балагура он увидел перед собой наследника древнего рода Сиятельных. Когда Чистомир играл кинжалом, который вертелся и скользил между его ловких пальцев, ярко вспыхивая изумрудом в виде листка дуба на рукояти, его выражение лица было куда суровее капитанского. И что самое страшное, Дуб был способен за гитару без содрогания как выколоть глаз, так и зарезать на месте. А потом присесть у костра и снова шутить и смеяться, помешивая суп.

— Я б-больше не б-буду, — пролепетал Персиваль, прямо на глазах съеживаясь и пытаюсь уменьшиться в размерах.

— Иди сюда, я промою тебе рану, — сказала я.

— Нет. Я запрещаю, — холодно сказал Чистомир, водружая гитару обратно на кучу хвороста. — Нечего. Сам провинился, теперь пусть сам страдает.

— Если так рассуждать, то мы должны были оставить тебя там, на поляне, — спокойно возразила я. — Сам виноват, сам и разбирайся с разгневанным ульдоном.

Чистомир смерил меня пристальным взглядом. Я равнодушно это выдержала — его высокомерный и ледяной взгляд я научилась выдерживать, еще будучи девочкой. И, откровенно говоря, Мирику было далеко до Ярослава, перед которым у меня дрожали поджилки и всегда хотелось упасть на колени и заползти в норку.

Наш молчаливый поединок прервало шипение сбежавшего супа. По поляне разнесся приятный запах испарявшегося на углях бульона.

— Дрыхли бы тебя побрали! — от души выругал Чистомир перепуганного гнома и бросился к котелку.

— Исцелять гнома не буду, — предупредил эльф, закрывая глаза. — Я вообще спал и ничего не видел.

— Я так и поняла, — буркнула я, доставая сумку с лекарственными снадобьями. — Иди сюда, Персиваль.

— Чистомир, а гитара твоя от такого обращения не испортится? — спросил тролль.

— Нет, она может испортиться, только когда ее всякие лапоть своими клешнями будут, — ответил Мирик. — Сейчас закончу с готовкой, и мы с Милой споем. Ее гитара любит. Да и вообще, Милу сложно не любить, правда, Драниш?

— Я ее не люблю, — встрял целитель, продолжавший притворяться спящим.

— Конечно, котю невозможно не любить. А ты спи там и не высовывайся, — посоветовал тролль.

— Я во сне разговариваю, — капризно сказал Даезаэль. — И вообще, я тоже мужчина, поэтому мое мнение также должно учитываться.

— С такой прической ты лишен права мужского голоса, — со смешком сказал тролль.

Оказалось, боевыми талантами у нас обладали не только воины, но и целители тоже. Драниш едва успел уклониться от пролетевшей мимо жестяной миски — первого, что попало в руки взбешенному эльфу.

— Дождешься у меня, — прошептал он, сверкая глазами.

— Прости, — искренне сказал Драниш. — Не смог сдержаться. Эй, Даезаэль, извини меня! Не хочу, чтобы мы косились друг на друга, все время ожидая какой-нибудь гадости.

— Тролль неправ, — внезапно сказал Чистомир. — Как мужчина, ты с такой прической вдвойне привлекательней.

Мы все, даже Персиваль, с удивлением уставились на Мирика.

— Поверь, я в соблазнах толк знаю, — продолжал он. — Эльфы, конечно, красивые, но их много, и все они одинаковые. А ты уникален. А у уникального объекта куда больше шансов заинтересовать и понравиться. Так что я бы на твоём месте пользовался этим вовсю.

— С кем пользоваться-то? — вздохнул эльф.

— Тренируйся на Тисе, — предложил Мирик. — Если ты сумеешь ее заинтересовать, то остальных женщин как орешки будешь щелкать.

— Тебе повезло, что она сейчас рядом с Яриком и этого не слышит, — рассмеялся тролль.

После обеда мы устроили импровизированный концерт. Я любила петь, а тем более петь с Чистомиром. Наши голоса удивительно подходили друг к другу. За долгое время, проведенное вместе, мы так часто пели, что эти два года, прошедшие в разлуке, не помешали идеальному звучанию. Даже Тиса высунулась из фургона, оторвавшись от бдения над капитаном, чтобы послушать.

Позволив слушателям как следует увлечься музыкой, Мирик хитро улыбнулся и после

окончания очередной мелодии отложил гитару.

— Давайте еще! — потребовал тролль. — Так красиво!

— Я бы спел еще. — Чистомир выглядел почти расстроенным, и только я заподозрила неладное. — Да вот, боюсь, Мила этого не одобрит.

— Почему это? — спросила я, чувствуя на себе огорченные взгляды.

— Я хотел бы сейчас сыграть «Сердечко», но ведь ты его не любишь... А если ты откажешься петь, это будет совсем не то...

— Ты же знаешь, что я не хочу это петь, — нежно проворковала я, незаметно для окружающих вонзая ногти в левую руку вероломного гитариста.

Тот и глазом не моргнул:

— Но у тебя ведь так хорошо получается...

— Если она не хочет петь, то не надо, — сказал тролль.

— Спой, Мила, пожалуйста, — внезапно попросила Тиса. Ее голос был настолько умоляющим, что я поняла, что меня загнали в ловушку.

«Сердечко» была старинной балладой, невероятно длинной и очень трогательной. В ней рассказывалось про любовь простой девушки и Сиятельного наследника домена. Влюбленные боролись за свою любовь, но у них ничего не вышло. В конце концов девушка выбрала спокойную семейную жизнь с мельником, а Сиятельному пришлось продолжить свой род, женившись на благородной. Всю жизнь они страдают друг без друга и встречаются в посмертии, чтобы никогда не расставаться.

Мелодия заканчивалась такими сложными музыкальными переходами, что далеко не всякий мог ее сыграть и спеть. Зато сумевшему не сфальшивить в награду доставались обильные рыдания слушателей и деньги или красotka в постель, а то и все сразу.

Я не любила эту песню; искусство, на мой взгляд, должно нести только хорошее настроение, в жизни и так хватало всяких бед. Да и мой отец, если слышал, что я ее напеваю, впадал в бешенство — он считал такие произведения опасными для неокрепших девичьих умов. К тому же мне было безумно жаль героев, и я сама никогда не заканчивала песню без слез на глазах, а потом еще долго не могла прийти в себя.

Мирик это знал, но все равно настаивал, чтобы мы ее пели только вдвоем — насколько мне было известно, он никогда и ни с кем, кроме меня, не исполнял эту балладу. Спрашивать, почему это так, мне не хотелось. Наверное, боялась услышать то, что мне никак не понравится и усложнит и без того мою запутанную жизнь.

Сегодня мы собрали неожиданно — для таких слушателей — богатый эмоциями отклик. Персик плакал, не скрываясь, Тиса вообще ревела в три ручья — ну, с ними все было понятно. Но вот то, что прослезится циник Даезаэль, я никак не ожидала.

— Какая красота! — плакал он. — Они умерли! Что за песня! Вот умели же раньше сочинять! Я уверен, что последний куплет про совместное посмертие — это поздняя вставка. Потому что все должно заканчиваться плохо. Но какая песня, какая песня! Я запишу слова!

Даже Ярослав выбрался из фургона и сидел на заднике, прислонившись к стене. Лицо его было в тени, и разглядеть, что он чувствует, я не могла. Однако его взгляд так колол мне между лопатками, что я непроизвольно ежилась.

А вот Драниш смотрел на меня так тепло, что мне стало не по себе. Неужели черноволосый тролль начал находить лазейку в мою душу? Что же делать? Как все это прекратить? И нужно ли вообще это прекращать? Может, побаловать себя, пока есть возможность?

После «Сердечка» мы какое-то время молчали, каждый думал о своем. А потом Чистомир заиграл шутивную песню про ловкого котенка, который то и дело что-то вытворяет, оставляя виноватым то дворового пса, то любимую комнатную собачку хозяйки и даже горластого петуха. К концу песенки настроение поменялось, лица озарились улыбками. Вот за что я всегда восхищалась другом, так это за то, что он в несколько минут был способен кардинально изменить настроение окружающих, как правило, в свою пользу, и делал это виртуозно.

Как только у Мирика заболели пальцы, тролль сурово заявил, что пора заняться физическими упражнениями, и до темноты гонял нас бегом, заставлял отжиматься и подтягиваться. Выполнения упражнений не избежал даже Персиваль, правда, со скидкой на ранение. Дуб тоже не отлынивал, сняв одежду, которую ему пожертвовал Волк — только у него была подходящая фигура и размер, — и оставшись лишь в гномьих подштанниках. Смотрелся он очень потешно, и я веселилась до вечера, и только усевшись готовить ужин, заметила, как ощутимо дрожат после нагрузки руки.

После такого насыщенного дня эльф поручил мне следить за состоянием капитана, а сам завалился спать, посоветовав остальным заняться тем же самым. Упрямую Тису он ткнул пальцем в лоб, отчего она тут же заснула, тряпичной куклой рухнув на пол.

— Завтра под вечер приедем в замок к Сычу, — сказал тролль, волоча девушку на ее место и укрывая одеялом. — Надо явиться на встречу в надлежащем виде, завтра будем драить фургон, пока кто-то из магов его вести будет. Ярик не захочет упасть в грязь лицом перед другом детства, это как пить дать.

И вот теперь я сидела рядом с Ярославом и прислушивалась к происходящему за стенами фургона. Здесь никто, кроме Чистомира, не знал, что грозы для меня опасны, но друг детства спал, широко раскинув руки, приоткрыв рот и мелодично похрапывая. Как бы он ни храбрился, но последние дни выдались для него слишком тяжелыми. Поэтому мне было стыдно будить его в поисках защиты и утешения. Я решила терпеть до последнего и только тогда, когда ситуация станет критической, просить о помощи. Пусть Чистомир еще немного поспит, он это заслужил. А потом ему придется возиться со мной всю ночь.

Очередной порыв ветра так ударил в стенку фургона, что он закачался. Я поежилась и подвинулась поближе к капитану, так, чтобы тело чувствовало его тепло.

Вдалеке ударил гром. Я подскочила на месте, зажав руками рот, чтобы не закричать. Как же я ненавидела ту беспомощность и утрату контроля над собой, которые всегда ждали меня во время грозы! Все еще усугублялось тем, что, потеряв способность здраво размышлять, я могла причинить ущерб фургону и окружающим своим магическим даром. Но нужно еще немного потерпеть, держать себя в руках и сопротивляться безумию до последнего.

Началось!

Судя по тому, что я чувствовала — а в этом я никогда не ошибалась, — гроза приближалась к нам полным ходом. Вот-вот молнии будут бить прямо над нашими головами.

Бабах! Гром как будто вбил раскаленный гвоздь в мой череп.

Я не выдержала и, наплевав на обязанность поменять мокрую тряпку на лбу у капитана, свернувшись в комочек, спрятавшись под одеяло. Этот нехитрый детский прием совершенно не помог — было все так же страшно и больно.

Раздался очередной раскат грома, казалось, прямо у меня над головой. Я содрогнулась всем телом и не смогла подавить вскрик. Паника была уже готова захлестнуть меня с головой, и я проскулила, наплевав на гордость и свою решимость терпеть:

— Помогите! Ай!

Зарождавшийся в горле крик прервало крепкое объятие.

— Тихо, — сказал капитан. — Всех разбудишь. Где у тебя тут голова?

Он помог мне выпутаться из одеяла и скептически оценил мое состояние:

— Да, что-то совсем невесело. После твоих утренних подвигов не думал, что ты чего-то боишься, и уже тем более — обычной грозы. Я думал, их только манерные девицы боятся. И то только потому, что хотят в постель к кому-то забраться.

Клацая зубами и схватившись за голову, я ждала, когда в очередной раз прогремит гром.

— Не бойся, — спокойно и уверенно сказал капитан. — Я не позволю, чтобы с моей подчиненной что-то случилось.

Бабах!

Я пискнула и вцепилась в рукав Ярослава.

— Слабое утешение, да? — пробормотал он. — Знаешь, я никогда не утешал девушек, которые чего-то боятся. Все эти пiski по поводу мышей и обмороки при виде лягушки мне казались несусветной глупостью. Ты боишься мышей, лягушек или темноты?

Я помотала головой, что должно было означать: «Нет, конечно!»

— Ты мне казалась такой смелой, неужели я в тебе ошибся? Ну-ка, соберись! Мила! Я кому сказал? Взять себя в руки!

По крыше застучали первые крупные капли. Я схватилась за рукав капитана уже обеими руками, но смогла подавить горячее желание залезть к нему на колени и засунуть голову под мышку — в такой позе я всегда спасалась от грозы. Пока я еще держалась, но что будет дальше? И как я потом смогу смотреть в лицо Волку? А если кто-то проснется и увидит это? Особенно Тиса! Она же возненавидит меня, и жизни тогда совсем не будет.

— Погоди-ка, это ведь не обычная боязнь грозы, да? Это грозовое безумие? — озабоченно предположил капитан, не делая попыток освободиться от моего захвата. Может быть, он решил, что так ему будет проще. — Я слышал о таком, но никогда не сталкивался. Тебя, наверное, в детстве громовицы похищали?

Я кивнула.

Он вздохнул, понимая, что мы уперлись в тупик. Да, бравый капитан, Сиятельный, никогда не оставался с паникующей и способной потерять разум девушкой один на один, когда ни холодный взгляд, ни приказ, ни окрик не поможет.

Гроза усиливалась. Я зажмурилась так крепко, что перед глазами поплыли разноцветные круги. Меня начало трясти крупной дрожью. Ярослав осторожно, словно на горящие угли, положил мне ладонь на голову и неумело погладил.

— Ярик! — раздался яростный шепот Чистомира. — Что ты, как пацан малолетний, сидишь? Действовать надо. Сейчас она вообще с ума сойдет, тогда кошмар начнется, поверь мне!

Волна радости пробилась сквозь панику. Мирик! Мой драгоценный друг! Он проснулся и сразу понял, что меня нужно спасать.

— Ложись, — приказал Дуб то ли мне, то ли капитану.

Я раскрыла глаза и с удивлением увидела, что капитан повиновался.

— Давай веревку, потом падать в обморок будешь, — шипел Мирик, спеленывая меня одеялом. — Так, хорошо. Держи ее покрепче. Мила, это же твоя первая гроза в этом году, да? Я так и думал. Да держи ее, Ярик, прижимай к себе покрепче! Ты справишься или тролля будить?

Друг детства обвязал меня так крепко, что я с трудом могла дышать, несколько раз перепроверил узлы при свете огонька и уложил меня между собой и Волком.

— Просто красота, — прошептал он, посмеиваясь. — Ты сейчас лежишь между двумя женихами, такими желанными для большинства благородных девиц на выданье! Да любая девушка за это полжизни бы отдала! А у тебя такой кислый вид, что я начинаю сомневаться в своей привлекательности.

Я слабо улыбнулась, благодарная Чистомиру за попытку разрядить ситуацию.

— Не волнуйся, теперь ничего плохого не случится. Почему же ты, дурочка, меня раньше не разбудила? Почему? Я бы тебя тогда поудобнее устроил. Не хмурься — вон смотри, твой капитан так за тебя волнуется, что его даже мутить перестало. Верно, Ярослав?

— Да, — выдавил из себя Волк.

Не знаю, сколько времени мы вот так лежали. На улице вовсю бушевала гроза, и я даже слышала завывания громовиц, но так ли это, спросить у парней не могла — изо всех сил сцепляла зубы, чтобы не стонать. В какой-то момент я отбросила все приличия и уткнулась Ярославу в грудь лбом, ощущая равномерное колебание грудной клетки и наслаждаясь запахом Волка. Он пах, как пахнет любой взрослый, сильный и уверенный в себе мужчина. Я глубоко втянула в себя этот запах, надеясь, что немного от спокойствия капитана передастся и мне.

В какой-то момент я перестала слышать шепот Чистомира, который убеждал меня в том, что все будет хорошо, и даже ощущать ласковые поглаживания его рук. Гроза полностью захватила меня, и я уже ничего не соображала. Мое тело было где-то в фургоне, а душа мчалась по тяжелым грозовым тучам, играла в свете бликов молний и наслаждалась мощью стихии.

А потом в какой-то момент все закончилось, и, совершенно измученная, с невероятно болевшими от судорог мышцами, я провалилась в тяжелый глубокий сон без сновидений, пригревшись на груди у Волка. Кажется, он не возражал или просто был рад, что все закончилось.

— Это что такое?! — Пронзительный крик Тисы ворвался в мой сон. — Что это?

— Успокойся, — негромко велел Ярослав сонным голосом. — Разбудишь.

— А ты... она... вы ночью... — От этого крайне растерянного и полного ревности голоса я окончательно проснулась и сразу поняла, что вызвало такое возмущение у воительницы.

Мы с Волком лежали обнявшись, как страстные любовники. Он обнимал меня обеими руками — наверное, та, на которой я лежала, страшно затекла. И к тому же он еще и по-хозяйски положил на меня ногу!

— Ярик, что происходит? — спросил тролль. — И куда девался Чистомир?

— У Милы было грозное безумие, — объяснил капитан, осторожно вытаскивая из-под меня руку. — Пусть она поспит.

— Я уже проснулась, — хрипло сказала я. Говорить было больно. — Спасибо за помощь.

— Ого! — присвистнул Драниш, присаживаясь рядом со мной. — Как они тебя спеленали! Ты хоть дышать-то можешь? Тебя уже можно развязывать? А я не слышал ничего.

— Это Дуб постарался, — сказал Ярослав, разминаясь. — Видно, у него большой опыт. Он вопросительно посмотрел на меня.

— Да, — подтвердила я. По освобожденному от оков телу побежали тысячи мурашек, ощущение было крайне неприятным. — Это у меня с детства, нам иногда случалось переживать грозу вместе.

— Попей, — предложил эльф, подавая мне чайник. — Ты молодец, хорошо держалась. Я уж было думал, что мне придется вставать и тебя успокаивать, но обошлось. Драниш, разомни ей мышцы.

— Почему ты никому ничего не сказала? — спросил тролль, ласково заглядывая мне в глаза.

Чувствуя, как предательская краска заливает лицо, я ответила:

— Сначала боялась, что меня не возьмут на работу, а потом как-то все недосуг было. А вчера рядом уже был Мирик, и я надеялась, что он меня защитит от самой себя.

— Ну по сравнению с некоторыми ты еще очень даже ничего, — утешил меня эльф. — На всякий случай, раз Чистомир смылся, следующий раз заранее говори мне. Я тебе такую штуку дам выпить, что грозное безумие тебе потом шуткой покажется.

— Чистомир ушел? — нахмурился Волк.

— Ага, рано утром, — подтвердил эльф беззаботно. — Молодец парень. Бесшумно двигается. Кстати, Персик, слышь, он в твоих подштанниках ушел и еще, кажется, парочку прихватил.

— Что? — завопил гном, вскакивая с подушки. — Он унес мамины подштанники?!

— Твои подштанники, — педантично уточнил эльф. — Думаю, на мамины он бы не позарился.

Под привычные причитания гнома я легла обратно. Подушка еще хранила запах Ярослава, и вдыхать его было необыкновенно приятно.

— Поспи, — ласково сказал Драниш, заботливо укутывая меня одеялом. — Я тебя разбужу, если что.

Чистомир покинул наше маленькое общество так же внезапно, как и объявился в нем. Позже утром я нашла в своих вещах записку, написанную его небрежным почерком: «Одобряю». Что он имел в виду, я, как ни раздумывала, так и не поняла.

12

Мужчина, которому женщина говорит «нет», либо плохо подготовился к ее завоеванию, либо недостойн называться мужчиной. Неудачник — это не мужчина, а средний пол. Хочешь быть мужчиной — будь им, тебе за это только спасибо скажут.

Томигост Сыч объясняет Персивалю фон Клоцу теорию покорения женщин

Уже вечерело, когда мы подъехали к замку Сыча. Огромное мрачное строение за неприступными крепостными стенами стояло на высоком холме, окруженном рвом. Пока Ярослав вел переговоры со стражниками у моста, у меня была возможность оглядеться.

Видно было, что хозяин замка тщательно следит за обороноспособностью своего жилища. Вокруг холма было огромное пустое пространство без единого деревца, ров с водой был укрепленным и достаточно чистым, стены также были в прекрасном состоянии.

— Заезжай, — махнул мне капитан.

Решетка, перегораживающая въезд в замок, поднялась абсолютно бесшумно, и я зауважала старого Сыча еще больше. Что бы там ни говорили о его возрасте или о том, что он уже из ума выжил, но замков в подобном идеальном состоянии мне наблюдать еще не приходилось. Хотя, может быть, это заслуга не Сыча, а его сына Томигоста?

Я осторожно въехала на хозяйственный двор, который был необычайно большим, размером с деревеньку. Наверное, обитатели замка могли выдержать долгую осаду, питаясь свежими продуктами, поставляемыми с хоздвора, а может быть, крестьяне просто боялись селиться не под защитой крепостных стен, ведь приграничный район кишмя кишел опасностями.

Вокруг царила обычная для вечера суeta — многочисленная челядь бегала с поручениями, из кузницы раздавались звонкие удары, где-то мычали коровы и покрикивала на них молочница, из пекарни вился ароматный дымок. Мой желудок обиженно заурчал — с утра мы ничего не ели, зато целый день Ярослав наставлял нас в этикете, чтобы мы не опозорились перед его другом детства. Капитан даже заставил нас делать поклоны! Персивалю никак не удавалось склониться под нужным углом, одновременно следя за правильным положением ног и рук, а вот Тиса делала даже самые сложные реверансы с необыкновенным изяществом. Наверное, тайком практиковалась, без тренировки такое выполнить невозможно.

Волк приказал поставить фургон у стены, за которой начинался военный двор, — широкая повозка просто не проехала бы в ворота.

— Хозяева уже нас ждут, — сухо сказал Ярослав, доставая из сумки новую рубашку и камзол. — Одевайтесь поприличнее. Персиваль, расчеши бороду.

— Капитан, — робко сказала я. — Можно, я не пойду?

— Почему? — удивился тролль, который скептически рассматривал мятую сорочку, ради разнообразия украшенную вышивкой, а не пятнами. Наверное, она у Драниша была парадной, но, судя по выражению на лице, тролль в этом сомневался. — Ты же дружишь с Чистомиром, значит, благородные для тебя не в новинку.

— Я... я очень плохо себя чувствую. — Я умоляюще посмотрела на эльфа. Он бережно надевал на голову расчесанный и заплетенный в уйму косичек парик.

Только бы Даезаэль меня поддержал! Только бы меня не заставили идти в замок!

— Пусть остается, Ярослав, — сказал эльф. — Так будет лучше. Поверь мне, целителю, тут дело серьезное.

— Может, мне побыть с тобой? — заволновался тролль.

— Нет, нет, спасибо, — горячо запротестовала я. — Мне просто нужно немного полежать. Я надеюсь, что хозяева замка не сочтут это за оскорбление.

— Вещи посторожи, — посоветовал Даетазель. — А то тут такой народ... Глазки так и бегают по сторонам, а руки тянутся что-нибудь стянуть.

— У Сычей в замке не воруют. — Ярослав едва сдерживал нетерпение. — Ну, уже переоделись? Идемте.

Когда все ушли, я активировала защитные артефакты на фургоне и прогулялась к пекарне, где купила себе за пару мелких монеток упоительно вкусные булочки, только что из печи, а заодно узнала последние сплетни. Оказывается, сегодня в замке будет даваться бал, на который съехалось множество гостей. Уже неделю шла череда праздников, приуроченных к цветению первых заморских цветов в оранжерее, и дворянство всей округи веселилось до упаду.

Добродушный пекарь, радуясь внимательной слушательнице, трещал без умолку. Болтовня совершенно не мешала ему ловко управляться с тестом и огромной печью и даже регулярно отвешивать подзатыльники зазевавшемуся помощнику, который то дрова забудет подкинуть, то из кладовой не поспешит принести необходимые ингредиенты для начинки.

— А что у вас с нечистью? — осторожно поинтересовалась я. — Все-таки приграничный домен!

— Да мы же не у самой границы! — махнул рукой пекарь. — И боги милуют, нет у нас никого, благодать. Сиятельный-то наш порядок навел, к нам и сунуться боятся. У самой границы еще что-то случается, да и то редко. У нас знаешь какая армия! У нас такая армия, что любая нечисть разбегается! Каждый парень хочет служить под флагами Сиятельного, да... Мой сын там служит, нечисть гоняют только так. Старик у вон тапки зимние из шкуры волкодлака, теплые-теплые, подарил! И суставы теперь не болят.

— Хороший у вас сын, — искренне сказала я.

— А то!

— А молодой хозяин помогает отцу? — плавно перевела я разговор.

— Нет, не повезло ему с сыном. Парень все больше по гулянкам да по пьянкам, девиц наведет полный двор, и хороводы водят до ночи, а потом по сеновалам валяются, честным людям спать мешают. А все потому, что хозяйка наша, покойница, пусть ее посмертие будет легким, любила его очень. Я как своей жене говорил? Бей сына чаще, и вырастет из него правильный человек. А хозяйка уж очень за Томиком бегала, прям надышаться не могла. А как померла, так и пошел парень вразнос, гулянки за гулянками, ни помощи отцу, ни утешения на старости лет. Все приходится старику самому тянуть. И ведь жениться не хочет, представляешь! Уже подарил бы отцу внуков, какое-никакое утешение.

— Так, может быть, за него замуж никто не хочет идти? — предположила я, запивая булочки сладким парным молоком. Так вкусно я уже давно не ужинала.

— Как это не хочет? Он же благородный! Сиятельный! Наследник домена! За таких все хотят замуж! А наш молодой хозяин просто лоботряс. Вот и вся причина. Не то что мой сын... Только он не благородный, просто сын пекаря, кому такой нужен, только попользоваться...

— Но почему же, — возразила я. — У вас достойная профессия.

— Мой сын достоин большего, чем просто соседская девчонка. — Заботливый отец горько вздохнул. — Не зря же я его так часто в детстве лупил. Да вот этим аристократкам только благородных подавай, а сами нищие, платья залатанные и одна пара обуви на двоих, эх...

Пекарь пригорюнился, подперев голову рукой, белой от муки.

— Я уверена, что ваш сын еще найдет свое счастье, — приободрила я его. — Тем более если вы его хорошо воспитывали.

Внезапно двери пекарни с грохотом распахнулись и к нам ввалился огромный круглолицый детина, на котором нелепо смотрелся шлем, а обычный меч казался кинжалом.

— Папаня! — прогудел он. — Меня сменили. Жрать хочу!
— Сейчас, — засуетился пекарь. — Посиди пока. Вон с девушкой познакомься.
— Здравствуйте. — Парень уселся рядом, загнав меня таким образом на край скамьи, в самый угол комнаты. Бежать мне теперь было некуда, разве что нырять под стол. — А ты с капитаном Волком прибыла, да?

— Да. Я — Мила Котовенко.

— О, Котовенко, — заулыбался сын пекаря. Зубы у него были крупные, как у коровы, крепкие, а передние немного сколоты. Ужасом, наводимым своей улыбкой, он вполне мог посоперничать с троллем. Впрочем, размерами и силой тоже. — А я Гусла Сычовенковский.

И он мне подмигнул.

— А ты ниче так деваха, — искренне сказал он, приступая к трапезе, поданой пекарем. Похлебка из огромной миски исчезала с невероятной скоростью. — Ты мне сразу понравилась. Ты же из богатеньких, сразу видно, ручки тоненькие, нежные.

Моим рукам уже второй раз делали комплимент, и оба раза ни ситуация, ни ухажеры меня совершенно не радовали.

— Я, наверное, пойду, — робко сказала я, делая попытку подняться.

— Ты че? Сиди. Папаня, дай Миле че-нить.

Пекарь, плотоядно улыбаясь, поставил передо мной миску с маковыми крендельками.

— Ты смотри, смотри, какой у меня сын. Мужчина что надо. Для незамужней девушки защита и охрана всего наследства. Как за каменной стеной будешь.

— Спасибо, — сказала я. — Но у меня уже есть одна стена на примете.

— Мой сын лучше. — Поколебать уверенность пекаря в превосходстве сына перед другими мужчинами было невозможно. Мне даже взгрустнулось — это же надо, какая сильная родительская любовь! Вот бы всем детям так везло!

Я решила оставить бегство на самый крайний случай, тем более что мне было интересно, как поведет себя дальше дамский угодник, которого использовали аристократки, приезжавшие на празднества, устраиваемые Томигостом.

— Вы же не надолго сюда, да? — спросил Гусла.

— Как капитан решит, но думаю, что долго мы здесь не задержимся. У нас работа, график...

— Ясенько. А я вот жениться надумал... Возраст уже, да и положение. Меня скоро десятником сделают.

— Это замечательно. — Я попыталась выдавить из себя хоть капельку энтузиазма.

— А ты ж вот не замужем... — Отец и сын смотрели на меня одинаковыми большими телячьими глазами с белесыми ресницами.

— Откуда вы знаете? — попробовала отшутиться я.

— Да какой же муж потерпит, что его жена по стране катается? Но ты подумай... — намекнул пекарь.

— Смотри, а? — Гусла задрал рукав и показал мускулатуру. — Мне из колодца хоть пять ведер сразу принести не проблема! Хоть шесть!

— Мила! — раздалось на улице. — Мила!

— Я здесь! — крикнула я с заметным облегчением.

Драниш вошел в пекарню и, бросив на меня короткий взгляд, задумчиво устался на пекарского сына. Тот набычился, сразу каким-то особым мужским чутьем почувствовав в тролле конкурента.

— А я тебя везде ищу, — сказал Драниш, не сводя глаз с Гуслы. — Нас Томик пригласил на бал, капитан велел тебе тоже идти. А то из Тисы танцовщица, как из меня бабочка. Может, выпустишь девушку уже, а?

— А че? — спросил бравый стражник. — Она сидит себе, обедает.

— Я уже поела, — пискнула я. Только драки с местным населением не хватало! Я и так капитану слишком много проблем создаю, драка в замке его друга вряд ли улучшит наши отношения.

— Ты слышал? — спросил тролль.

— А ты кто тут вообще такой? — не сдавался Гусла.

— Капитан королевской армии его величества Вышеслава Пятого Драниш Рых.

Строевой подготовкой в замке Сыча занимались серьезно. Услышав звание тролля, стражник вскочил перед ним навытяжку, почтительно выпучив глаза. Я проскользнула между ним и столом и спряталась за надежную и родную спину тролля.

— Вольно, солдат, — сказал Драниш командирским тоном и уже по-свойски добавил: — Еще раз хоть глянешь на мою невесту, zenки выколупаю.

Гусла так неистово закивал, что я даже испугалась, что у него сломается шея.

— Да за тобой, котя, глаз да глаз нужен, — заметил тролль, пока мы шли к фургону. — Не успеешь отвернуться, как к тебе уже липнут какие-то типы. То стражники, то друзья детства, то с кинжалом к горлу... Мне прям надбавки за повышенную бдительность положены.

— Наверное, — невпопад задумчиво ответила я. — А ты что, тоже капитан?

— Ну да, разве не знала? — удивился тролль. — Я же тебе говорил.

— Наверное, прослушала, — повинулась я. — Просто я почему-то решила, что ты званием ниже Волка.

— Да не, — беспечно ответил он. — Я вообще-то выше его по званию, но оно мне не надо, так что я даже в командный пункт за его присвоением не пришел. Я лучше с Яриком рядом, друг за дружкой присмотрим. А быть генералом... Брр! Таскаться на всякие совещания, разработки тактики и стратегии, ругаться по ерунде, кто у кого обоз с колбасой перехватил... это не по мне.

— Так ты — генерал? — ахнула я.

— Нет, конечно, даже полковника не получил. Но если ты хочешь быть генеральской женой, то я, как закончим объезд сектора, съезжу в ставку командования, приму повышения. Собирайся на бал, тебе помочь? Платье там натянуть... Пуговицы застегнуть.

— Драниш, я не пойду на бал, — сказала я. — Я плохо себя чувствую.

— Ага, я заметил.

— Мне просто есть захотелось, — оправдывалась я. — А потом пришел пекарский сын, а потом сразу ты меня спас. А на самом деле я себя ужасно чувствую, мне очень надо полежать.

— Ярик будет злиться, — предупредил тролль.

— Посещение балов не входит в мои служебные обязанности, — упрямо сказала я, но сразу же с нежностью умоляюще посмотрела на Драниша, понимая, что мне крайне нужен союзник. — Пожалуйста, разве ты не понимаешь, как в некоторые дни женщине очень важно просто полежать?

На лице парня отразилось недоумение, он похлопал глазами и неуверенно сказал:

— Ну если тебе действительно так надо... Да и целитель согласился с тем, что тебе надо полежать... Хорошо, я побуду с тобой, пусть Ярик на нас обоих злится, тогда каждому меньше достанется.

— Спасибо! — Я чмокнула тролля в щеку. Он расплылся в улыбке:

— Тебе не кажется, что наши отношения в последнее время претерпели некоторые изменения?

— Так оно и есть. — Мы уже стояли около фургона, и я протянула руку, чтобы Драниш помог мне взобраться.

— Значит, у меня есть надежда, что ты меня полюбишь, да? Хорошо, можешь не отвечать. Я и так все знаю. Ложись, а я пойду к пекарю, пожую чего-нибудь, а то этот Томир... зараза! Принял нас по всем правилам этикета, на столике только фрукты да чай стояли. Как будто этим наесться можно!

Ночь мы провели необычайно хорошо. Спать без храпа и поскуливания гнома и постоянного ерзанья во сне Тисы, которая всегда металась по своему спальному месту, толкая соседей, было очень уютно. Я нагло присвоила себе одеяло капитана, соорудила из

него уютное гнездышко, укрылась своим и, согревшись, заснула, несмотря на довольно ранний для ночного сна час.

Как оказалось, я правильно сделала. Потому что под утро вернулись наши сослуживцы, уставшие, сонные и крайне раздраженные, как всегда это бывает после продолжительного и непривычного веселья.

Персиваль перепил, и его постоянно тошнило. Бедняга даже не мог закрыть глаза, потому что его голова тогда начинала кружиться с катастрофической скоростью, вызывая приступы паники и заставляя дико вопить. Тащить его до фургона пришлось капитану и целителю, что не улучшило их настроения.

Тиса первой запрыгнула в фургон, молча сбросила с себя платье, сверкнув в лучах рассветного солнца нагим телом, и легла, укрывшись одеялом с головой, что всегда было у нее признаком плохого настроения.

Мы с троллем вышли на утреннюю свежесть, готовые принимать наказание от Волка. Он как раз укладывал гнома под колесо, и его голос был слишком холодным даже для сердитого Владетеля:

— Вы можете мне дать достойное оправдание вашей неявке на бал?

Мне очень хотелось спрятаться от злого взгляда капитана за спину Драниша, но это было бы неправильно и трусливо, ведь я провинилась больше.

— Ярик, — лениво сказал тролль, запуская руку за ворот сорочки и начиная шумно чесаться, — ты же знаешь, что я терпеть не могу эти все ваши балы и праздники. Я Томигоста увидел? Увидел. Папашке его поклонялся? Поклонялся. Какой смысл всю ночь торчать в толпе разнаряженных провинциальных девиц, которые мечтают выйти за кого-нибудь более-менее приличного замуж. Их бы не остановило даже то, что я тролль! Да и танцевать я терпеть не могу, а от изысканной жрачки у меня всегда изжога. Перестань дуться, ты сам решил туда пойти, так что нечего теперь срывать злость на окружающих.

— Мила?

— Я себя плохо чувствовала, капитан, — заявила я, успев во время речи Драниша окончательно проснуться и собраться с моральными силами для отпора Волку. — И вообще, посещение балов не входит в мои обязанности. У меня на великосветское общество аллергия, знаете ли. Ярослав, не дуйтесь. Давайте я вам лучше помогу расплестись, и вам сразу станет легче.

Волосы Волка были заплетены в высокую, очень сложную прическу с множеством косичек, которые крепились между собой шпильками и заколками. Представляю, как у него зудела и чесалась под этой всей красотой кожа головы с непривычки. Когда последний раз капитан посещал бал благородных? Наверное, давненько.

Капитан ничего не ответил и запрыгнул в фургон, резко задержав за собой полог.

— Даетаэль, это ты там сверху копаешься? — негромко окликнул тролль.

— Я. — Голос у целителя был донельзя злым. — Этот... Персик напился, а средство от алкогольного отравления у меня где-то в сумке спрятано. Не могу найти. Я же вообще не думал, что оно нам когда-нибудь пригодится. Кто ж знал, что он такой дурак. То есть я, конечно, знал, но не думал, что все настолько плохо.

Эльф скользнул вниз юркой черной ящерицей.

— На, мучитель, пей.

— Я не буду, мне плохо, — с трудом выдавил из себя страдающий гном.

— Первый раз всегда так, — посочувствовал тролль, приподнимая Персику голову и насильно открывая ему рот. — Потом будет легче.

— Я больше никогда...

— Все так говорят, пей давай, полегчает. Эльфы знатоки в выпивке, и им никогда после нее плохо не бывает.

— Потому что обычный эльф во много раз умнее самого умного человека, — объяснил Даетаэль. — И знает свою норму.

— Заливай больше, — отмахнулся тролль. — Что, я с вами, эльфами, не служил? Да вы

пьете так, что с вами никто не сравнится. А потом пару капелек этого вашего снадобья — и как огурчики. Помнится, мы даже как-то одному ушастому морду набили, чтобы не выделялся из коллектива своей слишком жизнерадостной харей. Ты, Персик, лежи пока тут, тебе на свежем воздухе будет легче.

— Если он себе нерв какой-нибудь застудит на холодной земле, я его лечить не буду, — предупредил Даезаэль, отправляясь спать.

— Надо бы одеяло принести, что ли, — озабоченно проговорил тролль. Он ухаживал за перепившим гномом с грубоватой заботливостью старшего брата, что необыкновенно ему шло.

Я было собралась идти за одеялом, но не пришлось. Метко брошенное капитаном с задника фургона, оно угодило троллю по голове.

— Спасибо, Ярик, — не растерялся тот.

Мне Волк протянул деревянный гребешок, которым обычно расчесывал волосы:

— Расплетай.

— Э, да ты никак перезлился уже? — обрадовался тролль, заматывая не сопротивляющегося гнома в одеяло. Голова Персиваля моталась из стороны в сторону, как у тряпичной куклы.

— Да, — жизнерадостно сказал капитан. — Мила, кстати, сегодня не забудь почистить от сажи все наши котелки и чайники, да так, чтобы блестели. А ты, Драниш, спроси у местного травника, что сейчас полезного растет или цветет, и собери нам цветочков-корешков. А то у Даезаэля быстро запасы заканчиваются.

— Перезлился он, как же, — пробурчал тролль. — Я что, дурак — себя на посмешище выставлять перед всем замком, ковыряясь в земле в поисках корешков?

— Почему дурак? — безмятежно улыбнулся капитан. — Ты будешь делать крайне полезное для всех нас дело. Тебе же первому ранозаживляющие смеси и понадобятся, если что-то случится. Мила, почему ты стоишь?

Первые лучи солнца придавали розоватый оттенок выгоревшим волосам капитана, бросая блики на темные отросшие корни. Он молчал, думая о чем-то своем и сложив руки на коленях. Даже не вздрагивал, когда я случайно дергала или сильно тянула за какую-то прядь. Замковый парикмахер постарался на славу, создавая шедевр аристократической моды. Сложное сооружение на голове не развалилось во время бала, но вот привести волосы в порядок было куда сложнее, чем их заплести.

Вокруг просыпался хозяйственный двор. Негромко ругались на лезущую под ноги живность хозяйки, вышедшие доить коров. Звонко поприветствовал утро петух, и на другом конце деревеньки тут же ревниво отозвался другой. Перекрикивались, сменяя посты, стражники; вскоре отстоявшие на посту с внешней стены поспешили по домам.

Бесшумно опустился подъемный мост, выпуская тролля. Вслед ему неслись проклятия разбуженного травника, который жил в небольшом домике на окраине деревеньки.

Вскоре из трубы пекарни завился дымок. Я уже знала, что старый Сыч встает рано утром и обязательно завтракает свежими булочками. Почему такие же булочки ему не могли испечь в кухне замка, для меня оставалось загадкой, но то обстоятельство, что его сдобу предпочитает сам старый хозяин, давало моему знакомому пекарю повод отпускать многочисленные шуточки над коллегой из замка.

— Вам заплести волосы в косу? — спросила я, наконец-то справившись со сложной прической. Гребешок теперь скользил по длинным, ниже пояса, густым прядям, нигде не застревая, и мне казалось, что я могу заниматься этим вечно.

— Нет, спасибо, — холодно отозвался капитан. Он стянул через голову рубашку, небрежно бросил ее на пол и пошел к колодцу, где долго обливался ледяной водой, фыркая и выплевывая мокрые пряди, которые так и норовили залезть в рот. Он с таким остервенением драил себя кусочком мыла, что можно было подумать, что этой ночью он вляпался во что-то очень грязное, а не побывал на балу.

К тому моменту как он вернулся, я уже разожгла костер — веток для него запасливый

троль натаскал у крестьян еще вечером. Капитан принял кружку с горячим чаем как должное, даже не поблагодарив. Эта его уверенность в том, что за ним все должны ухаживать, меня злила, но я понимала, что тут ничего не поделаешь — рядом с Ярославом всегда была Тиса, угадывающая любое его желание.

— Я вашу рубашку стирать не буду, — на всякий случай предупредила я.

— А я и не просил, — неприязненно отозвался Волк. — Или ты думаешь, что после грозовой ночи тебе позволены какие-то вольности в отношениях со мной?

— Нет, — спокойно ответила я, понимая, что раздражаться на капитана так же бесполезно, как и на погоду. — В общем-то и не хотелось.

— Очень рад. Мне и одной простолюдинки на шее хватает.

— Вы жестоки, Ярослав, — не стерпела я. — Тиса вас искренне любит, и кто у кого на шее, это еще вопрос. Кажется, не вы ее рубашки грязные стираете.

Он уставился на меня ледяным взглядом серебристо-серых глаз, то ли забыв, что он на меня не действует, то ли решив испытать его силу на мне еще раз, в надежде на то, что вот наконец-то я не выдержу и упаду ниц.

Я нагло, с прищуром, посмотрела на Волка и медленно усмехнулась.

— Что ж, — сказал он вдруг с кривой ухмылкой, — можешь поблагодарить своего друга Чистомира. Он тебя хорошо выдрессировал.

— Он этим не занимался, — резко ответила я. — Мирик, в отличие от некоторых здесь сидящих, никогда не воспринимал людей ниже себя по положению, как тех, кого нужно дрессировать.

— Ну и дурак, — равнодушно сказал капитан. — Только так можно добиться полного подчинения. Вот я с вами всеми этого не проделал, и что теперь? Передо мной сидит подчиненная, которая мне хамит, не думая о последствиях.

— Я вам уже напоминала, Ярослав, — я подчеркнула, что обращаюсь к нему по имени, а не по званию, — что в мирное время, не выполняя прямых обязанностей, мы все здесь равны. Так что не нужно мне намекать на последствия.

Капитан выплеснул остатки чая в костер и ушел в фургон — с мокрыми спутанными волосами, небрежно закрученными в узел. Я осознала, что впервые за все время нашего путешествия увидела Волка полуобнаженным; переодевался он, в отличие от остальных, очень скрытно. На его мускулистой спине виднелись многочисленные тонкие белесые шрамы, которые не скрывала даже татуировка Дома, изображающая бегущего волка.

К тому моменту как все проснулись, я уже сварила необыкновенно ароматную рисовую кашу с сушеными яблоками. Несмотря на то что я плотно позавтракала в пекарне, каша пахла так аппетитно, что я решила поесть еще раз.

Капитан первый вышел из фургона и принюхался. Лицо его скривилось от отвращения.

— Что это? — брезгливо спросил он, указывая на котелок, как будто я там сварила засушенных пауков.

На всякий случай я приподняла крышку и заглянула внутрь — может быть, въедливый и противный Волк заметил, что туда влетела какая-то мошка, когда я отвернулась.

Нет, каша радовала белыми, разваренными крупинками и коричневыми боками кусочков яблок, никакого мусора я не увидела.

— Рисовая каша, — ответила я удивленно. — С яблоками, сахаром и корицей. А что тут такого?

— Я это есть не буду, — заявил Ярослав.

— Ну и не надо, — пожалала я плечами. — И кривиться так тоже не надо. Каша как каша.

— Где ты взяла рис? — спросила Тиса, жадно принюхиваясь.

— Купила. У нас же его в припасах почему-то не было.

— Не было потому, что капитан терпеть не может рис и никогда его не ест, — объяснила Тиса.

— Так пусть и не ест. — Я совершенно не видела в этом проблемы. — Другим больше

достанется. Ты ведь ешь рис?

— Да... — ответила Тиса, с сожалением глядя на котелок. — Но я тоже есть его не буду, ведь капитан из-за тебя останется голодным.

— Не останется он голодным! Пусть вон идет в пекарню, булок поест! — рявкнула я. — Тоже мне!

— Из-за чего сыр-бор? — спросил тролль, объявляясь около фургона с трогательной плетеной корзинкой в руках. Из корзинки торчали какие-то грязные корешки и даже несколько вялых и несчастных на вид цветочков. — О, рисовая каша! Тогда все понятно. Ярик, я ем твою порцию, а ты иди куда-нибудь, не порти нам аппетит своим кислым видом.

Ярослав и Тиса, демонстративно прихватившая тарелки, отправились к пекарю, а мы сели завтракать или, скорее, судя по времени, обедать. Кашу съели с аппетитом. Даже гном, выглядевший прекрасно после эльфийского снадобья, попросил добавки. Мне было приятно, что мой труд оценили, потому что, когда я увидела скривившееся лицо Ярослава, у меня просто сердце ухнуло куда-то вниз. Вот капризный, больше чем гном! Тот хоть ест все и носом не крутит.

После обеда я принялась чистить котелки, отказавшись от помощи тролля. Если капитан хотел назначить мне наказание, то пусть порадуется. Все равно мне процесс натирания песком черных боков котелков доставлял удовольствие. Сначала трешь, трешь, трешь безрезультатно, а потом постепенно появляется из-под слоя сажи чугунный бок, и еще немного труда — и котелок чистый-чистый, хоть в белоснежную простыню заворачивай. Развлечение, а не работа!

— Я пришел извиняться за то, что в моем замке не хватило комнат, чтобы вас разместить, а вы и тут неплохо устроились, — раздался около фургона высокий мужской голос.

— Томигост! — поприветствовал его владельца капитан.

Я порадовалась, что сижу возле колодца. Мне не хотелось встречаться с молодым хозяином, который и хозяином-то не был. Пусть бы развлекал своих гостей, а нас не трогал. Я боялась, что после его визита мы опять все переругаемся, а мне косые взгляды всех на всех уже порядком надоели.

— А еще я хотел посмотреть на невесту Драниша, о которой он так много мне рассказывал. Это же должна быть такая красавица, чтобы ему в сердце запала! — Голоса приближались, я низко склонилась над котелком, надраивая его с удвоенной энергией.

— Вон она, — гордо сказал тролль. — Мила, иди сюда.

— Еще чего, — пробормотала я, тайком проводя руками в саже по лицу и волосам. Мне совершенно не улыбалось, чтобы Томигост решил меня попробовать, как он «попробовал» всех девушек в замке, о чем мне с горечью рассказал пекарь.

— Она занята, прости, — объяснял Драниш, подводя Томигоста ко мне. — Ярик ей наказание придумал за то, что она на бал к тебе не пошла.

— А я бы по-другому ее наказал, — хохотнул Томик. — О боги, что это такое?

Тролль ничего не сказал, только молча таращился на мое лицо.

— Ярик! — с чувством сказал молодой Сыч. — Спасибо тебе за то, что это страшилище не пустил на бал! Она бы перепугала всех моих девушек. Бедняга, ты вынужден с ней работать... Драниш! Ты еще более удивительный, чем я думал. Впрочем, таких, как она, тоже нужно кому-то любить...

Томигост сочувственно похлопал онемевшего тролля по плечу и пошел обратно к фургону, что-то обсуждая с Волком.

— Это что? — наконец-то смог справиться с собой Драниш. — Ты зачем это с собой сотворила, а? Еще и рожу скорчила! Да глядя на тебя, заикаться можно начать!

Я пожала плечами и принялась дальше чистить посуду — мне оставался один чайник, из-за изогнутого носика требующий более пристального внимания, чем котелки.

— Это кошмар! — продолжал причитать Драниш, присаживаясь рядом. — Ты меня перед ним просто опозорила!

— Тебе было бы легче, если бы я понравилась Томигосту и он завалил бы меня на ближайшем сеновале? — прошептала я. — Поверь, я столько в деревне наслушалась о его похождениях, что лучше уж я буду в его глазах кривой, полуслепой замарашкой. Подумай, пожалуйста, об этом.

— Мы бы тебя защитили от его посягательств, — пробурчал тролль.

Я вздохнула. В том, что Драниш кинется на любого, кто посмеет меня обидеть, я не сомневалась. Но вот быть причиной испорченных отношений между Ярославом и Томигостом я не хотела, поэтому решила, что конфликт лучше предупредить, чем потом разрешать.

— Ладно, я понял. — Парень нежно провел толстым пальцем по моей испачканной в саже щеке. — Делай, как считаешь нужным, ведь я все равно знаю, что ты у меня самая красивая.

Я благодарно ему улыбнулась.

— Что это был за маскарад? — поинтересовался капитан, когда Сыч-младший ушел и я уже без боязни приблизилась к фургону.

— Маленькая женская прихоть, — ответила я, будучи в превосходном настроении. Кожа, отмытая после сажи мылом и ледяной водой из колодца, была шелковистой, сияющей, и я чувствовала себя красавицей.

Волк так тяжело вздохнул, будто собственноручно тащил на гору тяжеленный воз, а не пытался понять свою строптивую подчиненную.

— Персиваль! — окликнул он гнома, решив не продолжать со мной разговор, чему я была только рада. — Сиятельный Сыч просит тебя отремонтировать артефакт связи в замке. Собирайся, пойдешь вместе с Тисой, она будет тебя охранять.

— Почему я должна идти? — скривилась девушка. — Почему не Драниш?

— Потому что ты! — вдруг вышел из себя Ярослав. — Надоели мне ваши женские капризы! Либо ты идешь охранять Персиваля, чтобы никто ему не мешал работать, либо идешь на закрытую вечеринку к Томику. Выбирай.

— Конечно же я иду с Персивалем, — испуганно пролепетала Тиса. — Пожалуйста, капитан, я на все согласна, только бы не идти на вечеринку! Он же извращенец!

— У каждого свои причуды, — заметил Даезаэль. — А почему меня не пригласили на закрытую вечеринку? Я люблю человеческие извращения, они дают мне очередной повод понять, насколько наша раса совершеннее и благороднее вашей.

— Можешь идти вместо меня, — махнул рукой капитан. — Я все равно не собирался.

— Чудесно! — Целитель чуть было не захлопал в ладоши от радости. — Что с собой брать? Кнут? Какую-то специальную одежду?

— Ничего не надо, во всяком случае, меня не предупреждали.

— А, значит, будет скучно, — погрустнел Даезаэль. — Но ничего, это тоже опыт.

После этого капитан удалился в фургон и попросил его не беспокоить. Мы с радостью выполнили его пожелание, проведя вечер в хозяйственных хлопотах. Тролль помирился с травником, и тот растопил для нас баньку. Пока я купалась, мужчины так напробовались разных настоек, что Драниш не попал в двери бани. Пришлось его оставить спать на лавочке возле дома травника, который тоже был пьян и пел занудные и бесконечные баллады о том, как все умерли, так и не познав радости любви, а все потому, что не следовали режиму и не соблюдали правил гигиены. Правда, некоторые познали радости любви и умерли уже от того, что...

Немного послушав поучительное пение и дав себе зарок никогда больше не покупать у подозрительных бабок на улице пирожки, я отправилась спать в фургон. Капитан, сидевший у костра, демонстративно меня не замечал. Я показала его напряженной спине язык и скорчила рожу. После этой ребяческой выходки мне несколько полегчало, и я с чистой совестью отправилась спать.

Жена — создание, как никто подверженное законам химии и магии. Сначала ты ей надеваешь кольцо на палец, а потом она каким-то образом просачивается во все сферы твоей жизни. И ты каким-то образом оказываешься связанным по рукам и ногам маленьким колечком.

Ярослав Волк объясняет Дранишу Рыху, почему ему так не хочется жениться

Утром Ярослава поджидало сообщение, полученное с помощью артефакта связи. Чтобы Волк как можно быстрее получил весточку, секретарь старого Сыча распорядился выделить гостю коня, потому что путь в замок от воинской стены, где стоял наш фургон, был не таким уж и близким. Вернулся капитан из замка мрачным, задумчивым, еще более колючим и холодным, чем обычно, и сразу же велел отправляться в путь.

Спорить с ним в таком состоянии никто не стал, кроме эльфа, который вернулся из замка поздно ночью, крайне довольный собой и окружающими, и сразу же завалился спать.

— Ярослав, давай останемся, — попросил он. — Сегодня будет еще одна особая вечеринка, я бы так хотел на ней побывать! Это очень интересное и поучительное зрелище.

— Можешь оставаться здесь один! — рявкнул капитан. — Быстрее собирайтесь, что вы возитесь!

Только когда мы расположились на привал, чтобы пообедать, тролль осторожно поинтересовался:

— Ярик, что случилось?

Капитан ответил далеко не сразу. Он ушел глубоко в раздумья, невидящим взглядом наблюдая, как по охапке хвороста постепенно разбегаются языки пламени. Я держала в руках треножник для котелка, не решаясь его ставить — вдруг это помешает Волку думать и он начнет на нас срываться. В конце концов эльф не выдержал, вырвал у меня из рук треножник, установил его и подвесил котелок.

— Ты не забыла, что мы хотим есть? — язвительно поинтересовался он.

Ярослав вздрогнул, несколько раз моргнул, возвращаясь в реальный мир, и сообщил:

— Они — мои родители — меня женят!

На поляне воцарилась гробовая тишина.

— Это шутка? — пролепетала еле слышно Тиса.

— Нет! — Ярослав вскочил с места и принялся расхаживать по поляне, наступив на приготовленные мной для супа продукты.

— Сядьте, пожалуйста, и объясните толком, — разозлилась я, выхватывая из-под тяжелого ботинка порубленную мелкими кубиками морковь. Лук спасению не подлежал, легче было нарезать новый, чем выковыривать из земли и отмывать аккуратные колечки. — А то без обеда все останутся.

— Какой обед, Мила, о чем ты говоришь, если меня совершенно неожиданно решили женить родители! А ты о какой-то ерунде...

— Можно подумать, конец света, — хмыкнул тролль. — Ты уже раз собирался жениться, помнишь, что из этого вышло? Благодаря Чистому шляешься свободным по просторам королевства и проблем не знаешь... — Он посмотрел на меня, потом на гнома и исправился: — Мелкие у тебя проблемы, с семейной жизнью несравнимые.

— На этот раз все серьезно. У меня есть возможность получить свой домен. — Волк сказал это так, будто наконец-то решился нырнуть с головой в ледяную прорубь.

— Вот это да! — ахнул тролль. — Это здорово!

— Да, — кивнул Ярослав. — Жениться мне, конечно, не хочется, но получить свой домен...

Тиса, ошеломленно молчавшая до сих пор, сбегала в фургон и вернулась с огромной толстой книжкой.

— Капитан, вас обманули, — звенящим голосом сказала она, пролистав страницы. —

Нет ни одной незамужней наследницы домена!

— А что это за том? — заинтересовался эльф.

— «Ежегодный справочник благородных семей», — объяснила девушка. — Здесь все сведения о людях с короткими фамилиями и их родственниках.

— Есть один Владетель, которому король приказал разделить свой домен, и у него есть дочка на выданье, — сообщил Волк, сел на свое место и снова уставился в огонь пустым взглядом.

— А почему так важно капитану получить свой домен? — шепотом спросил Персиваль у Драниша. — Особенно если он так не хочет жениться?

— Ярик — второй сын в семье, — объяснил тролль. — Его старший брат уже давно женат, имеет наследников. А Ярику всю жизнь придется либо служить в армии, либо занять какой-то высокий пост в домене, например бургомистра, или стать ректором магического учебного заведения. Учителя из него не выйдет, бургомистр — не по его амбициям, а в армии сейчас скучно, в ближайшее время если война и будет, то только во время выколачивания долгов по налогам у местных жадин. А если он женится на наследнице домена, он будет Владетелем, это его заветная мечта с детства. И, что намного важнее, образуется новый домен! Значит, Ярик станет основоположником нового рода, королем ему будет дарована новая фамилия... Это очень почетно, к тому же это — путь настоящего мужчины, я тоже когда-нибудь этим займусь.

— Станешь Владетелем домена? — удивился эльф.

— Да нет же, свое племя организую. Мы уже с котей все обсудили, из нее прекрасная жена вождя племени получится.

Я размешивала закипавшие в котелке крупу и картошку несколько более яростно, чем обычно. Конечно, тролль был нежен, заботлив и, кажется, любил меня, но становиться женой вождя племени я до сих пор была не согласна.

— И кто твоя предполагаемая невеста? — с трудом выговаривая слова, сказала Тиса. Девушка вся посерела и выглядела так, будто у нее вот-вот остановится сердце.

Все уставились на капитана, с нетерпением ожидая оглашения имени его будущей жены.

— Ясноцвета Крюк, — ответил Ярослав.

Тролль собирался захлопать, но тут я испортила торжественность момента вскриком. Кинжал, скользящий по слишком крутому боку луковицы, впился мне сразу в два пальца, а виновница происшедшего вырвалась на свободу и укатилась в ярко-зеленую травку, насмешливо белея среди мелких веточек.

— Сильно порезалась? — всполошился тролль, отложив поздравления и кидаясь ко мне.

— Ай! — Я не смогла удержаться от слез, тряся кистью. Луковый сок зашел в ранку и больно пек, а с пальцев срывались частые капли крови. — Извините, я заслушалась и отвлеклась, ашшш...

— Перебила на самом интересном месте! — вознегодовал эльф, подходя ко мне.

Несколько мгновений между его ладонями — и ранки как не бывало, только кровавые следы напоминали о том, что совсем недавно мне было очень больно.

— А мне так сразу не сделал, — обиженно пробурчал гном.

Рану, нанесенную Чистомиром, эльф залечил ему только вчера вечером, перед тем как Персиваль отправился ремонтировать артефакт в замок к Сычу. До этого Персик мучился с перевязками и почти не мог шевелить пальцами, постоянно поминая Мирика сквозь зубы и призывая на его голову всевозможные проклятия.

— Ну тебе же объясняли, что нельзя трогать чужое, зачем мне вмешиваться? — ответил эльф. — А Мила пострадала, готовя нам обед. Да еще и по вине капитана... Ярослав, я так и не понял, в чем проблема, которую ты так обдумываешь? Ну женишься ты, получишь себе домен, что плохого? Девушка-то хоть симпатичная?

— Откуда я знаю? — огрызнулся капитан. — Я ее не видел. Она с севера края, а я

вырос на юге.

— А помнишь, к твоим ее папашка пару лет назад приезжал? — вспомнил тролль. — Мы тогда как раз отпуск получили и в замке были. Такой высохший сморчок с запуганной женой, которая за него все время пряталась и ни слова не говорила.

В глазах капитана промелькнуло воспоминание.

— Точно, — кивнул он. — Я вспомнил. Крюк мне тогда очень не понравился. Держался, как король, хоть и был у нас с простым визитом.

— Если дочка в папашу пошла, то тебе конкретно не повезло, — посочувствовал Драниш.

— Я тоже вспомнила, — сказала воительница. — Уродливый такой дедуган, мелкий-мелкий росточком. Если дочка в него, то она страшненькая должна быть. А мать...

— Тиса, — холодно оборвал Ярослав, — ты говоришь о моем будущем тесте и о моей невесте. Держи язык за зубами.

Девушка посмотрела на капитана с такой тоской и мукой, что мне захотелось обнять ее и как-то приободрить. Но я знала, что гордая воительница ни от кого не примет утешения, и очень уважала ее за это.

— Страшная она или нет, это еще вопрос, — сказал тролль, задумчиво выискивая у себя под ногтями сокровища, — но что старый Крюк очень умен — это факт. Он за свое правление увеличил домен вдвое, и это на границе! Как он договорился с удельными князьками — неизвестно, но я вроде слышал, под его руку просились целыми деревнями. Порядок в домене такой, что мухи в суп падать боятся, потому что в законе это не прописано.

На севере наше королевство граничило с мелкими удельными самостоятельными княжествами. Завоевывать их никто не хотел, хотя огромную территорию княжеств окружали довольно сильные соседи. Но на этой территории уже много веков царила такая анархия, что наши соседи, королевство Ромидон, завоевавшее два удельных княжества, официальными нотами просило считать их незавоеванными. Только избавиться от населения, которое поняло, что в Ромидоне жить лучше, чем в родном княжестве, оказалось куда тяжелее. Свежезавоеванное население с удовольствием обживалось в благополучных городах королевства, продолжая жить по родному порядку, точнее, полному отсутствию оногo. Коренные жители стонали и проклинали своего жадного короля, позарившегося на чужое.

Пример Ромидона послужил уроком для всех остальных, и с тех пор никакие границы так хорошо не охранялись, как границы королевств с удельными княжествами. Я слышала, что ломбирские пограничники (в этой стране правил король-параноик) пропахали зону отчуждения и не пускали в королевство даже белок с территории соседнего княжества.

Крюк ассимилировал население прилегавшего к его домену княжества постепенно, когда хитростью, когда мечом и огнем, заставляя подчиняться своим законам. Теперь его домен увеличился в территории вдвое, а Сиятельный вошел во все учебники, и ему даже поставили в столице памятник. Впрочем, памятника я не видела, да и в столице не была, а все остальное мне рассказал учитель.

— У Владетеля Крюка есть еще сын, — сказал эльф, с интересом листавший толстый справочник по благородным семействам. — Женат, есть ребенок.

— Мальчик или девочка? — спросила я.

— Не знаю, тут не написано. Видно, они не публичные люди. А зачем тебе?

— Если девочка и если капитан женится на дочке Крюка, у него будет шанс управлять всем большим доменом. Это если вдруг с сыном старого Крюка что-то случится.

— Я об этом не думаю, — серьезно сказал капитан. — Мне вполне хватит одного домена. Тут с невестой далеко не все понятно.

— Согласится или нет? — любопытствовал тролль. — Ты не переживай, ясно, что она согласится. С таким-то отцом! Они там дома, наверное, по струночке ходят и без приказа вздохнуть боятся.

— Нет. Не в этом дело. Ясноцвета пропала, и никто не знает, где она.

— Как это пропала? — удивился эльф. — Разве дочка Сиятельного может так просто взять и пропасть?

— Я тоже думал, что не может, — грустно усмехнулся капитан. — Однако факт остается фактом. Ясноцвета Крюк пропала, и никто не знает, где она находится.

— Так, может, она уже давно мертва? — с надеждой спросила Тиса.

— Нет, на королевском родовом гобелене ее имя не поблекло, — ответил Ярослав.

— Что это значит? — спросила я.

— В большом Тронном зале есть магический гобелен, — объяснил Ярослав. — Как только у Сиятельного рождается ребенок, на нем появляется имя. Ребенок женится — и его имя связывается ниткой с другим именем. Если благородный умирает, его имя в тот же день тускнеет.

— Хорошая у короля шпаргалка, — восхитился эльф.

— И что теперь? Ты не женишься? — спросила Тиса, и в ее глазах загорелась робкая надежда.

— Я получил сегодня утром два сообщения, — сказал Ярослав. — Одно от родителей — что меня обручили с этой Ясноцветой. Другое — от старого Крюка, что его дочь пропала. Он объявил, что нашедший беглянку получает огромное денежное вознаграждение, которое позволит безбедно жить нескольким его поколениям. И предупредил, что последний раз всплеск магии Ясноцветы зафиксировали в домене Сыча.

— Вот это да! — ахнул тролль, пока все остальные с отвисшими челюстями пялились на капитана. — Значит, если мы найдем эту девицу, мы отхватим большой денежный куш! Мечта о собственном племени становится реальностью!

— Ты ее найди сначала, — остудила я его радость.

— А в чем вообще твоя проблема, Ярослав? — продолжал недоумевать эльф. — Тебя обручили, невеста твоя неизвестно где, ты получишь во владение собственный домен... Тогда почему ты мрачный такой?

— Потому что мои родители решили меня обручить, не узнав моего мнения! Потому что я даже не знаю, кто она, эта Ясноцвета Крюк! Потому что женитьба предполагает еще и рождение и воспитание наследников, а как я буду это делать, если моя жена будет мне противна? — взорвался Волк. — Тем более что они знают, что... Неважно что, но они должны были сначала поговорить со мной!

— Почему вы, капитан, сразу думаете о плохом? — миролюбиво спросила я, подавая ему миску с супом, который уже успел свариться, пока мы обсуждали личную жизнь нашего командира. — А вдруг вам невеста понравится?

— Ясноцвете не в кого быть красивой или хотя бы симпатичной, — сказал тролль. — Ты бы видела ее родителей! Папаша — сморчок, мамаша — с лошадиным лицом, серая, как моль.

— Драниш! — укоризненно сказала я. — Ты ведь тоже ее не видел, откуда ты знаешь? Тем более разве красивое лицо — самое главное в жене? Предлагаю вам сосредоточиться на еде, а не обсуждать неведомую девушку. Ведь не от хорошей жизни она пропала! Если бы ее похитили, то родители уже наверняка нашли бы этих разбойников. Значит, она просто сбежала. Может быть, ее тоже не устраивает брак с вами, а, капитан? Вы ведь об этом не думали. Может быть, найдя ее, вы узнаете, что она уже давно нашла другого претендента на свою половину домена, и проблема решится сама собой. А то вы нас своими домыслами просто изводите. И домен вам хочется, и жениться не хочется. Вы уж как-нибудь определитесь.

— Мила права, — поддержал меня эльф. — Роль мрачного и обиженного жизнью существа в нашем сообществе принадлежит... нет, Персик, не смотри на меня с надеждой. Эта роль принадлежит мне, и я не позволю, чтобы эту приятную нишу обиженного занял Ярослав, да еще и по такой ерундовой причине, как женитьба. У меня причин для скорби куда больше.

— Это какие же? — спросил тролль.

— Несовершенство мира! — пафосно заявил Даезаэль. — А некрасивая невеста, к тому же сбежавшая, — это мелочи. Кстати, а вы не подумали о том, что она могла сбежать к Томигосту? Он, как оказалось, личность очень и очень интересная, к такому девушки липнут.

— Откуда бы она его знала? — спросила Тиса, и робкая надежда в ее взгляде окрепла.

— Ну мало ли! На каких-нибудь балах пересекались, что я, сильно разбираюсь в жизни ваших благородных?

— Да, кстати, Ярик! — воодушевился тролль, не желающий расставаться с надеждой о получении денежного вознаграждения. — Томик после смерти мамыши много путешествовал по доменам, там они и могли познакомиться. А потом девица узнала о предстоящей свадьбе, и — фьють! — к любимому.

— Если это так, то не думаю, что Томигост вам ее выдаст и ты сможешь получить деньги, — заметила воительница.

— Мы их поделим, — не сдавался тролль. — Иначе девицу выкрадем и вообще все получим!

— Как бы там ни было, едем обратно, — решил капитан.

Томигоста с компанией молодых девиц мы встретили недалеко от замка. Благородные, видимо, занимались охотой, и наше появление их не обрадовало — фургон распугал всю мелкую дичь. На переговоры отправились капитан с троллем, эльф залез на крышу фургона, чтобы не пропустить зрелища, а мы остались внутри, посадив гнома управлять повозкой.

Как только мы остались вдвоем, Тиса глубоко вздохнула, обмякла на своей постели и зарыдала так, будто в один день потеряла все.

Я знала, что это случится, и со страхом ждала этого момента, так и не придумав нужные слова за то время, пока мы ехали обратно к замку, а Тиса молча сидела и смотрела невидящим взглядом в книжку с грамматическими упражнениями. Да и что, в конце концов, я могла ей сказать? Что все будет хорошо? Что невеста Ярослава не найдется? Или что он решит, что владение доменом не стоит женитьбы на нелюбимой? Но ведь мы обе знали, что Ярослав уступит искушению стать Владетелем, какой бы ни была по характеру и по внешности Ясноцвета Крюк.

Поэтому я просто сидела рядом, глядя Тису по вздрагивающей от рыданий спине, пока слезы не сменились икотой. А потом принесла ей воды в чайнике и помогла напиться.

— Как же я ее ненавижу, — прошипела девушка, обхватив колени руками. — Вот если они ее найдут у Томигоста и заберут с собой, я ее в первую же ночь задушу подушкой, честное слово!

— Я не думаю, что Ярослав оценит этот поступок.

— Зато он на ней не женится!

Да, логика железная, тут не возразишь.

— Тиса, если родители надумали женить капитана, то рано или поздно найдут ему другую жену.

— Да им плевать на Ярослава! Они просто хотят, чтобы он получил домен и чтобы их влияние распространилось на приграничье. Ты этого не знаешь, а им обоим всегда было на него плевать!

...Ярослав Волк был нежеланным сыном. После рождения первенца Сиятельная Границлава очень долго не могла забеременеть. Сын рос здоровым и умным и уже в десять лет интересовался делами домена и прилежно учился. Но гордые, тщеславные и холодные Волки очень хотели дочь. Они жили интригами и властью, частенько бывая в королевском дворце и участвуя там во всех собраниях благородных, на которых решались хоть сколько-то важные вопросы. Ведь дочь — это такой товар, который можно выгодно продать, упрочив и усилив свое положение. Главное, правильно воспитать девочку, чтобы ее супруг тут же попал ей под каблук и в дальнейшем слушался только тестя и тещу.

Но ничего не получалось, ни маги, ни шаманки, ни даже эльфийские целители не могли помочь. Совсем отчаявшись, пара стала подбирать невесту старшему сыну, тем более что мальчику уже исполнилось шестнадцать лет, как вдруг выяснилось, что госпожа Волк беременна. Вот было счастье, аж до тех пор, пока повитуха не сказала: «Поздравляю, у вас мальчик!» Как мальчик? Зачем нужен еще один мальчик? Род Волков не обладал особой магической мощью, позволявшей младшему сыну после обучения стать на вершине магической иерархии, а ключевые посты в королевстве были уже заняты на несколько поколений вперед, и, чтобы пробиться к кормушке, нужно было приложить слишком много усилий. Так что мальчика ждала либо роль помощника старшего брата, либо место какого-нибудь государственного служащего. В общем, младенец родителям был совершенно не нужен.

Так и жил ребенок, воспитываемый равнодушными учителями под присмотром ленивых гувернеров, пока в замке не объявился сын вождя троллей — в то время было очень популярно воспитывать вместе со своими детьми детей других благородных, а Злыднбой Кривой имел очень большое племя и любил пользоваться плодами прогресса, чем кардинально отличался от большинства тролльих вождей. Иметь его в друзьях было очень полезно.

Только маленький Драниш смог пробудить в Ярославе ребенка. Мальчишки вместе сбегали с уроков — раньше такое Волку и в голову не могло прийти; играли с детьми в ближайшей деревне, вместе проказничали и вместе несли заслуженное наказание.

Тиса познакомилась с ребятами тогда, когда их порол скупой донельзя мельник, у которого мальчишки украли пару мешков муки для каких-то своих проделок. Мельнику было наплевать, что он бьет сына Владетеля, тем более всем было известно, что Волк сыном не очень-то интересуется. Тиса влюбилась в мальчика, переносившего удары плетью без единого вскрика, с первого взгляда. Не раздумывая, девочка повисла на руке мельника, вцепившись в нее зубами, а когда разъяренный мужчина ее отбросил, как нашкодившего котенка, помчалась в замок за помощью.

После этого произошло несколько событий. Во-первых, двух мальчишек долго лечили после жестокой порки, а у капитана до сих пор на спине оставались шрамы. После излечения проказников посадили на хлеб и воду, чтобы они в следующий раз дважды подумали, прежде чем что-то сделать. Во-вторых, мельника и всех его работников четвертовали перед лицом всей деревни. Мельника — за то, что смел поднять руку на чистокровного благородного, а работников — за то, что не остановили хозяина. А в-третьих, Тису отдали обучаться на телохранителя, и она поставила себе цель когда-нибудь обязательно выйти замуж за Ярослава.

Все к тому и шло. Кажется, гордый и амбициозный молодой Волк вполне смирился со своим положением и перестал рваться наверх, все больше уделяя внимания Тисе. Однако потом случилась беда. Во время получения очередной боевой награды Ярослав побывал на приеме у Владетеля приграничного домена. И там влюбился в дочку Сиятельного со всем пылом первой любви. Опыта у Волка в обращении с женщинами не было никакого, и Тисе было стыдно за любимого капитана — таким мямлей и дурачком он выглядел рядом с Негосавой Пёс. А красавица, избалованная вниманием благородных офицеров, только смеялась над робкими попытками признаний. Тиса одновременно мучилась от ревности и обиды за то, что Негосава не видит многочисленных достоинств Ярослава. Она даже подкараулила однажды девушку и попробовала поговорить с ней по душам, но охранники благородной попросту вышвырнули воительницу на улицу. Сцена вышла безобразной, но все бы обошлось, если бы Негосава не рассказала об этом случае Ярославу. Он страшно разозлился и тогда в первый и последний раз ударил человека, поддавшись эмоциям: память о мельнике была настолько сильной, что, как бы ни доводили Волка окружающие, он никогда не применял физической расправы. А вот Тису ударил. Отвесил существенную оплеуху, от которой она несколько дней ходила с опухшей щекой. Но что такое боль в щеке по сравнению с болью в сердце! Тогда девушку утешал только тролль, всегда относившийся

к любовным связям легко и имевший к тому времени большой опыт в отношениях с женщинами.

— Не переживай, — говорил он Тисе, прикладывая к синяку замороженную куриную ногу, — ничего у них не получится. Негосава Ярика даже не замечает; если вдруг он исчезнет, его место займет другой поклонник, и для этой девицы не будет никакой разницы.

Но Ярослав не хотел исчезать. Все сроки отпуска прошли, а он все так же не отходил от Негосавы, даже несмотря на опасность быть обвиненным в дезертирстве. Тогда пришлось Дранишу брать командование на себя, оставив Тису в домене Пса присматривать за ситуацией.

Волк твердо решил жениться на Негосаве, даже отправил родителям письмо, на которое они отреагировали очень сдержанно — им был не по душе Дом Пса, но открывалась перспектива власти в приграничье, через которое шло снабжение армии, воевавшей с нечистью, и ради этого они были согласны дать разрешение на брак.

И тут появился Чистомир. Яркий, веселый гитарист в неизменном ярко-желтом плаще влюбил в себя Негосаву после первого же концерта. Она забыла всех поклонников и стала по пятам следовать за Дубом, ловя его взгляды, как преданная собачонка. Постепенно отпали даже самые упорные возлюбленные госпожи Пёс, и только Волк продолжал нести рядом с ней безмолвную стражу, утешая, даря цветы и украшения. Он даже как-то попытался писать в честь нее сонеты, но получалось столь ужасно, что даже любящая Тиса не смогла найти слов, чтобы похвалить его стихотворчество.

В ночь, когда Чистомир наконец-то позвал Негосаву к себе в спальню, Ярослав страшно напился и разнес в щепки всю квартиру, в которой они жили с Тисой. А потом возненавидел Дуба так яростно, что тот, опасаясь мести, быстро убрался из приграничного домена. Перед отъездом, однако, Чистомир успел нагадить в душу единственному человеку, который был искренне благодарен ему за содеянное.

— Эй, ты, девушка! — окликнул он как-то Тису, спешащую к целителю, чтобы тот вывел Ярослава из запоя. — Это же ты любишь этого кретина Волка? Не трать свою жизнь попусту, он все равно никогда тебя не оценит. Ты для него просто удобная вещь, не более. Ничего у вас не получится. Мне тебя так жаль!

Как он посмел ее жалеть! Как он посмел сказать ей такое! Конечно же Ярослав поймет, что лучше тихой, молчаливой и преданной Тисы ему никого не найти. Ведь она его любит так, как никто никогда не любил и любить не будет! И Тиса тоже возненавидела Чистомира за его бесцеремонное вмешательство в их жизни.

Когда Ярослава вывели из запоя, он уехал из домена Пса в тот же день и больше никогда вслух не вспоминал о Негосаве Пёс.

А Тиса снова была с каждым днем все ближе к своей мечте. Конечно, у капитана случались интрижки с девицами, следующими за армией, иногда тролль таскал его по борделям, чтобы «Ярик-маленький не заскучал», но без Тисы он не мог обходиться. И однажды, перед назначением в королевские гласы, сказал девушке, как-то особенно посмотрев на нее:

— Наверное, после этой службы все изменится. Пришла пора и мне остепениться, надоело бродяжничать.

Воительница жила этими словами несколько месяцев, тайком отрабатывала тонкости этикета и сложные реверансы, даже взялась за грамматику, но бал в замке Сыча дал ей понять, что для благородных девиц, даже с фамилиями второго порядка, даже бедных, как тараканы в лачуге одинокой старухи, она не ровня. Аристократки кривили носы, отворачивались и замолкали при ее приближении, хотя платье Тисы было на порядок дороже и моднее их, хотя она делала реверансы лучше всех и уже не путала использование нескольких видов вилок.

А потом, будто этого удара для нее было мало, родители Ярослава решили его женить, даже зная отвращение сына к чистокровным благородным, но надеясь, что против приманки собственным доменом он не сможет устоять. И мечты воительницы стать когда-нибудь

Тисой Волк снова рухнули...

— Какая трогательная история, — перебил ее откровения рыдающий голос эльфа. — Я плачу! Я страдаю! О, как тяжел этот мир! Как гнусен!

Он танцующей походкой приблизился к нам и попытался трубно высморкаться в мою юбку.

Я сердито отобрала у него подол и поняла, что он вовсе не плачет, наоборот, ярко-зеленые глаза целителя насмешливо поблескивают, и вообще, он крайне наслаждается ситуацией и разыгравшимся представлением.

— Ты подслушивал! — завопила Тиса.

— Конечно, чем же мне еще заниматься? Эти двое ушли в замок, наверное, искать неведомую девицу Ясноцвету под кроватью у Томигоста, а нам велели становиться на ночлег у кромки леса.

— Почему нас не пустили в замок? — При воспоминании о воздушных булочках пекаря у меня засосало под ложечкой.

— Потому что мы на тамошних обитателей плохо действуем, — объяснил всезнающий, а точнее, не гнушающийся подслушивания эльф. — После нашего отъезда местный травник ловил чахов и дрыхлей и устроил шум, переполошив всю деревеньку. А пытавшихся связать его стражников окропил какой-то настойкой, отчего у них кожа пузырями покрылась. Говорят, старый Сыч был в ярости. Ему как раз случилось по какому-то делу в хоздвор поехать, и он всю эту красоту воочию наблюдал. Эх, как жаль, что я этого не видел! Нет в жизни все-таки счастья!

Он снова вознамерился высморкаться в мою юбку.

— Даезаэль! — Я тщетно пыталась выдрать у него из рук подол так, чтобы его не порвать. — Прекрати паясничать!

— Ну почему, почему, Мила, ты всех утешаешь, кроме меня! — вскричал он, поднимая к потолку руки. — Почему гнусный гном, маменькин сынок, устаивается твоего сочувствия? Почему Тиса, придумавшая себе нереальную любовь всей жизни, вызывает у тебя сострадание? А я? Я тоже хочу, чтобы меня гладили по спине и всхлипывали в такт моим страданиям. А! Все, я ухожу из этой гнусной жизни!

Эльф закрутился на месте и ничком рухнул на свернутые одеяла, закрыв глаза. Я фыркнула и отвернулась от ушастого комедианта.

— Мила, — через несколько минут напряженным голосом сказала Тиса, — кажется, эльф не дышит.

Я обернулась, встретила с ее ошарашенным взглядом и поняла, что дело нешуточное.

— Даезаэль! — одновременно закричали мы, кидаясь к целителю и тормоша его.

На наши крики он никак не реагировал, совершенно обмякнув.

— Даезаэль! Даезаэль!!!

— Что, — спросил вошедший в фургон Персиваль, — этот гадкий эльф наконец-то сдох?

— Не дожدهшься, — совершенно нормальным тоном ответил целитель, открывая глаза.

— Ты прикидывался, гад! — вспылила Тиса, отвечивая Даезаэлю пощечину. Я просто с облегчением вздохнула, хотя рука так и чесалась всыпать Сыну Леса.

Он резво отпрыгнул от нас подальше и обиженно сказал:

— Ничего я не прикидывался! Но разве тут умрешь, когда твоей смерти так радуются? Нет уж, умирать надо так, чтобы все вокруг рыдали, рвали на себе волосы и бороды и потом каждый день вспоминали, типа вот какой он был, а мы же его совершенно не ценили! А вы! Эх!..

Как бы там ни было, представление целителя имело успех — Тиса, успевшая совершенно расклеиться, вновь собралась и перестала жалеть себя.

— Я фургон поставил там, где приказал капитан, — пробурчал гном, обиженный, что на него снова никто не обращает внимания. — Давайте ужинать, что ли. Темно уже, как за дровами пойдем?

— Так и пойдем, — сказала Тиса, снимая фонари, висевшие на крюках возле скамьи управителя. — В зубах — фонарик, в руках — хворост. Магам, конечно, легче.

— Это только так кажется, — сразу жеотреагировал эльф. Он не мог допустить, чтобы кто-то подумал, что ему живется хоть чуточку легче, чем остальным. — А ты знаешь, как тяжело быть магом? О, это просто ужасно! Мы, рожденные магами, обречены всю жизнь жить со своим даром, долгое время учиться им управлять, заучивать длинные заклинания и дурацкие пассы руками! А я еще вынужден исцелять всяких идиотов, которые то на нож напарываются, — он бросил на меня короткий взгляд, — то в драку лезут, то воровством промышляют. А ведь никто не спрашивал, хочется мне этого или нет!

— В таком случае, не надо было идти в целители, — резонно возразила я.

— В воины мне хотелось идти еще меньше, а в агрономы вообще не хотелось. Возишься с растениями, возишься, чтобы их потом сожрал какой-то гном или подарили в букете какой-то дуре. Я хотел стать принцем или министром, но эти должности уже все заняты, и шансов у меня ноль. Целителем все-таки работать лучше всего, в крайнем случае, над пациентом можно поиздеваться.

— Слушая тебя, понимаю, что я сторонник здорового образа жизни, — призналась Тиса. — Слава всем Пресветлым Богам, со мной еще не случалось ничего, что бы заставило меня полностью отдаться в твои руки.

— Ничего, — оптимистично ответил эльф. — Все еще впереди.

Так как капитана не было с нами, я опять сварила рисовую кашу, и все с удовольствием ее умяли. Не приправленная кислыми взглядами Волка, каша была намного вкуснее. Это признал даже Даетазэль, который наелся так, что ему пришлось расстегнуть рубашку.

— Если ты и дальше будешь так готовить, — сонно сказал он, — я буду первым в мире толстым эльфом-путешественником.

— А разве есть толстые эльфы? — удивилась я. До этого момента я была уверена, что все эльфы исключительно стройные.

— Конечно есть. Если есть толстые люди, то почему бы не быть толстым эльфам? У нашей расы все есть, и даже лучше, чем у вас. Сидит какая-нибудь эльфийка дома, скажем, платки вяжет. Вяжет и при этом жует что-то, чтобы не так скучно было. А потом — бац! — и уже в любимое кресло не влезает, приходится у гномов диван покупать. Но толстые эльфы за пределы нашей автономии не выезжают, потому что чем больше двигаешься, тем лучше ты выглядишь.

— Завтра утром будет серьезная зарядка, — пообещала Тиса. — Чтобы ты вдруг не пополнел.

— Я в общем-то на такое не рассчитывал, когда рассказывал вам об эльфийских нравах, — обиделся Даетазэль. — Ничего вам больше рассказывать не буду, раз вы такие.

— Да, — согласилась воительница. — Мы такие. Хуже, чем вы.

— Быть хуже эльфов совсем не трудно, — буркнул целитель, укладываясь спать возле пышущих жаром углей. — А ты попробуй хоть чуть-чуть приблизиться к нашему совершенству!

— Надеюсь, эта ночь пройдет спокойно, — сказала Тиса мне, а потом повысила голос: — А то ходят всякие по закрытым вечеринкам, потом посреди ночи возвращаются, всех будят.

— А ты не завидуй, — донеслось от костра. Компанию эльфу мы с Тисой решили не составлять и легли спать в фургоне.

Ночью нас разбудили ужасные, заунывные и пронзительные вопли.

— Нечисть! — мгновенно определила воительница, хватаясь за меч и осторожно выглядывая из фургона. — Надо же, а Сыч уверял, что в их домене всю нечисть изгнали. А тут прямо рядом с замком!

На замковых стенах уже зажигались огни.

— Даетазэль! — крикнула Тиса. — Давай быстрее в фургон, будем держать оборону здесь, подождем подкрепления из замка. И Персика прихвати.

— Как же я его прихвачу, когда он у вас? — отозвался целитель, запрыгивая на задник. Мы с Тисой переглянулись. Я хлопнула в ладони и зажгла большой светящийся шар. Гнома в фургоне не было.

— Пошел в кусты, и с концами, — печально заключил эльф, на всякий случай заглядывая под все одеяла. — Но рядом со мной его точно не было. А ведь говорил я ему, чтобы не пил он столько чая на ночь! И вот результат! А еще ведь смущается, наверное, залез далеко в лес, чтобы сделать свои делишки. Ну что, пойдем его спасать или завтра с утра отыщем его череп, отполируем и привезем гномьей мамаше в утешение? Кто за второй вариант?

— Наверное, все-таки стоит пойти его спасать, — неуверенно предположила Тиса, к которой, как к наиболее опытной в боевых действиях, негласно перешло командование. — Но с другой стороны, мы же не знаем, сколько там нечистых собралось. Лезть прямо им в пасти нельзя. Да и вопил бы гном, если бы еще был жив...

— Значит, утром идем искать череп, — подвел итог Даезаэль.

— Что там за звуки? — нервно спросила я, слыша позвякивание посуды.

Эльф, как самый зоркий в темноте, выглянул из-за полога и доложил:

— Там какое-то странное животное твою кашу доедает. Засунуло морду в котелок, а она там и застряла!

— Я же говорила, что котелок после ужина надо было помыть! — прошипела Тиса. — Вот теперь сама будешь его отмывать от нечистой слюны!

— Как бы я его помыла, если воды нет? — огрызнулась я. — Только на чай запасов и хватило! Капитану, прежде чем нестись в замок, нужно было сначала озаботиться поисками ручейка. Тоже мне, возможностью домена перед носом помахали, и он тут же про все забыл!

— Не тебе осуждать капитана! — возмутилась девушка. — Что ты...

И тут...

Этот вопль ни с чем нельзя было спутать. И был он куда страшнее и тоскливее любого звука, который издавала нечисть.

— Мама-а-а-а!!!

— Вот это да! — искренне восхитился эльф. — Он мало того что выжил, он еще и всю нечисть в округе распугал! Те, что возле костра отирались, драпают так, что лап не видно!

— Э-ге-гей, Персик! — заорала Тиса, высываясь из фургона. — Ты там цел?

— Це-э-эл!

— Молодец! Иди к нам, ты всех волкодлаков распугал, они убежали.

— Не могу-у!

— Почему?

— Я на дерево залез и слезть не могу-у!

Мы, не сговариваясь, посмотрели на Даезаэля.

— Чего вы на меня так нехорошо смотрите? — испугался эльф. — Я его снимать не полезу, и вообще, это преувеличение, что все эльфы умеют лазать по деревьям. Тем более в темноте. Тем более я не знаю, как далеко нечисть убежала. И вообще, обглоданный череп эльфа — это неэстетично.

— Ты же говорил, что эльфов нечисть не ест, — напомнила я.

— На себе проверять я это не буду! И вообще, кто у нас тут больше всех кричал, что он ответственен за жизнь и здоровье подчиненных? И где он?

— Не смей осуждать капитана! — возмутилась Тиса.

— Не смей выгонять меня в ночной лес спасать этого кретина, которому приспичило в кусты не вовремя сходить!

Тиса и Даезаэль молча буравили друг друга взглядами. Я благоразумно не вмешивалась. Наконец девушка вздохнула, признавая свое поражение.

— А я еще не понимала Ярослава, когда он говорил, что руководить — самая тяжелая работа! — посетовала она.

— Вы идете меня спасать или нет? — снова завопил гном.

— Усаживайся поудобнее! — ласковым тоном заорала Тиса в ответ. — И привяжись к стволу. Не бойся, волкодлаки по деревьям не лазят. И жди утра, мы обязательно тебя оттуда снимем!

— Персик, мы в тебя верим! Ты же не сделаешь нам такой подарок — не дашь себя сожрать? — закричал Даезаэль. — Но если что, даю честное эльфийское, я привезу твоей маме твой череп! Я даже собственноручно его отполирую и выграввирую на нем дату твоей героической смерти!

Я поняла, что мне нужно тоже что-то ободряющее крикнуть страдальцу, но почему-то ничего умнее, чем «Спокойной ночи!», в голову не лезло. Этим я и ограничилась, чтобы не наговорить лишнего.

Персиваль отнюдь не хотел спокойно проводить ночь.

После долгой паузы — видимо, устраивался поудобнее и привязывался — гном продемонстрировал все хваленое упорство, присущее этой расе.

Сначала он на разные голоса звал маму. Потом начал петь гномьи народные песни, все, как одна, заунывные, на одной ноте и с непонятным содержанием. А потом принялся петь боевые песни, и лучше бы он продолжал петь народные.

Даезаэль, с риском задохнуться, навалил на себя все подушки, найденные в фургоне, и прятался там от песнопений сидельца на дереве. Судя по тому, как он периодически нервно вздрагивал, ему были прекрасно слышны рулады мощного гномьего голоса.

Я тоже не могла заснуть, а вот Тиса, наоборот, спала прекрасно, и даже перестала вертеться во сне.

Как только рассвело, эльф откинул подушки и сказал:

— Все, идем снимать Персика. Пусть меня лучше сожрет голодный волкодлак, чем я выслушаю еще хоть одну песню. Тиса, подъем!

— А? Чего? — Она сладко зевнула. — Знаете, я так хорошо выспалась, прям как в армии. У нас там одно подразделение было, тоже любили по ночам песни петь. Так спокойно под это спится!

— Спокойно?! — завопил эльф. Он был бледен, под глазами залегли круги от недосыпа.

— Ну конечно, спокойно! А ты как думал? Если поют, значит, все спокойно, ничего не случилось, на нас никто не напал. Раз гном вопил всю ночь, значит, жив-здоров, от ран не страдает. Чего переживать? Пошли, что ли, только веревок побольше возьмите, пригодится.

Примчавшиеся из замка Ярослав, Драниш и десяток стражников под командованием невероятно гордого собой Гуслы застали спасательную операцию, а точнее, обсуждение тактики спасения в самом разгаре.

Во-первых, Персиваль от страха залез невероятно высоко на сосну, где и просидел всю ночь, обхватив ствол ногами и привязавшись поясом.

Во-вторых, у бедняги затекло все тело, и он с трудом мог шевелить конечностями, а вот голос у него за ночь совершенно не охрип, а разработался, поэтому стонал и жаловался он очень громко и очень пронзительно.

В-третьих, обвязать веревкой-то мы его обвязали, но вот как снять? Тиса, которой пришлось лезть на сосну, предлагала просто столкнуть гнома с ветки вниз, а мы с эльфом потихоньку спускали бы его на веревках, служа противовесом.

Но Даезаэль категорически отказался:

— Мы его просто не удержим! Он рухнет вниз и отобьет себе все внутренности, а мы взлетим на его ветку, и тогда придется снимать уже нас, а потом отскребать остатки Персика с земли.

Такой вариант гнома категорически не устраивал.

Вариант с магией тоже не прошел — я просто не знала такого заклинания, чтобы создать воздушную подушку, которая бы удержала гнома во время падения перед самой землей.

Так мы и стояли, задрав головы, уже досконально изучив вид гнома снизу, и

предлагали варианты один другого хуже, пока не приехал капитан с подмогой.

— Где вы были всю ночь! — накинулся на них эльф. — Нас тут чуть волкодлаки не съели!

— Но не съели же, — спокойно ответил капитан, рассматривая сидящего на ветке гнома.

Тиса так радостно улыбалась Волку, будто не она вчера рыдала из-за него в три ручья. Гном сверху смотрел на все с мученической гримасой.

Троль крепко обнял меня и долго молчал, уткнувшись подбородком в мою макушку.

— В замке строгий закон, — объяснил нам Гусла позднее прибытие помощи. — С наступлением темноты и до утра мост поднят и все ворота заперты, что бы ни случилось. Во как!

— Мы собирались мчаться вас спасать, — сказал Драниш. — Но нам запретили. Ты не представляешь, как мы за вас переживали!

— А мы-то как натерпелись! — подхватил Гусла. — Этот ваш дружбан так вопил всю ночь, что мороз по коже! Лучше бы волкодлаков слушали, это уж привычнее.

Десяток крепких мужиков все-таки сняли гнома с ветки, и мы долго растирали Персивалю затекшие конечности, прежде чем он смог сделать хоть один шаг.

— Капитан, — робко сказала я, когда мы подошли к фургону, — нужно где-то ручеек найти, волкодлаки котелок облизали, в нем теперь готовить нельзя...

— Конечно, — сказал Волк. — Заедем. И котелок помоем, и Персивалю от смолы отчистим... Все сделаем. И тогда уже решим, что делать дальше.

Как только мы тронулись в путь, я разузнала у тролля подробности их пребывания у Сыча. О Ясноцвете Крюк в замке никто ничего не знал. А многочисленные агенты разведки старого Сыча уверяли, что чистокровная благородная даже не пересекала границ домена. Поиски невесты Ярослава, едва успевшие начаться, тут же уперлись в тупик, к вящей радости Тисы и унынию Драниша, который уже намечтал себе богатое племя.

Волк сосредоточенно вел фургон, и о чем он думал и как относится к поискам будущей супруги, по его непроницаемому лицу сказать было нельзя.

14

Если вам кажется, что дело нечисто, возьмите тряпку и помойте пол, а не предавайтесь досужим размышлениям.

Бургомистр Тетва Сычѳв

— Надо все логически продумать, — сказал троль, вырывая нас из сладкой дремы после плотного завтрака.

Капитан вел фургон по направлению к столице домена, городу Сычѳвску, заявив, что «невесты невестами, а работу королевских гласов никто не отменял». Но троль не сдавался и решил разработать план поиска пропавшей Ясноцветы.

— Зачем тебе суетиться? — спросила я. Глаза мне было открывать лень. — Капитана вон поиски не волнуют.

— Еще как волнуют, — заверил меня троль. — Он только с виду такой невозмутимый, а на самом деле только и думает, как девицу отыскать раньше остальных желающих получить вознаграждение. А почему мне это важно, я тебе уже объяснял. Котя, разве ты не хочешь быть женой вождя большого племени?

— Но я думала, что ты уже накопил достаточно денег для того, чтобы основать собственное племя!

— Накопил-то накопил, но деньги никогда лишними не будут. Чем больше денег, тем большую территорию я могу себе приобрести и тем больше троллей придет под мою руку. Я еще вот что придумал. У нас же с тобой будет межрасовый брак, а это значит, что наше племя будет привлекательным для остальных таких семей. А это лучше, чем руководить

только троллями!

— А что, таких семей много? — удивилась я.

— Конечно много! Знаешь, как к нам женщины липнут? Разве могут плюгавенькие человеческие мужинки сравниться с нами? Такой муж в хозяйстве намного полезнее. И детки крепкие рождаются, тоже плюс. — Он мечтательно заулыбался, но потом встряхнул головой, почесался и вернулся к теме поисков невесты: — Так вот, давайте логически думать. Ярик, ты тоже участвуй в обсуждении, — обратился Драниш к спине капитана.

День выдался очень теплый, и кожаный полог был раздвинут, не препятствуя Тисе любоваться затылком любимого человека.

— Ну? — буркнул Волк.

— Так, ну-ка, все дружно представляем себя Ясноцветой Крюк, дочерью Сиятельного с северного приграничья!

— Если бы я была чистокровной благородной, я бы из дома не сбежала, — сонно пробормотала я. — У них же все есть! Зачем куда-то бежать? Наслаждайся себе роскошью и живи в свое удовольствие.

— Предположим, она сбежала потому, что не захотела выходить замуж за Ярослава, — зевнув, сказал Даезаэль. Ему хотелось спать после ночных гномьих концертов, но любопытство перевесило.

— Дело в том, что благородные почти все женятся не по любви, а по договору, — серьезно сказал Драниш. — Так что она с детства знала, что ее это ждет, и никакого сюрприза неожиданная помолвка не несла. Да и Ярик, как ни крути, парень симпатичный, особенно если твой отец — сморчок.

— Вы не там копаете, — сказал Ярослав, выдавая свою заинтересованность. — Причина, почему Ясноцвета пропала, неважна. Важно то, чем она сейчас занимается. Благородных девушек не учат выживать вне дома. Она не умеет сама готовить, убирать, ухаживать за собой. А девица Крюк не только выжила в незнакомой среде, но еще и пересекла треть страны, с крайнего северного домена аж сюда, на запад. Плюс ко всему она недавно использовала сильную магию, так сказал ее отец, а причин ему не доверять у меня нет. И заметьте, она не просила о помощи Дома — об использовании татуировки сразу стало бы известно крюковским придворным магам, и сюда заботливый папочка пригнал бы армию.

— Я знаю, где Ясноцвета! — воскликнула я. Строить предположения оказалось необыкновенно интересно. — Она сбежала с ульдоном!

— Что?!

Ярослав даже остановил фургон, чтобы обернуться ко мне и переспросить в крайнем удивлении:

— Как это — сбежала с ульдоном?

— А вот так! — Я принялась загибать пальцы, перечисляя аргументы в пользу своей теории: — Во-первых, она явно сбежала не сама, о ней должен был кто-то заботиться, раз аристократки такие неприспособленные к жизни. Во-вторых, был бы это похититель, он бы уже предъявил требования выкупа, и тогда ее не было бы смысла везти так далеко от дома. В-третьих, если бы она сбежала с каким-то любимым — благородным, то они бы уже поженились и предъявили права на свою половину домена. В-четвертых, только в приграничном регионе беглянка осмелела настолько, чтобы использовать сильную магию, а значит, близок пункт назначения. В-пятых, служащие Сыча уверены, что они не смогли бы пропустить путешествующую знатную даму, а значит, она путешествует под покровительством кого-то, достаточно могущественного. А мы уже имели печальный опыт встречи с ульдоном — он летал себе и никого не боялся, хоть и находился в чужом домене. А в-шестых, может быть, именно дело об исчезновении девицы Крюк расследовал Чистомир? Зачем ему еще спать с дочкой ульдона, ведь война закончилась и шпионаж уже смысла не имеет.

Я гордо продемонстрировала слушателям загнутые пальцы.

— Ну, котя, голова у тебя здорово варит! — восхитился тролль, пока капитан молча

обдумывал услышанное.

Похвала мне была приятна.

— А ты как думал? — улыбнулась я. — У нас иногда товары пропадали, приходилось искать, а в таком деле без логики не обойтись.

— Мила, — вдруг сказал эльф, — а почему ты никогда не рассказываешь о своей семье? Почему так случилось, что богатая купеческая дочка ездит по дорогам королевства в такой странной компании?

— Ты тоже о своей семье не очень-то распространяешься, — пожала я плечами. — Что тут рассказывать? История моего отца очень типична, особенно для военного времени. Погнался сразу за двумя зайцами и прогорел. А я вот теперь деньги на себя зарабатываю.

— Ты же еще на войну собиралась, да? — спросил тролль.

— Конечно, собиралась. И попала бы, если бы она не закончилась так не вовремя. На войне хорошо платят.

— На войне еще хорошо убивают, — напомнил Ярослав. — Значит, наш путь в поисках моей невесты ведет к границе, и это хорошо. Нам все равно туда нужно.

— Это точно, — задумчиво сказал эльф. — Нам очень нужно кое-что разузнать. Например, почему в замке нас уверяли в том, что нечисти в домене нет, а мы столкнулись не просто с волкодлаками, а с волкодлаками у самых стен замка! Не может же быть, чтобы нам внезапно так сильно «повезло».

— И почему гарнизон не пришел нам на помощь, — мрачно добавила Тиса. — Ведь замковых стражников столько, что им эти несколько волкодлаков — как стайка комаров. Они боялись, что нечисти будет больше? Что-то не сходится.

— Меня и самого это волнует, — отозвался Волк. — Но прежде чем обвинять Сычей, нужно съездить хотя бы в несколько городов домена. Может быть, вся проблема в том, что старый Сыч уже неспособен управлять доменом, и ему дают ложные доклады о текущем положении дел. А может, потому, что его сыну абсолютно плевать на управление доменом, для него главное — развлечения.

— Да, вчера он был очень недоволен, что мы прервали его охоту, — вспомнил тролль. — Еле сдержался, чтобы нас не послать куда подальше. Но когда узнал, в чем дело, искренне заинтересовался. Оказывается, он знает Ясноцвету!

— Знает? — удивилась Тиса.

— Да, он гостил у Крюков пару лет назад и видел ее. Говорит, довольно симпатичная молодая особа, правда, пухленькая, как пышка, и мелкая росточком.

— Это что, она похожа на шарик? — уточнил эльф, показывая руками примерную фигуру девицы Крюк.

Тиса рассмеялась. Ее жилистому телу никогда не грозило стать пухленьким, поэтому она могла вдоволь издеваться над Ясноцветой-толстушкой.

— А я, например, ничего против пухленьких не имею, — заявил Драниш. — Мягкая женщина приятнее на ощупь. Вот тебе, котя, кстати, не мешало бы немного поправиться, а то ты слишком тощая.

— Да уж, — фыркнула я. — С вами поправишься. То пробежки, то отжимания, то еще какую-нибудь ерунду придумаете.

— Кстати, — вспомнил тролль, — а вы ведь сегодня еще не тренировались подтягиваться на крышу фургона! Даезаэль, я знаю, что ты не спишь. Персиваль, подъем, сосна показала, что у тебя большой физический потенциал. Ну не хнычь, больно в мышцах будет только первые полчаса. Итак, начали, и — рраз!..

Сычёвск оказался большим и, как ни странно, очень тихим городом. То ли это было связано с тем, что время послеобеденное, то ли жители были дружно заняты на каких-то общественных работах, но на улицах не было видно празднующихся, а также бродяг, попрошаек, уличных торговцев и играющей детворы.

— Как-то это все странно, — поежился Даезаэль. — Вроде и город живой — вон лавка

открыта, и в ней женщина что-то покупает, — но и не живой одновременно. Где бродячие собаки? Что за город без бродячих собак? Вон бакалейная лавка. Возле нее должна быть хоть одна собака! Они их что, всех съели?

На главной площади тоже было пустынно, только журчание фонтана, изображавшего большую птицу, из клюва которой текла тонкая струйка воды, хоть как-то нарушало тишину.

Тролль спрыгнул с фургона, не дожидаясь его полной остановки, мягко, по-кошачьи приземлился на полусогнутые ноги и подошел к дверям городской ратуши.

— Есть тут кто? — Он постучал кулаком.

Дверь приоткрылась, и оттуда высунулась фигура в желто-зеленом облачении.

— Есть, есть, — сказала фигура. — А вы, собственно, кто?

— Мы — королевские гласы. — Капитан подал чиновнику верительные грамоты. — Мы сегодня из замка вашего Владетеля приехали, с инспекцией.

— Ясно, — сказала фигура. — Сейчас бургомистра позову.

Дверь захлопнулась, оставив нас всех стоять на пороге.

— И правильно, — бодро сказал тролль. — Нечего вам тут, королевским гласам, по ратуше расхаживать. Стойте на улице, учитесь смирению.

Дверь снова открылась, и на пороге появился бургомистр. Был он, по сравнению со всеми виденными мною бургомистрами, слишком худым и слишком мрачным. Форма — тусклая, плохо сидящая — только подчеркивала его болезненную худобу.

— Инспекция? — кивнул он. — Я — Тетва Сычѐв. Можете приступить.

— Как приступить? Сразу? — Даже капитан растерялся, а что уж тогда говорить о других, демонстрировавших разинутые рты и круглые глаза.

— Да. Все документы у нас в порядке.

— А как же королевское судилище? Ведь людей нужно предупредить!

— У нас нет заявок на королевское судилище, — сухо сказал Сычѐв. — Все спорные вопросы разрешаются Владетелем.

Он впустил нас в ратушу, и я только сейчас поняла, что окна здания скорее напоминают узкие бойницы, давая совсем мало света. Мы шли по коридору, и наши шаги гулко отдавались в царящей кругом тишине.

— Скажите, а в Хвостовске бургомистром случайно не ваш брат? — осторожно спросил тролль. Его голос разнесся по коридору и вернулся эхом. Я поежилась и с трудом подавила в себе желание схватить Драниша за руку.

— Брат. Двоюродный, — лаконично ответил Тетва. — И пожалуйста, не упоминайте о нем больше. Наши методы управления городом совершенно различны.

— Заметно, — фыркнул эльф, но заработал от капитана мрачный взгляд и потупился.

— Вот здесь, — бургомистр остановился перед большой дверью, обитой железными пластинами, — стоит артефакт связи. Приступайте.

Волк кивнул Тисе и Персивалю. Бургомистр продолжал:

— Сейчас я вас проведу в архив, и вы сможете посмотреть все документы, какие захотите. Когда стемнеет, мой помощник проведет вас на постоянный двор.

— Скажите, а почему у вас в городе нет бродячих собак? — спросила я.

Бургомистр обернулся и окинул меня внимательным взглядом.

— Потому что, — ответил он после паузы, — они опасны для горожан, и мы их всех уничтожили.

— Чем же они опасны? — продолжала я спрашивать, не обращая внимания на нахмурившегося капитана.

— Тем, что могут искусать ребенка или женщину, — ответил бургомистр.

— И как же вам удалось истребить собак?

— Стража занималась этим целый месяц. — Сычѐв не выказывал ни тени раздражения моими глупыми вопросами.

— То есть вам удалось уничтожить всех собак? — еще раз спросила я.

— Да, — не задумываясь ответил бургомистр. — Всех.

— Понятно. Скажите, а где все лошади? На ком-то жители ведь ездят, а я не видела ни одной, и даже следов на улице...

— Лошади содержатся на специальном пастбище. Потому что в городе от них слишком грязно, и жители не всегда соблюдают условия их содержания. Еще есть вопросы?

Я, задумавшись, отрицательно качнула головой. Какие-то непонятные дела творились в городе, а вот какие? Может быть, это у меня просто разыгралось воображение и ничего нет странного в том, что в городе нет собак и лошадей, что не шумит детвора и не злословят на углах кумушки. Может быть, бургомистр — педант и параноик и заставил весь город жить по своим правилам?

Специальный помощник отвел хмурого Даезаэля в центральную лечебницу, которая примыкала к ратуше. Мы втроем зашли в архив, и, как только за нами закрылась дверь, тролль бесшумно подошел к небольшому полукруглому окну и попробовал его открыть.

— Заколочено, — ответил он на немой вопрос Ярослава. — Ломать не буду. Все, я пошел.

— Куда? — спросила я. Рядом с троллем в этом странном городе мне было куда спокойнее, чем без него.

— Пойду возле Даезаэля постою. На всякий случай. Ярик, если что, тебя защитит, а вот эльфа защитить будет некому.

Волк кивнул и обратился ко мне:

— Давай проверим архивы города.

За окном уже опустилась непроглядная темень, когда нас оторвал от работы помощник бургомистра:

— Позвольте проводить вас на постоянный двор. И прошу вас не покидать его до утра. У нас в городе комендантский час.

— Почему? — спросила я, разминая затекшие мышцы.

— Потому что это приграничье, сударыня, — ответил помощник, на выходе из ратуши зажигая огромный факел. — В приграничье ночью может многое случиться.

— В центре города?

— Да, сударыня. Наша стража не может уследить за всеми.

— Кем — всеми?

— Нарушителями спокойствия, сударыня, — спокойно ответил чиновник, словно не видел ничего странного в комендантском часе для стольного города домена.

Мы молча собрались в большом зале, где, кроме нас и владельца постоянного двора, не было никого.

Хозяин без улыбки подавал нам простые, но сытные блюда.

Мы, не говоря ни слова, ели, понимая, что время для обмена впечатлениями еще не пришло.

Внезапно в зал вошел бургомистр. Был он, несмотря на поздний час, все так же одет, гладко выбрит и выглядел бодрым, как будто это было начало рабочего дня.

— Господин Волк, — сказал он после того, как пожелал нам приятного аппетита, — вы близко знакомы с господином Томигостом Сычом?

— Да, мы дружили в детстве.

— Понятно. Что ж, надеюсь, вас инспекция удовлетворила?

— Вполне. Завтра утром, думаю, мы отправимся в путь. И конечно же результаты инспекции будут отправлены вашему Владетелю.

— Как вам будет угодно, — слегка поклонился Сычѳв. — Но должен вас предупредить, что Владетель не очень интересуется внутренними делами городов. Налоги мы выплачиваем регулярно, закон не нарушаем. К тому же весь высший свет домена в основном живет на территории замка, редко посещая свои владения.

— Все же я отправлю отчет Сычу. — Голос Волка был очень холоден.

— Боюсь, вы неправильно поняли происходящее и можете исказить его в своих рапортах, — вздохнул бургомистр. — Мне бы этого очень не хотелось.

— Так объясните, — предложил тролль. — Мне, например, категорически не нравится то, что мы здесь увидели.

— Мы живем по законам приграничья, а они суровы. Вам, приехавшим из центральных доменов, этого не понять, как ни объясняй.

— Почему же не понять? Мы воевали с нечистью. Но ведь война закончилась! И в замке нас уверяли, что в домене все спокойно.

— В домене все спокойно потому, что мы соблюдаем правила безопасности, которые вам кажутся такими странными. — В первый раз в голосе бургомистра прозвучали эмоции, и очень сильные. Я бы даже сказала, что это был крик души. — Если не приучить горожан всегда быть начеку, то в случае чего город может понести большие потери.

— В случае чего? — спросил капитан, подняв бровь и склонив голову к плечу.

— За многие годы тут разное бывало, господин Волк. И не всегда это заканчивалось хорошо. А в окончание войны мы не верим. Она закончилась только на бумаге.

— Что вы имеете в виду? — нахмурился тролль. — Это пахнет государственной изменой!

— О нет, господин Рых, что вы! Я предан короне не меньше, чем вы, и поэтому я здесь, а не в каком-то уютном городке поближе к столице. Мы в приграничье уже многие десятилетия живем в состоянии войны, вне зависимости от политического положения и указов свыше. Ведь каждому волкодлаку не покажешь бумажку с печатью, особенно если он при этом голоден. Я просто хочу, чтобы вы знали, что все, что я делаю, направлено только на благо жителей этого города.

— Все ясно, — решительно прервал разговор Ярослав. — Как бы там ни было, я завезу отчет об инспекции Владетелю Сычу. И завтра утром мы покинем ваш не очень гостеприимный город.

Бургомистр встал, поклонился и ушел, не сказав больше ни слова.

— Зря вы его прервали, — тихонько сказала я Волку. — Возможно, нам бы удалось добиться его расположения и уговорить перестать изъясняться загадками.

Капитан в ответ сердито на меня зыркнул, и я не сомневалась, что он полностью уверен в правильности своих действий.

Свободно поговорить нам удалось только в бане. Решив, что разделяться слишком опасно, капитан загнал туда нас всех, даже не притворившись, что его хоть капельку интересуют мои протесты.

Закутавшись в простыню по самый нос, я смотрела в угол. За моей спиной обнаженные мужчины обсуждали свои впечатления от города, и я тихо злилась на себя и на них. Что за пренебрежение правилами приличия! Когда мне удалось взять себя в руки, я поняла, что часть разговора я уже пропустила и сейчас Даезаэль как раз делится своими наблюдениями.

В главной лечебнице было все нормально. Нормально для обычного городка в глубине страны, а не для города в приграничье. Всего несколько укусов волкодлаков за год! Ни одного случая трупной лихорадки, которой заражаются, если где-то встают мертвые. Все было точно так, как рассказывал Даезаэлю молодой целитель из Хвостовска. Эльф не поверил бы отчетам, если бы не поговорил с пациентами лечебницы и они не сказали, что действительно в округе не было восставших кладбищ и не было случаев укусов волкодлаков.

— А с какими заболеваниями лежат пациенты в лечебнице? — спросил капитан.

— Ничего подозрительного. Несколько тяжелых переломов — на строительстве упал тяжелый гранитный блок, — трудные роды и несколько стариков, у которых болит все — их родственники сплывили, чтобы жалоб не слушать. — Даезаэль фыркнул, отплеываясь от воды.

Я тоже очень хотела искупаться, но как? Под взглядами остальных? Приходилось терпеть, изучая деревянные стены бани.

Финансовые документы бургомистра Сычёва и его подчиненных были в абсолютном порядке. В таком идеальном, что это вызывало оторопь. Ни единой растраты, ни единого исправления, ни одной суммы, потраченной неизвестно куда. Идеальные бухгалтерские

книги. Если бы я воочию не видела такие же у своего отца, который неимоверно педантично обращался с любой документацией, я бы не поверила, что такое может быть. Но неужели бургомистр отучил воровать всех своих подчиненных? Или показательно казнил парочку для устрашения, а остальные сами отказались от мысли о растратах?

Тиса спокойно мылась, ни на кого не обращая внимания и не участвуя в обсуждении. Ей было все равно: подозрительный город, не подозрительный, главное — поиски невесты Ярослава снова откладываются.

Все ушли из бани, когда она стала уже остывать. Я, досконально изучившая доски на стенах до последнего сучка, наконец-то получила возможность свободно помыться. Сколько бы я ни путешествовала с ребятами в одном фургоне, наплевать на правила приличия, к которым была приучена, не могла. Это их дело, как и с кем мыться, я же всегда следовала установленным правилам, и это никогда меня не подводило.

Когда я вышла из бани на темный двор, меня там ожидал приятный сюрприз: у дверей дремал, сидя на корточках, тролль. Рядом с ним стоял зажженный фонарь.

Услышав скрип двери и шаги, Драниш поднял голову и окинул меня веселым взглядом:

— Знаешь, мы с эльфом пари заключили: будешь ты мыться вместе со всеми или предпочтешь холодную воду публичному обнажению. Я выиграл.

— Теперь понятно, почему вы так долго плескались, — мрачно сказала я.

Вредный Дазеаэль знал, что я терпеть не могу холодную воду, но он явно недооценил мою стыдливость.

— Надеюсь, он много проиграл?

— Ага, пять подзатыльников. Предоставляю это право тебе, хоть душу отведешь. — Драниш набросил мне на плечи свою куртку. — Вот, — пояснил он, явно смущаясь, — специально бегал за ней в фургон. Знал, что тебе ночью, да еще после холодной воды, будет не очень комфортно.

— Я бы тебя поблагодарила, если бы не лишилась горячей воды только из-за вашего дурацкого спора, — буркнула я.

— Это вовсе не из-за меня, — возразил Драниш. — Ты думаешь, капитан тебе предоставил бы право первой купаться, раз он уже зашел в баню? Мыться вместе с ним, как Тиса, — пожалуйста, но ждать кого-то — это не в его правилах... Но раз Ярика уже не изменишь, почему я не могу получить от этого хоть какую-то выгоду? Хотя бы в виде подзатыльников?

Сегодня ночью поспать на кроватях — как я тайком мечтала — нам не удалось. Из соображений безопасности капитан приказал ложиться спать в фургоне и самолично проверил, хорошо ли заперты ворота во двор.

Ночь прошла в гнетущей тишине. Удивительно, как я привыкла спать, когда за стеной фургона раздается какой-то шум: ветки деревьев качаются на ветру, ухают ночные птицы, перетягиваются лисы, где-то шумно топает лось... В городе всегда гавкали собаки и шумели поздние гуляки или было слышно, как где-то жена костерит загулявшего мужа, призывая в свидетели соседей. А в Сычёвске было тихо. Центр города был вымощен плиткой без единого клочка зелени, поэтому не было даже привычного шума от веток деревьев. Струйка фонтана на городской площади была такой тоненькой, что ее звук был едва различим.

— Слышите, — сказал вдруг тролль, я и поняла, что все, даже Персиваль, лежат, как и я, без сна, — городской стражи нет. По моим расчетам, должно было уже пройти как минимум два патруля. Или они недвижно на своих постах стоят?

— Думаю, они сидят в караульных помещениях, — отозвался Волк. — Ты разве не обратил внимания, что они у них в каждом квартале? Тишина такая, что сразу будет слышно, если где что случится.

— Я бы утром поехал обратно в замок Сыча и припер бы старикана к стене, — признался после непродолжительного молчания Драниш. — Что за дела творятся у них в домене?

— Он может об этом и не знать, — задумчиво проговорил Ярослав. — Ты заметил, как бургомистр явно не хотел, чтобы мы отправляли Сычу отчет об инспекции города? В любом случае мы можем сделать какие-то окончательные выводы, если побываем еще хоть в одном городе. Нам все равно нужно проехать вдоль границы.

Несмотря на то что мы поднялись, едва забрезжил рассвет, хозяин постоялого двора был уже на ногах. Более того, в печи уже стояли готовые блюда, и не просто вареная картошка с запеченной на углях курицей, а изысканные яства, уместные больше на приеме у благородных, чем в обшарпанном и пустом обеденном зале.

— Почему такая перемена? — удивился тролль, бесцеремонно заглядывая под крышку одной из кастрюль. — Уй как пахнет! Желудок просто через рот сейчас выскочит.

— Бургомистр приказал кормить вас согласно вашему положению, — криво улыбаясь, сказал хозяин.

— А что с лицом? — Даезаэль не мог не отметить странное выражение лица владельца постоялого двора.

— Мы с женой всю ночь трудились, чтобы накормить вас как следует. Ведь бургомистр приказал!

— А вы что, все приказы бургомистра выполняете? — спросил тролль, уже запустивший руку в бараньи ребрышки под каким-то чудным соусом.

— Конечно! — Хозяин даже удивился.

— А если он прикажет вам дать вашей женой попользоваться? — Глаза у эльфа загорелись.

— Да, — твердо сказал хозяин.

— Здорово, хотел бы я быть вашим бургомистром! — Даезаэль обмакнул палец в подливу и облизнул его. — Какой необычайный вкус! Что это?

— Наше особое блюдо. — Хозяин опять криво улыбнулся. Наверное, так у него проявлялось дружелюбие.

Давно мы так вкусно и сытно не ели! Тролль и гном наелись так, что нам пришлось помогать им идти к фургону, где они упали на одеяла и тут же захрапели.

Фургон к ближайшему городку вела я, пока капитан, сидя рядом на скамье и напряженно хмуясь, рассматривал карту и что-то чертил на листочке.

— Мила! Вас на курсах учили, как определять направление действия магии другого мага?

— Нет, — ответила я, подумав. — Может быть, в университете такому и учат, но на курсах на это просто времени не хватило. А вы не умеете?

— Нет, я же не учился быть магом. Мне преподали основы магии и заклинаний, но не более того, — вздохнул капитан. — Я собирался стать военным, вот и делал основной упор на боевые и защитные заклятия.

— А что вы хотите узнать с помощью этого метода? — любопытствовала я, впрочем не надеясь, что капитан ответит. — Может быть, Даезаэль знает? Он все-таки тоже маг. Или есть какой-нибудь другой способ, попроще.

— Да вот думаю, как Ясноцвету искать, — неожиданно откровенно ответил Ярослав. — Если она использовала мощное заклятие, так что ее примерное месторасположение смогли определить маги рода Крюка, то и мы сейчас могли бы найти ее по магическому следу. Или хотя бы вычислить направление ее движения.

— Эх, жаль, — сказал эльф за нашими спинами, — я не знаю такого заклинания! А ведь результат мог бы получиться весьма интересным. А что, маги Крюка не могут определить направление движения беглянки и сообщить нам?

— Не могут. Для этого нужно найти приблизительное место, где она использовала свою магию. Пока они доберутся в этот домен, все следы уже будут утрачены, — ответил Ярослав. Он совершенно не удивился тому, что целитель бесцеремонно вмешался в наш разговор. Привык уже, наверное. Я представила его реакцию на такое поведение около месяца назад и едва сдержала смехок. Капитан менялся в лучшую сторону, даже если сам

этого не замечал.

— А как же маги Сыча? — полюбопытствовала я.

— Томигост мне ясно дал понять, что заниматься поисками девицы Крюк не будет. Ему это неинтересно, и к тому же он не хочет, чтобы в его домен прибыли желающие ее искать, а заодно пожить у них в замке за компанию.

— Еще бы, боится, что женихи за приданым отобьют его девочек, — хмыкнул Даезаэль. — Он за них так держится, будто одной-двух ему мало.

— Какова ни была бы причина, но младший Сыч уже связался с Крюком и убедил его не разглашать пока сведения о предполагаемом месте пребывания беглянки, — продолжал Волк. — Он надеется, что мы найдем ее достаточно быстро и проблема решится сама собой.

— А мы ее найдем? — спросила я. — А вдруг она все-таки сбежала с ульдоном? Что тогда?

Капитан промолчал. Наверное, он даже для себя еще окончательно не определил стратегию своего поведения относительно невесты.

— Я нашел слабое место в твоих умозаключениях! — вдруг воскликнул эльф.

— Это какое же? — осведомилась я.

— Да, какое? — спросила Тиса, не выдержав драматической паузы, которую держал Даезаэль.

— Как Ясноцвета, будучи магом, смогла сбежать с ульдоном? Ведь его аура — и вы с капитаном в этом убедились — губительно действует на обладающих магической силой!

— Э-э-э... — озадачилась я. Об этом я действительно не подумала.

— Это как раз не вопрос, — сказал Ярослав. — Мила, почему фургон стоит? Ты не можешь одновременно слушать и вести его?

— Простите, капитан. — Я склонила голову, признавая свою вину.

— Бегство Ясноцветы с ульдоном вполне возможно, они умеют приглушать свою ауру, ведь ульдоны не раз вели с королевскими магами переговоры, — снизошел до объяснений Волк. — И наверное, именно поэтому она и использовала свою магию, несмотря на опасность быть обнаруженной, — ведь ее спутник лишен такой возможности, ограничивая себя, чтобы не нанести вред дочке Крюка. А потом, на своей территории, он сделает девушке какой-нибудь защитный артефакт, типа гитары Чистомира.

— Интересно, а откуда у Дуба эта гитара? — спросил эльф. — Вот не спросил его тогда... Персиваль до сих пор ее вспоминает с дрожью в голосе.

— Старинный семейный артефакт, — ответил капитан. — У многих родов есть что-то подобное, но далеко не все таскают эти ценности по дорогам королевства. И я не знаю никого, кроме Чистомира, кто бы еще обращался с артефактом столь небрежно. Если бы это увидел ректор какого-нибудь магического университета, он бы Дуба на месте убил за такое пренебрежительное отношение к реликвии.

Городок, в который мы приехали к обеду, был значительно меньше Сычёвска, но совсем немного отличался — такой же тихий, такое же отсутствие бродячих собак и празднующих гуляк. Зато мы буквально через полчаса после начала проверки бухгалтерских книг нашли растрату, и это было словно бальзам на душу. Капитан был так доволен этим, что даже не повесил растратчиков, а ограничился выговором в зале заседаний ратуши, взяв меня в свидетели. Местные чиновники рыдали и каялись, ползая в ногах у сурового судьи. Зрелище было отвратительным, но Волк смотрел на унижающихся людей совершенно равнодушно.

Сцену покаяния прервал Драниш, что-то прошептавший на ухо капитану. Ярослав изменился в лице и вскочил с места, бросив мне:

— Едем, как только Персиваль закончит работу!

— А бухгалтерию дальше проверять? — спросила я.

— Конечно. И не забудь составить отчет.

Он стремительно вышел, оставив меня один на один с растратчиками. Слезы и стенания тут же прекратились, служащие ратуши встали с пола и принялись деловито

отряхивать свои желто-зеленые костюмы, вполне довольные жизнью.

— Если я найду еще растраты, — сказала я, чтобы они не чувствовали себя слишком уж вольготно, — капитан вас повесит. Всех. Прецеденты уже были.

Выдержав драматическую паузу, я подождала, когда мне начнут предлагать взятки за незамеченные дыры в городском бюджете. Судя по размеру денежного вознаграждения, суммы растрат были не такими уж и большими, поэтому я поступила так, как делала крайне редко, и только в особых случаях, — составила отчет для отправки в королевское казначейство не за пять лет, как обычно, а указав суммы только за последний год. А все остальное обобщила.

Почему-то я не очень хорошо себя чувствовала. Голова кружилась, слегка подташнивало. Поэтому, забросив финансовые дела, я поплелась в лечебницу и попросила дать чего-нибудь, предполагая, что это на меня так сильно подействовал завтрак. Отвыкла я есть такое количество острой и жирной пищи!

Там меня и нашел Драниш.

— Быстрее, едем уже, Персик работу закончил.

— Куда мы так спешим? — спросила я. Чтобы успеть за размашистым шагом тролля, приходилось бежать.

— По следам нашей беглянки, — радостно сообщил тролль. — Мне сказал начальник городской стражи, что недавно в сторону границы проезжала знатная дама с большим сопровождением — пятнадцать солдат без знаков отличия. Ярик уверен, что это Ясноцвета, потому что все местные аристократки все равно в замке Сыча сидят, да и не ездили бы они по своему домену с таким сопровождением. Мы скоро найдем Крюк! Эй, ну чего ты встала? Котя, эй, о чем ты думаешь?

— А? — очнулась я от своих мыслей. — Драниш, а что будет с нами, когда капитан найдет свою невесту? Мы ведь объехали едва треть сектора. Он же сразу захочет жениться... Или не сразу?

— Думаю, сразу, — поразмыслив, ответил тролль. — Зачем тянуть? Чем раньше женится, тем раньше станет Владетелем и может подать прошение королю о присвоении новой фамилии. Ну а нам дадут какого-нибудь нового благородного для проведения судилищ. Думаешь, мало желающих? Вон в замке Сыча — целая толпа бездельников с подходящим происхождением и образованием. Не переживай, котя! Если капитан нас покинет, командовать буду я, так что самодура в наш сплоченный коллектив мы не допустим. Не грусти. Я все сделаю, чтобы моя котя улыбалась.

В фургоне, завернувшись в одеяло, уже спал Даезаэль. Тиса с мрачным видом сидела на заднике — видно, ее совсем не радовала история про проезжавшую через городок благородную даму. Персиваль тайком что-то жевал — Волк спешил и решил, что без ужина мы можем обойтись.

— Капитан, — тихонько спросила я, становясь за его спиной, — можно задать вам личный вопрос?

— Да, — удивленно ответил он. — Но не гарантирую, что отвечу.

— Я все-таки рискну. Скажите, когда вы найдете Ясноцвету, вы сразу на ней женитесь? — спросила я.

— Думаю, сразу же, как только мы с ней прибудем в какой-то город, где будет наделенный соответствующими полномочиями бургомистр, — не раздумывая ответил Волк, и я поняла, что для себя он уже все решил.

— Но вы же ее совсем не знаете!

— Это совершенно лишнее условие для супружеской жизни Владетеля домена. Главное, чтобы она могла произвести на свет здорового наследника, — сухо ответил Ярослав. — А почему ты спрашиваешь? Тебя Тиса подговорила узнать?

— Нет. Просто... Я волнуюсь, что будет дальше с нами.

— Не бойтесь, работу вы не потеряете, я позабочусь об этом.

— Я же тебе говорил, — прошептал Драниш, когда я вернулась внутрь фургона. —

Почему ты мне не поверила?

— Нужно было убедиться, — серьезно сказала я. — Это ты знаешь капитана как облупленного, а для меня он во многом остается загадкой.

— Не влюбилась ли ты в него, Мила? — встревоженно спросил тролль, взяв меня за руку и чуть ли не впервые назвав по имени.

Ответ на этот вопрос я знала точно, поэтому смело взглянула ему в глаза:

— Нет, Драниш. Ярослав определенно не тот человек, которого я могу полюбить.

— А я?

Я улыбнулась, постаравшись вложить в улыбку всю нежность, которая во мне была:

— А ты очень хороший, Драниш. И любить тебя — это великая благодать.

15

Самое лучшее лекарство для вас — лечебное голодание. Свою еду можете отдать мне, я найду ей применение. И не забудьте заплатить за совет.

Стандартный метод исцеления Даезаэля Тахлаэльбрара для восьмидесяти процентов обращений пациентов

— Мила, Мила! Мила! — Имя пробивалось в мой мозг, как будто через замковую стену, вырывая меня из бесконечных кошмаров один другого ужаснее. — Мила! Очнись!

Налицо полилась холодная, такая освежающая вода. Я открыла рот, и Волк грубо сунул туда носик чайника, чуть не сломав мне зубы, впрочем, я была даже благодарна за боль, которая прогнала остатки кошмаров из моего сознания.

Пока я жадно глотала, стараясь не захлебнуться, капитан одной рукой растирал мне уши — лучший способ быстро привести человека в чувство.

— Давай, поднимайся же! — Ярослав почти насильно усадил меня, и я охнула, уцепившись за его рубашку обеими руками.

Фонарь на потолке безумно вращался, оставляя болезненные, доводящие до слез пятна в глазах.

— Что? — пролепетала я, понимая, что никогда мне не было так плохо. — Я... умираю?

— Посмотри на меня! — Капитан наотмашь ударил меня по щеке.

Я с трудом сфокусировала на нем взгляд и сразу же поняла, что ситуация критическая — на плечах Ярослава, просвечивая сквозь рубашку, ярко горела серебром татуировка.

— Нас отравили, — сказал Волк. — Поняла? Отравили! Все умирают, я смог привести в чувство только тебя. Сделай что-нибудь! Слышишь? Сделай!

Я закрыла глаза и попыталась упасть, но капитан не дал мне такой возможности. Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Это, знаете ли, больно, когда тебя бьют по щекам, да еще так сильно.

— Я не целитель, Мила, я не знаю, что делать в нашем случае! — Ярослав тряс меня за плечи. — Даезаэль умирает. Драниш не приходит в себя.

— Прекрати. — В горле нестерпимо царапало. — Прекрати меня трясти. Сейчас. Сейчас. Я думаю...

Так, нас отравили утром, вот что имел в виду хозяин гостиницы, говоря, что это специальное блюдо. Проклятый бургомистр так не хотел, чтобы наш отчет попал в замок Сыча, и поэтому отравил нас каким-то ядом замедленного действия. Это плохо, это очень плохо. Он не знал, что капитан узнает о предполагаемой невесте и помчится вслед за ней, даже не поужинав, — иначе подозрение пало бы на последний городок, в котором мы были.

Вот почему меня вечером тошнило! И вот почему капитан смог разбудить только меня — я приняла хоть что-то, что помогает организму бороться с ядом. И вот почему Даезаэль так рано лег спать! Интересно, почувствовал ли он неладное и выпил ли что-то из чудодейственных эльфийских антидотов?

Я на четвереньках подползла к целительской сумке — она была пуста. И моя, в которой хранились всякие безобидные настойки типа валерьянки или подорожника, и эльфа, раньше набитая под завязку порошками и бутылочками. Бургомистр предусмотрел все.

— Мы обречены? — спокойно спросил капитан, помогавший в поисках и по мере необходимости приводивший меня в чувство.

Я привалилась к груди Ярослава, обхватив его руками. На его спине мои ладони жгла серебристая татуировка, и это помогало связно мыслить куда лучше оплеух. Думай, думай, ты что-то упускаешь, что-то упускаешь...

— Я не сдамся так легко, — прошептала я, вонзив ногти в ладони. — Не сдамся. Должен быть выход...

Да! Конечно!

— Ярослав, подними меня на крышу и выбрось на улицу одеяла, — решительно сказала я.

Капитан повиновался без лишних вопросов. Я поняла, как ему было тяжело, только тогда, когда он, затащив меня наверх, упал на заднике фургона, тяжело дыша. Неужели яд настолько силен, что не помогает даже сила Дома? Впрочем, Ярослав был единственный на ногах, поэтому мне было грех жаловаться.

Подсвечивая себе лампой — на магию я благоразумно не стала надеяться, — принялась потрошить сумки эльфа.

Через какое-то время ко мне присоединился и Ярослав.

— Я вытащил всех на улицу, — сказал он. — Что мы ищем?

— Когда Персиваль напился в замке Сыча, Даезаэль где-то в своих сумках нашел средство от похмелья. Я не верю, что у него больше ничего нет, — объяснила я, снова хватаясь за Волка.

Он совершенно не возражал, более того, одной рукой прижал меня к себе посильнее, а другой снова стал растирать мои уши.

Мы раскрыли еще одну сумку эльфа — как это всегда бывает, последнюю — и ахнули. Под тонким слоем одежды у целителя оказались огромные запасы баночек, тюбиков, порошков, каких-то веников сушеной травы, мешочки с сухариками и сахаром, перевязочные материалы... Зачем он в начале нашего путешествия запасся таким количеством целительских снадобий и почему никому не сказал об этом, осталось для меня загадкой.

Вскоре мы нашли пузырьки и пакетики, подписанные изящной эльфийской вязью и украшенные красноречивым изображением перечеркнутого черепа. Капитан посмотрел на них и грязно выругался. Потом несколько раз вздохнул и сказал:

— Извини. Как мы найдем здесь необходимое?

— Я не знаю, каким ядом нас травили, — призналась я. — Придется принимать все. Авось хуже не будет.

— Нас отравили вискабадой или ядом дерева тогинор, — неожиданно сказал Волк. — Только они так действуют. — Он криво усмехнулся и помог холодной рукой вернуть на место мою отвисшую челюсть. — Матушка заставила выучить действия ядов, а вот с урока по противоядиям я сбежал, а потом все времени не было. А еще она заставляла принимать чуть-чуть разных ядов каждый день, чтобы организм привык. Наверное, нужно ей будет сказать спасибо... Мила, ты меня слушаешь? Мила!

Хлоп!

— Да. — Я потерла щеку. — Разберемся, значит, читать по-эльфийски я умею.

Я, наморщив лоб, пыталась разобрать написанное. Даезаэль — или кто подписывал пузырьки — обладал почти нечитабельным, кривоватым почерком. Иногда все буквы сливались у меня в одну, и я теряла сознание, но Волк быстро приводил меня в чувство своими безотказными, но болезненными методами.

За время сидения на крыше мы успели выпить весь чайник.

— Плохо без воды. — Я с сожалением слизнула с носика последнюю каплю. Меня била

дрожь, а по спине текли ручейки пота.

— Ничего, — сказал Ярослав, — я остановился у ручья и...

Хлоп! Хлоп! Хлоп!

Я открыла глаза, чуть не заплакав от боли в голове, и, медленно-медленно подняв невероятно тяжелую руку, принялась искать среди пузырьков нужные.

— И что теперь? — спросил капитан, когда я протянула ему несколько склянок.

— Сейчас, я думаю. — Мысли в голове словно выдирались из вязкого болота; чтобы связать слова в предложения, нужно было приложить массу усилий. — Пьем по глотку сначала это, потом это и это...

— И что дальше?

— Не знаю, — сказала я, глотая едкую жидкость. — Фу-у-у!

— Не спеши, давай сначала вниз спустимся, — сказал капитан. — Там водой хотя бы можно запить.

Когда я спускалась, то потеряла сознание и упала прямо на Ярослава. Он не смог меня удержать и упал с задника фургона на землю. Думаю, если бы не активированная татуировка, заставляющая работать на пределе все силы организма, он бы себе что-нибудь сломал, а так только от души выругался. Я очнулась от звуков его голоса и какое-то время просто слушала. Когда еще можно будет застать сдержанного благородного в таком состоянии! Хотя, конечно, лучше пусть он будет холодным и равнодушным, но здоровым.

— Ты пузырьки не разбила? — спросил он, заметив мой взгляд.

Оказалось, ремешок котомки со спрятанным в ней заветным лекарством я умудрилась каким-то образом накрутить на руку, и со склянками ничего не случилось. К тому же каждая из них была завернута в особую крепкую ткань — в некоторых вопросах эльфы бывали дотошнее гномов.

Уже начало светать, когда мы закончили возиться с нашими друзьями — поили их лекарствами, водой, укладывали поудобнее, вытирали кровавый пот или отмывали от рвоты. Когда они начинали метаться в бреду, нужно было следить, чтобы страдальцы не подавились слюной или не повредили себе что-нибудь. Дрожащих нужно было укутать, мечущихся в бреду от высокой температуры — обтереть ледяной водой.

В конце концов я упала совершенно без сил и тихо заплакала. У меня не было уверенности в том, что мы сделали все правильно, я не знала, выживет ли кто-нибудь из нас, и вообще я очень, очень, *очень* устала. И мне даже стало казаться, что просто умереть было бы легче, чем вот так мучиться.

Капитан молча лег рядом и так же молча привлек меня к себе, прижав голову к своей груди. Там, под мокрой от пота и грязной донельзя рубашкой, гулко и быстро билось сердце, как будто он только что бежал, не останавливаясь, несколько часов. Ярослав из-за действия магии весь горел, и только кисти рук почему-то были ледяными.

Я постепенно согрелась и почувствовала, что мое тело становится все легче, легче и легче. Перестал болеть живот и кружиться голова. И я полетела куда-то в черную-черную, но такую тихую и спокойную пропасть...

— Не успеешь отвернуться, как они уже обнимаются. — Этот голос, полный ехидства и скрытой радости, заставил меня открыть глаза.

Передо мной на корточках сидел Даезаэль, весь какого-то землистого цвета, огромные глаза ввалились, губы были совершенно бескровными. Эльф был абсолютно гол, и на теле почти неприлично выпирали ребра — было такое ощущение, что его не меньше недели морили голодом.

— Вставай, вставай, хватит придуриваться. Я что, один должен этих полудохлых страдальцев обслуживать? — спросил целитель, давая мне таким образом понять, что все еще живы. — Я в тебя уже столько магии влил, что ты танцевать должна, а не кривиться.

— Как остальные? — Я с трудом разлепила пересохшие губы.

Даезаэль подал мне кружку, над которой вился парок:

— Пей. Гадость несусветная, но на ноги поставит.

Я была в таком состоянии, когда уже все равно, что с тобой, поэтому без возражений отхлебнула глоток.

Оказывается, мое состояние было не таким уж плохим. Потому что после второго глотка мне захотелось кинуть чашку в эльфа, после третьего — убить его, а после четвертого — умереть, но больше никогда не пить это пойло.

А после пятого мне стало значительно легче.

— На, съешь. — Даезаэль протянул мне небольшой сухарик. — Как хорошо, что вы, когда вчера потрошили мои сумки, не нашли это и не сожрали раньше времени! Я бы вас за это убил, честное слово.

— А что это? — Я засунула сухарик в рот целиком, и через несколько мгновений он превратился в большой, необыкновенно мягкий бисквит. Теперь я могла только мычать, пытаясь хоть как-то пошевелить языком и протолкнуть хоть часть хлеба в глотку или наружу.

— А не жадничай, — поучительно сказал Даезаэль. — Это очень большая ценность, заэ-инн. Целебный хлеб. Его умеют изготавливать только несколько эльфов в королевстве, и одна из этих умельцев — моя мать.

Он помолчал, откусывая от сухарика по крохотному кусочку, потом кивнул на небольшой мешочек, сшитый из той же ткани, которая укутывала пузырьки с противоядиями.

— На стоимость вот этого я могу купить такое племя троллей, что Драниш удавится от жадности. Но не куплю, потому что не знаю, зачем оно мне. Хотя, может, и куплю, чтобы полюбоваться на рожу твоего тролля. Если после исцеления от вас вообще что-то останется, конечно. Вставай, раздевайся — и в речушку. Там на бережке уже мыло лежит. От тебя невыносимо воняет! Да не смущайся ты, я отвернусь. А остальным сейчас не до твоих прелестей.

Действительно, остальные отравившиеся, даже капитан, были то ли без сознания, то ли крепко спали.

Вода в маленькой речке, которую мы вчера приняли за ручей, была такой холодной, что у меня заломило в зубах, но горячая гадостная жидкость еще грела изнутри, поэтому я с удовольствием вымылась и даже прополоскала одежду, которая задубела от пота, крови и грязи. Попила, наконец-то проглотив весь заэ-инн.

Когда я вернулась к берегу, эльф, ничуть не смущаясь, стоял там и протягивал мне полотенце и свежую перемену одежды.

— Ну ты и страшилище, — высказал он свое критическое мнение, пока я, сгорая от стыда, прикрывалась мокрой одеждой. — Бедра широкие, грудь большая и тяжелая, а талия тонкая! Что за идиотская форма песочных часов! Тиса намного привлекательнее.

— Ты обещал, что отвернешься! И ты рылся в моих вещах! — прерывающимся от возмущения голосом крикнула я.

— Я и отвернулся. Но я же не обещал, что буду стоять, отвернувшись все время, правильно? И про «рыться в чужих вещах» тоже вопрос спорный. Кто первый начал?

— Мы вам жизни спасали!

— Я тебе тоже. Если ты сейчас же не оденешься, то заболеешь воспалением легких. И тогда я тебя исцелять не буду, у меня и так забот полон рот, чтобы еще стыдливой глупой бабой заниматься. И кстати, потом все, что вы раскидали из моих сумок, обратно сложишь. И аккуратно!

— А ты сам почему голым ходишь? — спросила я, в сухой и чистой одежде почувствовав себя почти здоровой. — И почему ты такой тощий? Ты же, кажется, полнее был.

— Я лечусь солнечными лучами. — Эльф раскинул худющие зеленоватые руки с выпирающими суставами в стороны, став похожим на тоненькое деревце. — А похудел потому, что это только некоторые могут черпать силы в магии Дома. А мой организм всякую

отраву перерабатывает с помощью собственных ресурсов. И выводит наружу. Вот, смотри.

Даезаэль снял с кожи кусочек, похожий на иссохший листочек.

— Это остатки яда у меня так выводятся. Ну что, теперь ты поняла, почему мы — совершенная раса?

Я подошла к его одежде, небрежно скомканной на одеяле. И она, и одеяло были усеяны кучей таких же иссохших листочков. Я поняла, почему эльф расхаживает голышом: иначе, пока весь яд не выведется, ему придется постоянно менять одежду.

— Не трогай руками, — предупредил целитель, становясь рядом и тоже рассматривая листочки, — ядовито. Я потом это соберу и подсыплю кое-кому в еду, чтобы знал, как в моей сумке копать.

— Даезаэль, прости, я же сказала — у нас просто не было выбора.

— О, что ты! Я вовсе не вас с капитаном имею в виду. Я имею в виду того гада, который выпотрошил мою целительскую сумку в надежде на то, что мы не спасемся. Он, конечно, не знал, что я такой запасливый, а может, охранные артефакты не дали ему залезть наверх и там заняться воровством.

— Я думала, что у нас стоят артефакты и от проникновения в фургон. — Я потянулась от души, так, что даже косточки хрустнули.

— Стояли, — уточнил Даезаэль. — Думаю, их изящно дезактивировали. А потом полезли в мою! *Целительскую! Сумку!*

— В мою они тоже залезли, — робко заметила я.

Эльф злобно зыркнул в мою сторону:

— Какое мне дело до твоей сумки, объясни, а?

— Даезаэль, я понимаю твое возмущение. Ты такой молодец, что взял такое количество препаратов! Если бы не твоя предусмотрительность, мы бы все умерли!

Да, любой знакомый мне целитель и не подумал бы брать столько всего про запас, зная, что пополнить целительскую сумку необходимым он может в любом городке по дороге.

— Это была не предусмотрительность, — пробурчал эльф, кривясь так, словно у него одновременно заболели все зубы, — я собирался этим торговать. А теперь из-за этих событий моя прибыль значительно уменьшится. Думаешь, только тролль мечтает о быстром обогащении?

— Ничего себе — быстрое! Ведь все эти снадобья нужно было еще приготовить!

— Я лично их не готовил. Я их украл у родни, — сообщил целитель. — Это была моя месть за то, что они решили от меня избавиться, отправив в эту мерзкую поездку. Я хотел хоть как-то компенсировать невыносимые моральные страдания, которые я испытываю здесь ежедневно.

— Очень сочувствую. — Я решила, что с целителем в таком состоянии лучше не связываться.

— Ну что, отдохнула? — Даезаэль все еще сердился. — Давай-ка займемся этими болящими.

При мысли о тяжелой работе у меня сразу же заныли все мышцы. Однако Даезаэль меня удивил. Он трудился как никогда раньше, несмотря на то, что выглядел так, будто вот-вот переломится пополам.

Каждого пациента нужно было раздеть, обтереть мокрым полотенцем, надеть сухую одежду и закапать в рот несколько капель зелья. Когда подошла очередь капитана, он открыл глаза, тусклые и совершенно больные, и пробормотал:

— Я сам.

— Если ты утонешь в ручье, — предупредил эльф, — я срежу кожу с татуировкой с твоей спины и сделаю себе аппликацию на куртку, хорошо?

— Хорошо. — Капитан вдруг открыто, по-мальчишески, улыбнулся, и я, сама того не желая, залюбовалась им. Он становился необыкновенно красивым, когда позволял себе открыто показывать свои чувства, все равно какие — злость ли, усталость или радость.

— Как-то яд на него подействовал неправильно, слишком сильно, что ли, —

прокомментировал Даезаэль. — Видела его улыбку зловещую?

— Почему же зловещую? — удивилась я.

— Потому что уже изменения в психике начались, ты разве не заметила? Он не должен так улыбаться. Вот холодно окинуть взглядом — это другое дело.

— Он просто рад, что мы все выжили. — Я попробовала защитить Волка. — Тут ночью такой кошмар был!

— Да, кстати... А как получилось, что на ногах были только вы вдвоем?

— Капитан вел фургон. — Я улеглась на траву, подложив руки под голову и наслаждаясь теплом солнца. — Потом он плохо себя почувствовал, попытался разбудить Драниша и тебя и понял, что нас всех скосила неизвестная болезнь. Тогда он обратился к силе Дома, нашел эту речку, остановил фургон и стал пытаться что-то сделать, чтобы нас спасти. Я — единственная, кто очнулся. Еще вечером я почувствовала недомогание и ходила в лечебницу, может быть, поэтому хоть как-то держалась.

— Может быть, — согласился эльф. — Может быть. Организм вообще штука загадочная.

Только под вечер больные начали как-то приходить в себя. Хуже всего пришлось Персивалю. Отравленной пищи он съел больше всех, а вот эльфийское противоядие на него подействовало слабее.

— Что, Ярик, едем дальше догонять твою невесту или останемся здесь на ночь? — спросил Драниш, держа в руках чашку чая. Ему было непривычно чувствовать себя таким слабым, поэтому он литрами пил чай, сгорбившись около костра, не шутил, не улыбался и только иногда бросал на меня грустные взгляды. — Остаемся? Это правильно.

Я старалась не обделять его вниманием, однако такое количество больных и от этого очень капризных мужчин требовало от меня огромного терпения. Тиса, едва пришедшая в себя, отправилась на речку стирать одежду.

— Физический труд — лучшее лекарство, — буркнула она в ответ на мое предложение помощи. — Ты вон этих развлекай.

Честно говоря, иногда мне очень хотелось к ней присоединиться, чтобы больше не терпеть рядом парней, которые как будто сговорились дружно играть на моих нервах.

Даезаэль беспрестанно ел, восполняя утраченные силы. Заэ-инн он берег, поэтому потребовал от меня, чтобы я сварила кашу с кусочками сушеного мяса. Пока каша варилась, Сын Леса сожрал почти все наши запасы меда, который я собиралась класть в чай: после отравления нужно было как можно больше пить. В итоге каждому досталось по маленькой ложечке, и чай мы пили с сушеными яблоками.

Кипяток в котелке быстро заканчивался, и я постоянно таскала воду с речки; утешала гнома, которого тошнило, улыбалась троллю, угождала капитану, который каши не хотел и требовал супа, ругалась с эльфом, который записал себя в главные страдальцы и поэтому ныл и причитал больше всех. Когда я перепаковывала его сумку, Даезаэль довел меня до бешенства своими придирками и требованиями запомнить большинство снадобий.

— Еще один вопрос, и я сброшу тебя с крыши! — наконец не выдержала я. — Я тоже себя очень плохо чувствую, но мне никто чаю не принес и каши не сварил. А ты еще и издеваешься надо мной! Поэтому заткнись, прошу тебя!

— Чего ты возмущаешься? — разобиделся эльф. — Ты же женщина! А женщины сильнее мужчин и быстрее восстанавливаются. Поэтому ты должна быть рада, что мы позволяем о себе заботиться, так ты забываешь о собственных проблемах.

— Если бы еще проблемы забыли обо мне, было бы вообще замечательно, — пробурчала я.

Чувствуя, что еще немного — и сорвусь самым постыдным образом, чего доброго, начну кричать и кидаться вещами, я схватила одеяло и ушла в густой ивняк, росший на берегах речушки. Каким-то чудом смогла продрасться поглубже в кусты, завернулась в одеяло и устроила там себе пречудесное ложе из ветвей, гибкое, покачивающееся, нежно массирующее мое тело, в котором ныла каждая косточка, а каждая мышца отдавалась стоном

при любом движении. Это убежище было именно тем, что мне нужно.

— Котя! Котя! — позвал меня тролль. Сквозь сплетение ветвей было видно, как он стоял на берегу, почесывая грудь и не глядя в мою сторону.

Конечно, Драниш мог меня найти без труда, но, видно, желания у него такого не возникло. Поэтому он ограничился тем, что еще раз лениво крикнул «Котя», вызвав в ответ возмущение эльфа: «Чего ты орешь? Что, девушка уже в одиночестве побыть не может? Если тебе нечем заняться, дров лучше наноси!» Привычное переругивание моих товарищей, к которому подключился даже Персиваль, далеко разносилось по пустынному берегу, действуя на меня как колыбельная. Первые комары вяло зудели над ухом, но активных попыток атаковать не предпринимали. Наверное, им не нравилась кровь, приправленная эльфийскими лекарствами.

Меня разбудили тихие голоса. Я открыла глаза. Уже смеркалось, видны были только смутные темные силуэты. Я попробовала было подняться, но поняла, что если участники разговора узнают, что я их подслушала, то не простят этого никогда.

— ...хотела поговорить? — холодно спросил Волк.

— Я... хотела... о нас... — Тиса смущалась и заикалась.

— Что? Что значит о нас? — удивился капитан.

— Ну... не о нас... обо мне... Капитан, что будет со мной, когда вы найдете свою невесту и женитесь?

— А что с тобой случится? — Судя по голосу, благородный искренне не понимал ни причины этого разговора, ни переживаний Тисы.

— Я... капитан... нет, господин Ярослав, я же люблю вас! — Девушка почти выкрикнула это признание, каждое слово как будто жгло ее горло.

— Я знаю. — Голос Волка смягчился. — Я знаю, ты меня любишь, и очень тебе благодарен за это. Думаю, если бы не это обстоятельство, я бы не терпел тебя рядом с собой так долго.

— Не... не терпели? — ахнула Тиса.

— Да. — В голосе Ярослава прозвучало легкое раздражение. — Иногда ты бываешь очень надоедливой.

— Я... но я просто старалась сделать вашу жизнь как можно более комфортной!

— Тиса, я ведь не должен напоминать, что делать мою жизнь комфортной — это твоя *обязанность*, а не привилегия? — спокойно спросил капитан.

— Нет, простите меня. Но все же... что будет со мной, когда вы женитесь?

— Я не понимаю, что может с тобой случиться! — Кажется, в голосе капитана было не раздражение, а... беспомощность. Да, точно! Он чувствовал себя в разговоре о чувствах совершенно беспомощным и прикрывал свою растерянность суровостью. Ну конечно же! Да и где он мог научиться говорить о чувствах, если его детство было таким, как его описала мне Тиса?

— Но ведь рядом же будет она, ваша жена! А я?

— Тиса, неужели ты думаешь, что моя жена будет служить мне адъютантом? — поразился Волк. — Стирать мне рубашки и следить за состоянием оружия? Что ты такое говоришь! Ведь она же чистокровная благородная. Ты разве забыла об этом?

— Нет! — крикнула Тиса. — Я не забыла об этом! Я все понимаю! Я понимаю, что Ясноцвета Крюк даже не знает, с какой стороны подойти к постирочной лохани или как ухаживать за вашим мечом. Только я не понимаю, как я буду смотреть на то, как вы целуете ее! Как вы уходите с ней в спальню!

— Дрыхли бы тебя взяли! — вышел из себя капитан. — Она же будет моей женой! И я очень хочу детей, знаешь ли.

— Я люблю вас, Ярослав! Я люблю вас! И я не могу потерпеть рядом с вами другую женщину! Я, я хочу быть вашей женой! Все эти годы я была рядом с вами не потому, что мне нравилось прислуживать вам, а потому, что я люблю вас! И на войну я пошла только потому, что я люблю вас! Все, что я делала в своей жизни, — это только потому, что я люблю вас

так, как никого никогда не любила и уже не люблю!

— Подожди... — умоляюще попросил Волк. — Сейчас, сейчас я попробую разобраться. То есть, если я правильно понял, ты любишь меня не как своего господина, а как *мужчину*?

— А... а вы только сейчас это поняли? — изумилась Тиса и засмеялась. Смех ее был страшным, меня просто мороз пробрал, и я с трудом удержалась, чтобы не поежиться. Любой шорох мог меня выдать, и что тогда бы сделали со мной собеседники, пребывающие в таком накале страстей, я даже боялась подумать.

— Прекрати, — приказал Волк. — Тиса! Прекрати!

Он снова, как в ту грозовую ночь, пытался решить проблему криком, и опять у него ничего не получилось. Интересно, пойдет ли ему прошлый опыт на пользу. Кажется, да, судя по звукам истерического смеха, которые стали тише, он прижал девушку к себе.

— Тиса, Тиса! — Я никогда не слышала, чтобы Ярослав говорил таким нежным и мягким голосом. — Прости, я никогда этого не замечал. Твое присутствие рядом было для меня таким привычным, что я никогда и не задумывался, что ты испытываешь. Я всегда думал, что наши отношения — это просто отношения благородного и его верной... мм... подчиненной.

Тиса продолжала плакать. Капитан молчал, и только иногда под его ногами похрустывал песок — видно, он переступал с ноги на ногу, так и не придумав, что еще сказать или сделать.

— Ну, — наконец не выдержала девушка, перестав всхлипывать, — скажите же что-нибудь!

Волк несколько раз начинал что-то говорить, но останавливался на полуслове. Наконец, откашлявшись, он сказал:

— Разве ты не знала, что у нас никогда ничего не могло получиться? Разве ты не видишь разницу в нашем происхождении? Тиса, я ведь рожден править, меня учили этому всю жизнь. А чему учили тебя? Мы такие разные, Тиса.

— Мне все равно! Мне плевать на мнение общества. Скажите, я умоляю вас, Ярослав, скажите, что вы думаете обо мне? Что вы чувствуете? Прошу вас!

— Я... кхм... я не знаю. Я никогда об этом не думал.

— Так подумайте сейчас!

— Тиса! — разозлился капитан. — Какая срочность или необходимость делать это именно сейчас, скажи мне, будь так добра!

— Просто я боюсь, что вы потом найдете свою нареченную, и мы уже никогда не сможем вот так поговорить. Ответьте мне, Ярослав, я прошу вас. Разве за годы преданной службы я не заслужила хотя бы эту малость — узнать, что вы на самом деле чувствуете ко мне? — Голос девушки звенел, как перетянутая струна на гитаре. Одно неловкое движение руки музыканта — и она разорвется с жалобным стоном. — Вы любите меня? Вы любите меня хоть немного? Скажите это, и, клянусь, мне этого будет достаточно!

Воцарилась долгая тишина. У меня уже затекло все тело, и нестерпимо хотелось почесаться, но я боялась даже дышать, крохотными порциями выдыхая и потихоньку вдыхая. Вот веселится, наверное, сейчас Даезаэль! Его чуткие уши вполне могут уловить этот разговор, и я готова была поставить на кон половину жизни, что целитель бесшумно подобрался поближе и сейчас вовсю наслаждается разыгравшейся драмой. К тому же он хорошо видит в темноте и может вдобавок любоваться выражениями лиц, тогда как мне приходится довольствоваться лишь слухом.

— Я, наверное, немного люблю тебя, Тиса, — наконец-то разобрался капитан в собственных чувствах.

Девушка ахнула.

— Не спеши с выводами, — тут же предупредил ее Волк. — Я люблю тебя так, как, наверное, любят свою собаку. Я просто к тебе так привык, что не представляю свою жизнь без твоего постоянного присутствия, даже если оно иногда раздражает. Но это совершенно

не значит, что ты интересуешь меня как женщина. Я скоро женюсь, и, надеюсь, ты будешь продолжать служить мне так же верно.

Тиса упала на колени — это в сгущающейся темноте смогла разглядеть даже я. Капитан и не шевельнулся, наверное израсходовав весь свой запас нежности и мягкости.

— Какой вы жестокий, — прошептала она. — Как же вы можете вот так...

Ярослав постоял немного над девушкой, понимая, что не может уйти так просто. Я ждала, что же он скажет, какую точку поставит в этом разговоре, но, услышав слова Ярослава, мне захотелось вылезти из кустов и ударить его, ударить посильнее, чтобы он понял, что нельзя, невозможно обращаться так с человеком, который тебя любит.

— Я прошу не называть меня больше по имени, — холодно сказал капитан и ушел.

А Тиса осталась сидеть на коленях, опершись руками об землю, чтобы не упасть.

Я потихоньку начала шевелиться, понимая, что еще немного — и мне придется звать на помощь, потому что я не смогу вылезти из кустов самостоятельно. Но тут на сцене появилось еще одно действующее лицо.

— Вставай, — довольно грубо сказал Даезаэль Тисе. — Занавес давно опущен, зрители уже обрыдались и засморкали свои носовые платки. Хватит давать представление. Вставай, простудишь себе женские части, а мне потом исцелять!

— Зачем? — безжизненно спросила Тиса. — Зачем? Ведь моя жизнь кончена.

— Дура, — веско сказал эльф, — твоя жизнь только начинается. Вставай!

Только когда они ушли, я смогла без помех выбраться из кустов и в крошечной тьме побрела в сторону видневшегося костра, светившего ярким и уютным светом. Ох как я сомневалась, что там сейчас в компании уютно!

— Где ты была? — спросил тролль, помешивающий жидкую кашу в котелке. — Я уже волноваться начал. Еще чуть-чуть — и пошел бы искать.

— Да, где тебя так долго носило? — Даезаэль, вольготно расположившийся на свернутых одеялах, проницательно взглянул на меня, и я поняла, что он знает, что был не единственным зрителем разыгравшейся недавно драмы.

— Спала в лесу, — невинным тоном ответила я. — А что?

— Как это — что? А если бы тебя там кто-нибудь сожрал? — возмутился тролль. — Где вас всех вообще вечером носило?

— Если бы меня кто-то жрал, я бы громко кричала, и ты прибежал бы на помощь, — пожалала я плечами. — И что значит — всех? Я ушла поспать, потому что мне нужно было отдохнуть, а вы такой возможности мне не предоставили!

— Эти двое... — Тролль неопределенно помахал в воздухе ложкой. С нее на угли упало несколько капель каши, приятно запахло какой-то травяной приправой. — Эти двое ушли любезничать, этот, — ложка обличающе указала на эльфа, — дал мне указания по варке каши и тоже куда-то смылся, а этот, — он показал на завернутого, словно младенец, в одеяло гнома, — еще никак от отравы не отойдет, и проку от него никакого!

— Ты — герой! — серьезно сказала я. — А где, кстати, Ярослав и Тиса, еще не вернулись?

— Вернулись, — неохотно ответил тролль. — Сначала Ярик, злой, как голодная собака, на всех рявкнул и отсиживается теперь в фургоне. Потом Даезаэль Тису привел, вон она, под колесами валяется. Наверное, объяснялись в любви?

— Угадал! — радостно подтвердил эльф. — Ты, должен тебя огорчить, такую сцену пропустил!

Целитель поцеловал кончики пальцев и закатил глаза, показывая степень своего восхищения.

— Как я мог наблюдать за сценой, — возмутился Драниш, — когда я кашу варил? Для всех, между прочим!

— Хватит обсуждать мою личную жизнь, — холодно сказал капитан, появляясь около костра.

— О, что ты, Ярослав! Мы только начали. И без тебя это обсуждение не такое

интересное, ведь некоторые подробности знаешь только ты.

— Прекрати, Даезаэль! — рявкнул капитан.

— А вот не надо, не надо срывать на мне свое плохое настроение! Я подожду, когда ты невесту свою найдешь, вот это будет комедия и драма! Вот тогда я уж отведу душу!

— Если я раньше ее из тебя не вытрясу, — угрожающе предупредил Волк.

— Не вытрясешь. — Эльфа, находящегося в прекрасном расположении духа, сбить с толку или запугать было очень трудно. — Кто тогда будет вас исцелять после ваших разборок? Это еще когти в дело не пошли... Или чем дерутся благородные невесты с соперницами? Родовыми кинжалами?

— О! — сказал Драниш. — А это интересная тема! Ставлю на Тису, она из девицы Крюк сделает фарш для котлет.

— А я ставлю на Ясноцвету, — мстительно сверкнули глаза у эльфа. — Десять подзатыльников!

— Согласен! Ну берегись, остроухая морда!

— Сам берегись! Ведь учат же благородных девиц самозащите, правда, Ярослав?

— Откуда я знаю? — сердито ответил Волк, благоразумно решивший не вступать в разговор о пари, чтобы не выставить себя и свои запутанные отношения с женщинами на посмешище еще больше. — Я не знаю, как воспитывают благородных девиц, особенно как воспитывал свою дочку папаша Крюк, раз она сбежала от него так далеко.

— Мила, — спросил эльф, — а ты на кого ставишь?

— Без понятия, — честно ответила я. — Но подзатыльники мне не хочется получать.

— Я бы тебя только погладил, — обиделся тролль. — Как ты могла такое обо мне подумать!

— Я Даезаэля имею в виду, — объяснила я. — Он все равно дело повернет так, что больно будет мне.

— Ну не надо уж меня выставить совершеннейшим монстром! — обиделся тот. — Если и будет больно, то совсем недолго.

— Давайте уже ужинать! — подал голос позабытый гном.

— Какое тебе ужинать! — возмутился эльф. — Лежи и чай пей! У тебя сегодня лечебное голодание.

— Как я могу чай пить, когда ты мне руки связал! — захныкал Персиваль.

— А, точно, я и забыл уже. Это я тебе с целительской целью руки связал, так что ты еще мне спасибо должен сказать. А то нажрался бы сырой крупы, и еще хуже было бы. Все поняли? Каши Персику не давать, даже если будет просить котелок вылизать.

— Не буду просить, — оскорбился гном. — Что я тебе, волкодлак — котелок вылизывать?

— А кто тебя знает. — Эльф быстро развязывал узлы, которых он навертел на гноме великое множество, деликатно прикрыв их одеялом. — Давайте уже ужинать и спать, а?..

...А ночью пришли волкодлаки.

16

Возможности организма воистину безграничны. Если кто-то хочет выжить, то его ничем и никому не удастся сломить. Разве что приступу радикулита.

Мила Котовенко рассуждает о собственном жизненном опыте

— Эй, народ! Наро-о-од! А мы котелок после каши помыли?

— Перестань орать, — недовольно сказала Тиса. — Разбудил! Стоишь себе на дежурстве — так стой молча!

— Я помыла, — сонно ответила я Даезаэлю. — А почему ты спрашиваешь?

— Потому что к нам опять в гости волкодлаки пожаловали, — объяснил эльф. — И мне

интересно, будут ли они опять нашу кашу доедать или ограничатся нами?

— Чего? — взревел тролль, вскакивая с постели.

Капитан молча зажег фонарь, прикрутил свет так, чтобы огонек еле теплился, и они с троллем присоединились к целителю, который выглядывал в щелку в полог.

— Что там? — спросила Тиса.

— Много их там, — отозвался тролль. — Штук двадцать, не меньше. Здоровенная стая, чахи бы их побрали! У-у-у!

— Так, — сказал капитан спокойно, — тихонько, по-одному залезаем на крышу фургона. Там высоко, легче отбиваться. Сначала Даезаэль. Оружие у тебя есть? Наверху? Хорошо. Мила. Персиваль... Драниш, поможешь ему. Тиса. Я.

Эльф снял с крючка чайник с водой, зажал его ручку в зубах и совершенно бесшумно полез на крышу. Опасность подстегнула мои физические возможности, и я, под неодобрительное ворчание волкодлаков, очень быстро оказалась наверху. Там целитель сосредоточенно натягивал тетиву на лук.

— Я даже не знала, что он у тебя есть, — удивилась я.

— Конечно есть, — сердито ответил Даезаэль. — Я же эльф!

— Так ты же кричал, что ты целитель и оружие тебе совершенно не нужно!

— А что, оно мне за последний месяц хоть раз пригодилось? — спросил он. — А теперь я буду целителем, защищающим свою жизнь. Для этого любые средства хороши, не только первоклассный лук.

— О, — сказал, отдуваясь, Персиваль, которого удалось затолкать наверх. — Вы видели, сколько там их?

— Только не нужно сопلي распускать! — прикрикнул Драниш. Он проверял крепления сундуков, в которых лежали наши вещи, а потом порылся в своем и достал оттуда два небольших меча.

— Держите.

— Зачем мне меч? — пискнул гном.

— Себя защищать, дубина. Вон посмотри, как Мила приноравливается к оружию.

Я действительно несколько раз взмахнула мечом, привыкая к его тяжести. Конечно, я никогда не сражалась на мечах, но свою жизнь волкодлакам просто так отдавать не собиралась.

Тролль, насвистывая какой-то мотивчик, облачался в толстую кожаную куртку, покрытую острыми шипами. Его примеру последовали и Тиса с капитаном.

— Нам, конечно, таких костюмчиков по штату не положено, — завистливо сказал эльф.

— Конечно, — подтвердил Драниш. — Это только для тех, кто был на войне и вовремя успел обворовать нужный обоз. Помнишь, Ярик, командование — эти идиоты — думали, что мы сдадим курточки после подписания мира? Если бы я не приберег для этого случая старые и драные, остались бы без одежонки. А вы, бывшее мирное население, тоже наденьте на себя что-то покрепче и потолще, чтобы, если цапнут вас клыками, хоть какая-то защита была.

Нечисть следила за нашими действиями горящими голубыми глазами, взрыкивая и волнуясь.

— Чего они ждут? — нервно спросил эльф.

— Сигнала вожака, — объяснил капитан. — Волкодлаки обычно нападают только поодиночке, а если собираются в стаю, то без разрешения вожака даже есть не будут.

— А их все больше, — сказал тролль. — Гляди-ка, сколько глаз.

Горящими голубыми точками было усеяно все, куда ни глянь.

— Мы все-таки станем волкодлачьим ужином? — поинтересовался эльф. — Или у нас есть шанс пережить эту ночь?

Капитан посмотрел на дрожащего гнома и бодро ответил:

— Не спеши радоваться скорой и трагической кончине, Даезаэль. Почему ты решил, что у нас нет шансов?

— Нам эта кучка волкодлаков — так, слегка размяться, — весело заявил тролль. —

Главное — из окружения вырваться, а там оторвемся. Ни один волкодлак фургон не догонит, проверено.

— Не горячись, — остановил его капитан. — Возможно, на нас никто нападать и не будет. Похоже, это просто акция устрашения. Если бы хотели, они бы напали на нас спящих, это было бы действеннее.

— Не напали бы они на спящих, — сказал эльф. — Если бы я видел, что они агрессивно настроены, я бы вас раньше разбудил.

— Будить надо было сразу, когда только первого увидел, — с досадой отмахнулся от него капитан. — Учишь вас, учишь...

— Мы же все-таки не на войне, — обиделся Даезаэль. — И это сейчас — мирные граждане соседнего государства. Вдруг они просто мимо проходили?

Внезапно волкодлаки заволновались еще больше, стали поскуливать и метаться. Из леса раздался холодный и властный женский голос:

— Убить их!

И тут началось!..

Серая масса с горящими голубыми глазами кинулась на фургон. Повозка зашаталась, но устояла. Волкодлаки прыгали, но — тут я оценила предусмотрительность строителей нашего транспортного средства — допрыгнуть до крыши животным было тяжеловато, а там их уже ждали острые мечи.

Но все же нечисти было слишком много даже для таких опытных бойцов, как наши.

— Убираться отсюда надо! — крикнул тролль.

— Даезаэль, управляй, Тиса и Драниш — охрана, — приказал капитан.

Между его руками вырос большой зеленый шар, который он бросил вниз, на доску управления. Раздался жалобный вой, и на какой-то миг серая масса раздалась в стороны.

Эльф бросил лук мне и прыгнул вниз. Фургон тронулся с места, медленно пробиваясь через тела волкодлаков. Капитан расчищал дорогу с помощью зеленого огня, а я охраняла его, отшвыривая луком наиболее прыгучих волкодлаков. Лук был намного легче меча, и действовать им было куда сподручнее. Странное дело, но стоило эльфийскому оружию прикоснуться к телу волкодлака, как тот с воем отпрыгивал.

По крыше с громким топотом бегал Персиваль, орудуя мечом, как молотком: он просто молотил им по головам появляющихся в поле зрения животных, ловя их на излете. При этом гном что-то кричал на родном языке, может быть, звал маму, просил о помощи Велунда или проклинал нечисть, но ни одного волкодлака на своей стороне обороны он не пропускал.

— Вырвались! — наконец, тяжело дыша, произнес капитан.

— Нет, — ответила я, вытирая пот со лба. — Смотрите!

За нами скачками неся серый ковер с голубыми глазами. Из общей стаи уже отделилась наиболее быстрая группа преследователей, которая быстро сокращала расстояние до фургона, мчавшегося на полной скорости.

Нас бросало на ухабах в разные стороны, колесные оси скрипели и стонали, чтобы не вылететь с крыши, пришлось упасть ничком и схватиться за низенькое ограждение — сундуки были абсолютно гладкими, и руки по ним только скользили. Рядом со мной болтался гном, который при каждой яме или кочке только кричал, но упорно держался лишь одной рукой, во второй намертво зажав меч.

— Что внизу? — спросил капитан.

— Тису ранили, — ответил тролль.

— Мила, синий и шестиугольный пузырьки и бинты! — рявкнул эльф, не отвлекаясь от дороги.

И тут-то я в полной мере оценила его предусмотрительность! Вредный целитель, заставивший меня заново переупаковать все его сумки и доведя придирами чуть ли не до сумасшествия, добился того, что я смогла отыскать требуемое даже без света — руки сами нырнули в нужную сумку. А пузырьки со снадобьями я рассовала по особым кармашкам, причем, скрипя зубами, несколько раз повторила Даезаэлю, где какой пузырек лежит и для

чего применяется его содержимое. Какой же все-таки эльф у нас умница!

Я прыгнула вниз в объятия тролля, который на мгновение прижал к себе и тут же подтолкнул к девушке.

Тиса уползла в фургон, чтобы не мешать бою, где лежала, схватившись за левое предплечье и постанывая.

— Сыпь на рану порошок, — командовал эльф, пока я пыталась снять с девушки мокрую от крови куртку. — Да что ты там возишься! Раздвинь дыру в рукаве и туда сыпь. Должна образоваться корка, вместе с коркой и бинтуй. Из шестиугольной склянки капни ей на язык три капли.

— У-у-у! — утробно завывала Тиса, суча ногами, когда я слегка присыпала ей рану порошком из синего пузырька.

— Да, оно пекучее, я забыл предупредить, — сообщил Даезаэль, когда воительница замолчала, закусив воротник куртки.

— Чтоб тебя, — прошипела воительница.

— А не подставляйся по-глупому! — рявкнул целитель. — А то еще хуже будет. Забудь про свои проблемы, если выживем, они сами решатся.

После того как я капнула ей на язык ярко-розовые мерцающие капли, Тиса некоторое время очумело трясла головой, а потом самостоятельно поднялась, широко расставив ноги и легко удерживая равновесие, как бы ни трясло и ни качало фургон.

— Я в норме, — сказала она, поправляя куртку.

— Еще бы! — фыркнул эльф.

— Драниш, назад! — крикнул сверху капитан.

Тролль промчался мимо нас, как ураган, и вовремя — на задник уже вскочили несколько волкодлаков. Я побежала ему на помощь, на ходу формируя огненные шары. Конечно, как сотворять зеленый огонь, раскидывающий волкодлаков, как перышки, в разные стороны, я не знала, но опалить морды вполне была способна.

— Мила, прекрати! — заорал сверху капитан, когда увидел мое вмешательство. — А ну на крышу!

Я влетела наверх, не понимая, что же такого страшного сделала. Я ведь помогла Дранишу справиться с волкодлаками!

— Не смей! — сквозь зубы прошипел Волк. — Не смей тратить ни капли магической силы! Фургон в таком режиме жрет магию слишком быстро, еще пару часов — и эльф будет пуст, ты его сменишь.

— А вы?

— А я буду сражаться, потому что я знаю как.

— Ярик! Что будем делать? Они нас догоняют! Такого быть не может!

— Может, если их магией накачали! — Капитан выругался. За последние сутки он явно перевыполнил годовую норму благородного по ругательствам. — Отбиваемся, пока основная масса не подтянется.

— Ясно, — совершенно спокойно сказал снизу тролль, на мгновение скрылся в фургоне, пропав из моего поля зрения, и вернулся уже с двумя мечами в руках. — Как они, наши неведомые враги, однако, нас ценят! Другие бы ограничились двумя десятками волкодлаков, а эти наслали на нас больше сотни! И где взяли-то столько! Эй, Персик, ты гордишься собой? Глянь только, какую шикарную армию по твою душу послали!

— Лучше бы у меня не было повода собой гордиться, — простонал гном. — Я прекрасно жил и до встречи с нечистью.

— Ничего, после этой встречи ты будешь жить еще лучше. Оп! Пшел отсюда!

Все больше волкодлаков догоняло фургон. В серой дымке утра было видно, как страдальчески вытаращены у них глаза, как свисают красными тряпками языки и клочьями разлетается из пастей пена.

Я спустилась вниз, готовая в любой момент сменить эльфа, который уже несколько раз просил заэ-инн и воды. Было понятно, что долго он на управлении фургоном не протянет, но

пока повозка мчалась вперед, не сбавляя скорости. Махать луком на передке было не так удобно, как на крыше, но задачу — не допустить оскаленную пасть к управителю — я выполняла. С другой стороны, коротко ухая, обороняла фургон Тиса. Волкодлаков становилось все больше, сквозь усталость я почувствовала, как начинает нестерпимо болеть ожог на спине. Поэтому приходилось часто моргать, чтобы слезы не мешали смотреть. Сколько еще будет продолжаться это безумие?

— Тормози! — крикнул капитан. Фургон начал медленно сбавлять ход.

И вдруг все вокруг взорвалось зеленым светом. Я вскрикнула и зажмурилась. Охнул эльф, а фургон взлетел в воздух и с оглушительным треском рухнул обратно на дорогу, продолжая мчаться дальше.

— Т-али! Т-али! — истошно кричал Даезаэль, позабыв человеческую речь. Фургон вертело на дороге; раздался удар, меня выбросило с передка, я упала на что-то колючее и потеряла сознание.

Как ни странно, я пришла в себя достаточно быстро. После удара — фургон врезался в дерево боком и остановился — мне невероятно повезло, потому что я упала в терновник, но умудрилась отделаться всего лишь многочисленными царапинами и даже не потерять ни одного глаза, хотя на кусте я лежала ничком. В правой руке я продолжала сжимать лук, заляпанный волкодлачьей кровью, с порванной тетивой; древесина от ударов разлохматилась, краска облупилась. Подавив желание выбросить улику моей преступной небрежности по отношению к эльфийскому оружию, я нашарила ногами опору, выползла на дорогу и похромала к фургону.

Лес просыпался, в ветвях беззаботно щебетали одинокие пока птицы, будя своих товарок. Я немного послушала их и решила, что теперь в лесу достаточно безопасно, чтобы можно было без помех разыскивать и спасать моих коллег.

— Котя... — Тролль, залитый кровью, своей или чужой — не знаю, сидел, прислонившись к колесу, и слабо мне улыбался.

— Тебя укусили? — деловито осведомилась я, пристраивая рядом лук и шаря в кармане куртки, куда положила лекарства от волкодлачьего яда после лечения Тисы.

Эльфийские скляночки не разбились и не откупорились, демонстрируя явное превосходство эльфийской науки перед всеми остальными.

— Укусили.

— Показывай раны.

— Котя, а Ярик?

— Так! — сказала я, чувствуя, как вибрирует голос. — По очереди. Сначала ты.

Тролль молча кивнул и даже не застонал, когда я присыпала его раны порошком. Только в самом конце перевязки неловко протянул ко мне руку и прижал ладонь к моей щеке. Это странным образом придало мне силы и даже успокоило. Драниш улыбнулся так, как всегда улыбался мне по утрам, радуясь будущему новому совместно проведенному дню. У меня задрожали губы, но я дала себе мысленную оплеуху и пошла искать остальных членов команды.

Эльф лежал, уткнувшись лицом в панель управления. Я приложила пальцы к сонной артерии. Жив. Опасных ран нет. Живот мягкий. Пусть лежит. Я влила в эльфа немного магических сил и пошла дальше.

Тису во время удара выбросило из фургона далеко не так удачно, как меня: девушка сломала ногу и вяло шевелилась возле дерева, которое прервало ее полет. Я опустила перед ней на колени, решая, что делать.

— Больно, — пожаловалась она мне. — Но терпимо. Ищи капитана.

— У тебя состояние шока, — сказала я, заглядывая в ее неестественно расширенные зрачки.

— Думаешь, я в первый раз себе что-то ломаю? — огрызнулась она. — Я потерплю.

— Как скажешь. — Я все же наложила на нее обезболивающее заклятие, боясь, что

потом с последствиями болевого шока я в одиночку просто не справлюсь.

Больше всего повезло Персивалю — к моменту зеленой вспышки он держался за решетку на крыше обеими руками и поэтому отделался только синяками и огромной шишкой на голове. К тому моменту как я залезла наверх — перекошенный фургон скрипел и пошатывался, — гном уже мало того что пришел в себя, но и расстегнул куртку и разрезал сорочку на груди капитана.

— Чтобы ему легче дышалось, — объяснил он мне. — Я его удержал, а то бы выкинуло в лес при ударе.

Я кивала, осматривая Ярослава. К сожалению, именно капитан был в самом плохом состоянии, и что делать, я совершенно не знала. За неполные двое суток он дважды обращался к силе Дома, а за месяц уже трижды — если считать процесс избавления Чистомира от «кляксы», в то время как допускался только раз в течение полугода. Мне было страшно представить, в каком состоянии после этого был организм капитана. Остался ли там хотя бы один неповрежденный чрезмерной нагрузкой орган? Сможет ли Ярослав выжить? И как я могу ему помочь? Тут никак не обойтись без Даезаэля!

— Пожалуйста, — попросила я гнома, стараясь не смотреть на заострившиеся черты и полностью поседевшие волосы капитана. — Держи его за руку и что-нибудь говори, говори, не останавливайся, его нельзя оставлять одного в таком состоянии.

Персиваль испуганно кивнул, судорожно схватившись за руку Волка.

А я спустилась вниз приводить в порядок эльфа. Чтобы привести его в сознание, оказалось достаточно легкого хлопка по щеке, а вот со сломанным носом пришлось немного повозиться.

После исцеления Даезаэль потребовал зеркало.

— Какое зеркало! — завопила я, разом растеряв все спокойствие. — Там капитан умирает!

— Ничего он не умирает, — хладнокровно заявил эльф. — Он в коме. И так проваляться может еще долго, все равно у меня сейчас нет на него ни капли сил, и исцелять я его не буду. Тем более что не знаю, как я сейчас выгляжу.

Он долго и внимательно рассматривал себя в зеркало. Наконец вынес вердикт:

— Теперь я точно на эльфа не похож. Волосы обрезаны, уши поникли, нос после перелома... уже не эльфийский, а троллий какой-то! Что за жизнь, а? Дай попить!

— Вода вся разлилась, — сказала я.

— Так иди набери, чего стоишь? Речушка... мм... вон там. Воды надо побольше, так что бери котелки.

Когда я вернулась, целитель уже набил свою сумку всевозможными запасами и возился с Тисой.

— Шину ей сделай вон из того деревца, — приказал он мне. — Я так с вами совсем концы отдам! Того исцели, этого исцели! Сил мне дай, куда пошла! За шиной? Какой шиной, когда у нее кости наружу торчат! Не жадничай, много не возьму. Так, уже получше. Теперь иди шину делай, чего стоишь? Почему вам все разжевывать прям надо, сами ничего не сделаете! Не вякай, знаю, что больно, но нечего было ноги растопыривать и в дерево врезаться. Принесла? Хорошо, теперь прибинтовывай от бедра и до голени, покрепче. А ты на ногу не становись, иначе и вторую сломаю. Да все нормально с твоим капитаном, что ты ноешь! Подумаешь, без сознания лежит. Тут всем плохо, а мне хуже всех! Вы себе болеете в свое удовольствие, а я шевелиться должен. Куртку сними, а ты ей рану от волкодлака промой и зашей. Как зашить? Как рубаху драную. Вот нитки и спирт. И не задерживайся. А я пошел к Дранишу.

— Хорошо, что он болтает, правда? — тихо спросила меня Тиса, пока я прибинтовывала к ее ноге шину. — Самой думать не надо, такое облегчение.

Я кивнула. Эльф забрал у меня довольно много сил, но на собственное восстановление не потратил ни одной. Как был серо-землистого цвета, еще худшего, чем после отравления, так и остался. Кости в сломанной ноге он поставил на место и слегка их «наживил», чтобы

они лучше срастались, от сотрясения мозга девушку вообще избавил одним прикосновением и ушел к Дранишу, оставив мне в общем-то простую работу — зашить рану. Только вот я таким никогда не занималась, но использовать магию, чтобы срастить края, побоялась. Вдруг это как-то повлияет на остатки волкодлачьего яда в крови девушки.

Но Тиса оказалась более опытной в этом деле, во время войны зашив десятки товарищей по оружию, и поэтому, иногда сквозь зубы, иногда шипя от боли, давала мне необходимые указания.

После операции девушка жадно напилась воды из чайника, я помогла ей подняться и сделала из еще одной ветки импровизированный костыль. Мы похромали к Дранишу, с которым уже заканчивал работать Даетаэль. Он разматывал бинты, которыми я перевязала тролля, и сейчас заканчивал зашивать ему раны. Стежки у него выходили куда ровнее, чем у меня.

— Персик! — крикнул эльф, обрезая нить своим кинжалом. — Спускайся!

— Но Мила сказала... — донеслось с крыши.

Целитель мрачно посмотрел на меня.

— Спускайся, Персиваль, — попросила я.

— Распоряжайся, — велел эльф и полез на крышу фургона. — Драниш вполне может ходить.

Я кивнула, прикидывая в уме, что нужно сделать в первую очередь.

В этот момент из облаков выглянуло солнце — впервые за утро, — и у нас вырвался слитный вскрик.

Дорога, по которой мы мчались, была сплошь усеяна останками серых тел, которые валялись на земле, висели на кустах и даже на деревьях.

— Вот это Ярик шарахнул, — присвистнул Драниш. — Я и не думал, что он так может. Во время войны у него никогда не получалось такое количество нечисти сразу порешить, максимум десяток-другой, но сотню... Да еще и накачанных магией!

— Так, — сказала я, вспомнив о состоянии капитана, — не расслабляемся. Ребята, наносите дров, пусть Тиса вскипятит воду для каши и чая. Пока она будет хозяйничать, разберитесь с фургоном, может ли он двигаться дальше и что в нем надо починить. Мне кажется, там какая-то ось сломалась, но в этом, Персиваль, я полагаюсь исключительно на тебя.

— А ты? — ревниво спросила Тиса.

— А я пойду наверх. Спасать капитана. И не беспокойте нас, пожалуйста, — короткая передышка, которую мне предоставил целитель, закончилась.

С тяжелым сердцем я поднималась на крышу, потому что знала, что сейчас сделает эльф и какого рода помощь ему понадобится. Конечно же кровь для ритуала, связанного с высшей магией. Когда-то я поклялась никогда-никогда не впускать в свою жизнь такое. Однако я забыла, что, убегая от судьбы, рискуешь однажды резко повернуть на жизненном вираже и столкнуться с ней нос к носу. Я никогда не хотела быть магом, но то, что мы сейчас собирались сделать для того, чтобы вернуть капитана к жизни, потребует от меня всей моей магической сущности без остатка.

— Иди, иди, — подбодрил эльф, как только зашел на крышу.

Он уже приготовился к обряду и вертел в руках личный кинжал капитана, рассматривая серебряную волчью голову на рукояти.

— Я знаю, что ты не хочешь. — Голос целителя был серьезен. — Но это необходимо. Я постараюсь провести сеанс исцеления так, чтобы ты пострадала как можно меньше.

Зажмурившись, я несколько раз глубоко вздохнула, изгоняя остатки страха. Тот, кто участвует в ритуале высшей магии, не должен иметь ни капли сомнения. Я знала, что без капитана нам в этой борьбе против неизвестного злодея не выжить и не вернуться домой. Ярослав был тем стержнем, который держал нас всех вместе. Да и вообще, сколько бы я ни спорила с ним, сколько бы тролль ни кичился своим высоким званием и опытом, а Даетаэль — знаниями, мы все равно всегда оглядывались на Волка, потому что вся тяжесть принятых

решений и ответственность ложились на него.

Я легла рядом с Ярославом, протянула целителю руку и отдалась на волю судьбы. Боли от надреза я почти не почувствовала. Пока эльф читал заклинание, а я отдавала часть своих сил и часть своей крови высокомерному, холодному и безразличному к чувствам окружающих человеку, легкий ветерок рассеял на небесах облака, и мир залили теплые и яркие солнечные лучи. Глазам под закрытыми веками стало желто.

Мы чуть не погибли, потому что кто-то решил нас убить и собрал для этого армию, способную уничтожить отряд побольше нашего. Если бы не скорость фургона и не знание капитаном заклятий против волкодлаков, мы бы не смогли выжить. Зачем кому-то убивать безобидных королевских гласов? Ведь это был не бургомистр Сычёвска, который не хотел, чтобы отчет об инспекции его города попал в замок. Нет, у простого аристократа не хватило бы сил удерживать такую огромную стаю, да и к тому же подпитывать ее магией. Если бы Сычёв был таким сильным магом, его бы уже давно забрали в какой-нибудь магический университет, который постоянно разыскивает одаренных магов. Да и отравления нам вполне хватило бы для того, чтобы навсегда распрощаться с жизнью. Тем более что Тетва предусмотрел все, и даже опустошил целительскую сумку. Мы выжили только благодаря такой несвойственной эльфам вороватости Даезаэля.

Нет, определенно это был не бургомистр, это был кто-то значительно сильнее и влиятельнее, тот, кто знал, что мы выжили после отравления, или не знал о том, что нас травил. Кому и кто из нас так опасен, что его нужно убрать любым путем? Я не помнила, чтобы мы находили во время инспекций какие-то серьезные или секретные документы, разоблачающие что-то такое, для чего стоило собирать эту огромную волкодлачью армию.

Под монотонное чтение целителем заклинания мои мысли ушли в совершенно другую плоскость.

Откуда взялось такое количество волкодлаков, если в замке Сыча все наперебой уверяли нас в том, что нечисти на территории домена нет? Кто врал? Владелец Сыч, который не знает, что творится в домене? Но зачем врать обычным людям? Или крестьяне настолько запуганы своим господином, что боялись сказать правду? Почему все аристократы домена постоянно живут в замке своего господина? Боятся выйти из-под защиты стен и гарнизона?

Внезапно у меня заболела спина, заставив охнуть и потерять нить рассуждения. Боль усиливалась с каждым мгновением, жжение распространялось уже по всему телу.

— Все, все, — успокаивающе замурлыкал эльф. — Я уже заканчиваю. Потерпи еще немного. Потерпи!

Я знала одно — нельзя вырывать свою руку у целителя до тех пор, пока не закончится ритуал, как бы мне ни было больно. Сначала я просто мычала, дергая ногами, но потом не выдержала и закричала. Боль была такой сильной, будто меня разрывали на куски или заживо снимали кожу.

— Пожалуйста, не нужно, — стонала я, моля неизвестно кого неизвестно о чем. Ни капли сомнения, ни капли неуверенности. Этот ритуал был необходим, но как же было больно, как же это было больно!..

— Все! — выдохнул эльф, и я позволила себе потерять сознание.

...Лежать на крыше фургона было удобно. Снизу раздавалось взволнованное бормотание тролля, но проведению ритуала никто не помешал. Я открыла глаза. На небе ничего интересного не происходило, оно было голубым и совершенно безоблачным.

— День сегодня хороший будет, — мечтательно сказал эльф. Он лежал головой на моем животе, и, судя по всему, ему это нравилось. — Солнечный. Как ты себя чувствуешь?

Я прислушалась к себе и ответила:

— Очень хорошо, особенно учитывая последние события. Как ни странно, довольно бодрая.

— Я молодец?

— Молодец, — совершенно искренне сказала я. — Просто удивительно, как виртуозно

ты владеешь высшей магией!

— Пф... Нашла чему удивляться. Мила, в моей семье за два тысячелетия все были только целителями и изготовителями лекарств, оттачивая свое мастерство и больше ничем не занимаясь. Мне двести пятьдесят лет, из которых я десять лет играл в салочки с соседскими детьми, а двести сорок учился. Потом я понял, что мир — первостатейное дерьмо, но родные мою философию не оценили, и теперь вот я, почти лысый, со сломанным носом и утраченной надеждой на быстрое обогащение, лежу на крыше фургона и наслаждаюсь лучами солнца.

— Сколько... сколько тебе лет? — слабым голосом переспросила я, приподнимаясь на локте. Голова слегка кружилась. — Ой...

— Что? Голова кружится? Не волнуйся, это не от ритуала, это на нервной почве, сегодня все будем валерьянку и пустырник пить. Ну? Что ты так уставилась? Я не собираюсь прям тут рассыпаться от ветхости, честное слово. Я вообще, можно считать, и не жил еще.

— А...

— Еще лет двести в идеале. Но думаю, что умру раньше. Особенно с вами рядом, это разве нормальная жизнь? Год за пять, нет, за десять должен считаться! Ну, посмотрелась на меня?

Я закрыла рот и строго напомнила себе о правилах приличия. Что с того, что рядом лежит двухсотпятидесятилетний эльф? В конце концов, я с детства знала, что эльфы живут гораздо дольше людей. Подумаешь! Живут себе и живут, зато вон сколько им учиться надо.

— А что будет дальше с капитаном? — спросила я.

Волк был все так же без сознания, бледный-бледный.

Заметных изменений в нем после обряда не произошло.

— Жить будет, но вот магией ему ближайшую неделю или две не стоит заниматься. Да и вставать сегодня я бы ему тоже не рекомендовал, он сейчас слабый, как младенец. Хотя нет, младенцы — они сильные. Он сейчас как старушка на последнем издыхании. Вроде и помирать пора, но так не хочется родственников этим осчастливливать, что она живет дальше. Так что будет наш Ярослав спатеньки до вечера. О, о!.. Ты слышишь? Они кашу сварили! Спускаемся скорее, а то сожрут все без нас.

Увидев, что мы подошли к костру без капитана, Тиса побледнела:

— Капитан?..

— Мм, как каша хорошо пахнет! Тиса, ты научилась готовить? Неужели? А где эти двое? А, вижу, под фургоном ползают. Драниш, если швы разойдутся, сам себя зашивать будешь.

— Даезаэль! Ответь мне!

— Ну чего ты кричишь? Все нормально с твоим драгоценным капитаном. Спит.

Девушка облегченно выдохнула, молитвенно сложив руки:

— Какое счастье!

— Вовсе нет. Нужно было сказать: «Какой ты молодец, Даезаэль!»

— Какой ты молодец, Даезаэль, — послушно повторила Тиса.

— Только благодаря тебе от верной смерти был спасен мой драгоценный капитан, — продолжал эльф, накладывая себе в тарелку каши и выискивая в котелке кусочки мяса покрупнее.

— Только благодаря тебе от верной смерти был спасен мой драгоценный капитан.

— И поэтому теперь я буду служить тебе вечно.

— И поэтому теперь я буду... Что ты о себе возомнил! — возмутилась воительница, пытаясь огреть целителя костылем.

Он ловко увернулся и пожаловался мне:

— Вот, не получилось. А какая задумка была, какая задумка! Представляешь, какая прелесть — иметь свою собственную рабыню! Лежишь себе на солнышке, а она комаров и мух от тебя отгоняет.

— Иди в жены к Дранишу, — посоветовала я. — Он тоже об этом мечтает. Вместе

организуете себе племя и будете лежать на солнышке.

— Нет, не хочу. Тролли оскорбляют мои эстетические чувства. Кстати об эстетике. Где мой лук?

— Э-мм... — Я панически огляделась по сторонам, прикидывая пути к отступлению. — Видишь ли, Даезаэль, он несколько мм... потерял товарный вид.

— Несколько? — поинтересовался эльф.

— Ну... лук в нем еще угадывается, — призналась я, ерзая на месте от стыда, хотя стыдиться в общем-то было нечего.

— Женщины! — возопил эльф, воздевая руки к небу. — Вам ничего доверять нельзя! Или сломаете, или потеряете, или вязаной салфеточкой прикроете и водрузите сверху какого-нибудь глиняного кота-мутанта! И неизвестно, что хуже!

— Я им с волкодлаками дралась, — мрачно защищалась я. — Как он, по-твоему, должен был после этого выглядеть?

— Мила, мне не хочется тебя расстраивать, указывая на твою вопиющую безграмотность, но придется. Луком не дерутся. Из лука стреляют. Стрелами.

— Драться им тоже удобно, — сказала я. — Он легкий, удобный, и волкодлаки его прикосновений боятся.

— Конечно, боятся. Это же заговоренный лук. Ты его хоть не выбросила? Храни, мало ли что еще случится.

— Не каркай, — предупредила Тиса. — Еще одной такой битвы мы просто не переживем.

Эльф пожал плечами, но, к счастью, замолчал и сгорбился около костра, засунув ладони между коленей. Выглядел он очень плохо, землистая кожа собиралась морщинами около глаз и рта, губы были пепельно-серые, а пальцы похожи на тонюсенькие сухие веточки; глаза были совершенно тусклыми и глубоко запавшими.

— Мы отремонтировали оси у фургона, — сообщил Драниш, тяжело присаживаясь рядом со мной. — Можно ехать дальше.

— Только вот куда? — добавил Персиваль, вытер пот с лица грязной рукой и потянулся к котелку с чаем, не обращая внимания на кашу.

За минувшие сутки гном разительно изменился, даже лицо каким-то образом стало взрослее. Из глаз исчезло капризное выражение маленького мальчика, губы уже не надувались обиженно в конце фразы. И движения стали другими — более четкими, уверенными.

— Тебе поесть нужно, — серьезно сказал эльф, и мы даже не сразу поняли, что он обращается к Персивалю. Из голоса Даезаэля исчезла обычная издевка и презрение к маменькиному сынку. — Иначе рухнешь.

— Хорошо, — кивнул гном, не споря и не требуя, чтобы его уговаривали.

— А вам нужно принимать капли, — сказал целитель Тисе и Дранишу. — Пять-шесть раз в день. Нет у меня сейчас сил полностью избавить вас от волкодлачьего яда. Пару дней так протянете, а там видно будет. И перед отъездом разотрем друг друга мазью, чтобы мышцы после ночных упражнений не так болели.

Воцарилось молчание. Я ковырялась в тарелке, понимая, что поесть необходимо, но не чувствуя никакого желания. Даже тролль, который всегда отличался завидным аппетитом, глотал кашу с видимым усилием. Заметив мой взгляд, он тихонько спросил:

— Котя... тебе очень было больно там, наверху? Ты так кричала...

Я неопределенно пожала плечами.

— Но ведь и Чистомир, и Ярослав... Они оба обращались к высшей магии, и с ними все было в порядке.

— Они — Сиятельные, — коротко объяснила я. — Им метка Дома помогает. А я... Высшая магия не для моих способностей.

— Если бы я знал, что так будет, я бы тебя, наверное, не пустил. Дрыхли, что я такое говорю... Ведь это нужно было, чтобы спасти Ярика...

— Что? — спросил эльф, поднимая голову с колен и даже распрямляясь. Глаза у него загорелись. — Приходится выбирать между любовью и дружбой? Хе-хе-хе... Это только начало, и я весь в предвкушении!

— Я не выбираю, — спокойно ответил тролль. — Я люблю их обоих — и Милу, и Ярика. Разве мы не можем жить в мире?

— Втроем? — фыркнул эльф. — Думаю, Ярослав будет категорически против.

— Я буду жить с котей, а к Ярику буду ездить в гости, — подумав, ответил Драниш. — А еще лучше, куплю у Ярика земли в новом домене и там буду жить со своим племенем.

— Не дели шкуру неубитого медведя, — посоветовал целитель. — Вы в поисках Ясноцветы ни на шаг не продвинулись, а планов уже настроили... Что мы делаем дальше?

— Возвращаемся в замок Сыча, — сказал Драниш. — Там нужно будет связаться с королевским дворцом, чтобы присылали подмогу. Тут такие дела творятся, что самим нам не справиться.

— Почему мы не можем связаться с королем из любого городка? Ведь Персиваль может починить артефакты связи, — поинтересовалась Тиса. При упоминании замка Сыча ее лицо перекошилось.

— Нет, напрямую с дворцом может связаться только артефакт из замка Сыча, все остальные прежде всего служат для связи с Владетелем, и только если он разрешит, могут пробиться к королю, — объяснил Персиваль.

— А нам в замке не только могут не разрешить, но и выставить наши головы проветриться на пиках на крепостной стене, — задумчиво сказала Тиса. — Если Сыч собрал такую армию волкодлаков, то наше расследование ему никак не выгодно. А мы сейчас сами даем ему в руки.

— Уверен, армия — это дело рук вовсе не Сыча, — сказал тролль. — Это связано с личными делами капитана.

— Что-то не могу понять, — призналась я. — Кажется, в этом домене только у Сыча потенциально хватает сил, чтобы собрать и управлять таким количеством волкодлаков.

— Нет. — Тролль уверенно покачал головой. — Собирать в собственном домене такую армию? Даже старый Владетель не настолько выжил из ума. Стоит хоть кому-то из жителей домена увидеть это и выбраться за пределы владений Сыча к бургомистру любого города, как в скором времени здесь будут регулярные войска, а Сыч в кандалах поедет к королю на прием.

— Резонно, — согласился эльф. — В Хвостовске беженцев из домена Сыча — хоть отбавляй, значит, передвижению простых людей никто не препятствует.

— За последние сутки нас дважды пытались убить, — продолжал, рассуждать вслух тролль. — Отравление — дело рук бургомистра Сычёва, который не хочет, чтобы его Владетель узнал о темных делишках, происходящих в городе, это мы все точно знаем. Так? А вот волкодлаки... Мы узнали, что Ярика хотят женить и что его невеста сбежала от брака в неизвестном направлении. Потом Ясноцвета Крюк объявляется в домене Сыча, узнает, что Волк преследует ее, и решает раз и навсегда его уничтожить, собрав армию волкодлаков. Ведь никто же не может отрицать, что голос, приказавший нас убить, был женским? И только чистокровной благородной по силам управлять таким полчищем нечисти. Мила, почему ты так на меня смотришь? А?

— Потому что, — наконец-то обрела я дар речи, — в твоей версии есть куча нестыковок. Каким образом Ясноцвета смогла собрать такое полчище волкодлаков? Где она их взяла за такой короткий срок? Откуда у нее столько сил, если капитан после уничтожения этой армии лежит без сознания, а ведь убивать куда легче, чем контролировать и тем более накачивать магией животных так, что они смогли догнать фургон.

— Волкодлаки у нее от ее дружка-ульдона, ты же сама говорила, что эта девица с ним сбежала, и мы все согласились. А насчет сил... Ну откуда я знаю. Может быть, госпожа Крюк имеет огромный магический потенциал. Ярик же не самый сильный маг среди благородных, а она — из приграничного домена, а там всегда рождаются очень магически

одаренные. И вообще, у тебя есть другая версия? А у вас?

Ни у кого не было больше никаких предположений относительно личности неизвестной женщины, натравившей на нас волкодлаков. Версия тролля выглядела логичной, в любом случае на много дней пути вокруг теоретически нечистью могли управлять только Сычи, ульдоны и затерявшаяся на территории домена таинственная невеста Ярослава.

— Значит, придерживаемся этой теории и едем к замку Сыча. Просто все вместе туда соваться не будем, мало ли что... Мила, ты управляешь фургоном, дорогу я тебе сейчас по карте покажу, чтобы не возвращаться по той... с остатками нечисти, ну ее.

— Нам не ехать нужно, — вздохнул эльф. — Нам нужно где-то затаиться и выспаться. Несколько дней отдыха нам просто необходимы!

— Фургон может ехать только по дороге, — предупредил гном. — Передняя ось еле держится, любая большая яма, и она сломается. Стена от удара о дерево сломалась и покосилась. Если резко поворачивать, можем перевернуться.

Троль какое-то время крутил в руках карту, а потом спросил у Даезаэля:

— А как ты ехал вообще? Где мы сейчас находимся?

Эльф развел руками:

— Извини, у меня не было времени смотреть на карту. Несся, не разбирая дороги, лишь бы от нечисти оторваться.

— Ладно, — вздохнул Драниш, складывая бесполезную карту, — нам нужно отсюда убраться, пока не набежали падальщики. Доберемся до какой-нибудь деревеньки и там узнаем, куда нас занесло и как добраться до Сыча. Уж дорогу к замку Владетеля все должны знать.

Мы собрали вещи, перенесли капитана, приняли лекарства и осторожно тронулись.

Оси фургона скрипели и стонали, но пока держались. Я внимательно всматривалась в заросшие колеи старой дороги, на которую ночью выехал эльф. В фургоне храпели и сопели на разные лады, и эти звуки проливались бальзамом на мою душу. Как же хорошо быть живой! Я верила в то, что скоро мы найдем дорогу к замку Сыча, найдем помощь и ответы на загадки. Вряд ли нам теперь угрожала опасность большая, чем армия волкодлаков, а значит, мы еще поживем и даже выполним свое дело до конца.

А потом я вернусь к няне и больше никогда не соглашусь на подобную работу. Нет уж, лучше я буду вязать носки или печь пироги на продажу. Пусть это может на первый взгляд показаться скучным, зато жизнь будет определенно длиннее.

Я вела фургон, положив рядом с собой эльфийский лук. Просто на всякий случай.